

1989

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

С Новым годом, дорогие читатели! С новым счастьем! Надеемся, верим, что Новый, 1990 год будет годом-миротворцем, добрым и благожелательным!

А наш журнал в Новом году готовит вам встречи с известными и любимыми писателями:

/ см. на обороте /

12

„**Литературная Грузия**“ предлагает в 1990 году романы Отара ЧИЛАДЗЕ — «Мартовский петух», Нодара ЦУЛЕЙСКИРИ — «Гиена», сюжет которого лег в основу фильма «ПОКАЯНИЕ», рассказы и повести Гурама ГЕГЕШИДЗЕ, Джемала КАРЧХАДЗЕ, Годердзи ЧОХЕЛИ и др. и конечно же стихи и поэмы грузинских поэтов.

Грузия спокон веков была тесно связана со своими соседями, народами Кавказа, их судьбы небезразличны нам и теперь. О чеченцах и ингушах, об их участии в Великую Отечественную войну рассказывает Леван ХАИНДРАВА в повести «Аслан-бек». Черкесам посвятил свой последний роман «Поиски богов» недавно ушедший от нас Михаил ЛОХВИЦКИЙ (АДЖУК-ГИРЕИ).

Открывая новый год романом Григола РОБАКИДЗЕ «Хранители Грааля», редакция продолжает публикацию произведений тех писателей, общественных и политических деятелей, чьи имена, широко известные за рубежом, до последнего времени не упоминались на родине. Это В. НОЗАДЗЕ, Гр. ЛОРТКИПАНИДЗЕ, З. АВАЛИШВИЛИ, И. ТЕРЕНТЬЕВ и др.

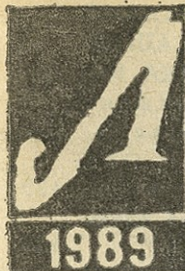
Мы предлагаем в 1990 году лучшие публицистические статьи по различным проблемам общественно-политической жизни, межнациональных отношений, экологии, статьи по истории грузинской церкви, культуры, искусства, не публиковавшиеся ранее важные документы.

В одном из номеров увидит свет и традиционная подборка «Свидетельствует вещий знак», где будут представлены произведения русских и русскоязычных писателей, так или иначе связанных с Грузией.

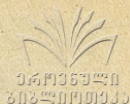
Журнал не обойдет своим вниманием и зарубежный детектив.

По-прежнему в «Литературной Грузии» будут сотрудничать лучшие переводчики грузинской прозы и поэзии.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Союза писателей Грузии

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

КЕТИ НИЖАРАДЗЕ. Автопортрет. Повесть.
Перевод Нати Мгеладзе 4

ЗААЛ САМАДАШВИЛИ. Как песня, хрипло
напетая под гитару. Рассказ. Перевод
Наны Двораковской 73

**БЕСО КАЛАНДАДЗЕ, НАРГИЗ СОПРОМА-
ДЗЕ, ВАЖА ОТАРАШВИЛИ, МАКА МИ-
КЕЛАДЗЕ, НАНА ГОГИЧАШВИЛИ.** Сти-
хи. Переводы Виктора Широкова,
Юрия Юрченко, Владимира Са-
ришвили, Наталии Гениной,
Ирэны Сергеевой 82

КОТЭ ДЖАНДИЭРИ. Семейная хроника. По-
весть. Перевод втора 89

ЛЕВАН ГВЕЛЕСИАНИ. Из переписки фрон-
товых друзей. Рассказ. Перевод автора 126

12

Издательство ЦК КП Грузии, Тбилиси

Журнал выходит с июня 1957 года

ТЕИМУРАЗ БУРКИАШВИЛИ, ИРАКЛИИ ЧАРКВИАНИ, ГЕОРГИИ МЕПИСАШВИЛИ, ЛИЯ БЕДОШВИЛИ, МАРИКА КОБЕРИДЗЕ. Стихи. Переводы Наталии Гениной, Аркадия Тюрина, Екатерины Лебедевой, Олега Боброва, Юрия Юрченко	133
КАХА КАКАБАДЗЕ. Поразмыслив об одиночестве. Рассказ	140
ГИЯ ГРИГОЛАШВИЛИ, БАДРИ ГУГУШВИЛИ, НАНА ШАБАТАШВИЛИ, ЭКА БАКРАДЗЕ, ДАВИД ТАКИДЗЕ. Стихи. Переводы Владимира Саришвили, Виктора Широкова, Наталии Гениной	150
ГИЯ ПОЦХВЕРИЯ. Два рассказа. Перевод Ирины Зурабашвили	154
АНДРО БУАЧИДЗЕ, МЕРИ ШАЛВАШВИЛИ, МАЛЬВИНА ТОИДЗЕ, ЛИЯ ДЖАКЕЛИ, АЛЕКСАНДР ГАБУРИ. Стихи. Переводы Виктора Широкова, Левана Беджизати, Марины Георгадзе, Наталии Гениной	166

ПУБЛИЦИСТИКА

МИХАИЛ ЕЛИГУЛАШВИЛИ, НАТЕЛА ХАЛАТЯН. Вечная мерзлота	171
---	-----

КРИТИКА

АКАКИЙ МИНДИАШВИЛИ. В лабиринте	194
--	-----

Хроника	81
----------------	----

Содержание журнала «Литературная Грузия» за 1989 г.	221
--	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Прошло много лет и выросло не одно поколение с тех пор, как «Литературная Грузия» на заре своего существования выпустила первый «молодежный номер». Участники его, спустя недолгое время после того, приобрели широкую известность и получили имя «шестидесятников» нашего столетия.

По разным причинам зародившаяся традиция не была продолжена, и лишь в нынешнем году мы смогли представить на суд читателей «молодежный номер». Его авторы уже привлекли к себе внимание грузинской общественности, выступая на страницах университетского литературно-художественного альманаха «Сатаве», журнала «Цискари» и др.

К сожалению, в одном номере оказалось невозможно сразу представить всех тех, с кем хотелось бы познакомить наших читателей (к сожалению — но и к радости: ведь это свидетельствует о том, что в грузинскую литературу входит целое созвездие молодых дарований). Не попали в этот номер и некоторые из тех произведений, о которых пишет, обзревая альманах «Сатаве», критик Акакий Миндиашвили: когда шел сухой подсчет страниц для макета, многие из подготовленных и одобренных материалов пришлось отложить для последующей публикации.

Тем не менее, мы надеемся, что «молодежный номер» даст русскому читателю представление о том, какие проблемы, какие темы волнуют молодых грузинских писателей, что нового несут они с собой, каков их творческий потенциал, их мировоззрение, мировосприятие, их вкусы.

Автопортрет

ПОВЕСТЬ

«Господи, я был по ту сторону бытия и в ничтожестве своем наслаждался бесконечным покоем, меня исторгли из этого состояния, чтобы вытолкнуть в странный жизненный карнавал».

П. Валери

Не волнуйся, будь спокойна и ничего не утаивай. Гиви считается очень хорошим специалистом. Главное, не волнуйся, — успокаивает меня двоюродная сестра Марина.

— Я совершенно спокойна, — раздраженно отвечаю ей.

Она волнуется почему-то больше, чем я, и меня страшит это странное спокойствие, если состояние, в котором я сейчас нахожусь, есть спокойствие: сердце подступает к горлу и вот-вот выскочит, где-то в глубине, возможно, в душе, что-то затаилось в ожидании жесточайшего удара.

После бессонной утомительной ночи я проспала до двух часов дня. Позвонила Марина и сказала, что договорилась с Гиви, и он ждет нас к семи. Я чуточку обрадовалась, как будто появилась какая-то надежда. Сам факт, что я пойду к врачу для спасения своей души (чему я наивно верила) и хотя бы что-то предприиму, придавал мне какую-то силу.

Приблизительно полгода назад я и Марина вышли из кино. Не помню, кажется, она говорила о системе йогов, как вдруг почему-то сказала, что поведет меня к хорошему психиатру на дом, может, он выпишет какое-то лекарство. Я сначала оторопела, потом заорала: — Если я дошла до той стадии, что меня надо вести к психиатру, то отведи прямо в психушку, зачем идти к нему домой! — Для тебя же го-

ворю, — пробормотала Марина, и мы молча продолжили путь.

Правда, бессонница и ощущение бескрайнего одиночества порой охватывали все мое существо, но потом это проходило без вмешательства врачей и лекарств. Если бы то состояние длилось бесконечно, я покончила бы с собой, но в последнее время мной все больше овладевало отчаяние... Прошло время, и я сама позвонила Марине — отведи к тому психиатру, может, и вправду он поможет.

И вот сегодня (в дождливый июньский день) я и Марина поднимаемся вдоль какой-то улицы, и проникшая в меня холодная тоска сжимает сердце. Я чувствую, как внутренний холод постепенно пронизывает меня, вот-вот начнет бить дрожь.

Мы прошли мимо психиатрической больницы. Я бессмысленно рассмеялась и спросила Марину:

— Скоро придем?

— Вон, тот третий дом. Пятиэтажный.

Оказалось совсем близко от больницы. «Если что-нибудь перевернется в голове, сразу сюда запихнут», — подумала я и улыбнулась.

Когда мы поднимались по лестнице, мне вдруг внезапно захотелось петь и кричать. Желание было настолько сильным, что я, стиснув зубы, старалась обуздать себя.

Дверь нам открыла женщина средних лет. Она тепло приветствовала Марину и пригласила нас в дом. — У Гиви больной, он скоро освободится, — сказала она и ввела нас в просторную гостиную. Наверное, хозяйка, подумала я и села на край дивана. В комнате стояли диван, кресло, телевизор и старинный книжный шкаф. На противоположной стене висела удачная репродукция Ван Гога «Подсолнухи» и еще несколько оригиналов современных грузинских художников.

Я сложила руки на коленях. Ногти у меня были поседевшие, я словно бы превратилась в ледяной комок. Откуда-то издалека послышался голос хозяйки:

— Как эта девочка похожа на тебя...

— Она моя двоюродная сестра, — ответила Марина и ласково посмотрела в мою сторону.

Не знаю, может, мне казалось, но хозяйка глядела на меня с сочувствием.

Затем разговор зашел об их общих знакомых. В ушах

стоял шум, мне было холодно и страшно хотелось петь, кричать, плакать...

Из другой двери, которая была закрыта, вышел высокий худой парень и коренастый среднего роста мужчина. П слышался звук закрываемой двери: из передней вернулся мужчина в очках с толстыми стеклами. Он поздоровался с Мариной, затем подал мне руку, приоткрыл дверь в другую комнату и спросил:

— Марине тоже войти, или...

— Не знаю, все равно... — ответила я и беспомощно взглянула на Марину.

В кабинете стояли письменный стол, два стула, покрытые полотняным чехлом, и низкая широкая тахта. Стены от пола до потолка были уставлены книжными полками.

Врач указал мне на стул, стоящий рядом со столом, сам же сел у письменного стола, взял мою руку и стал прощупывать пульс. Было такое ощущение, будто сердце пульсирует в запястье — и так сильно, что причиняет физическую боль. Потом врач достал аппарат и измерил у меня давление.

Он приготовил ручку, лист бумаги и спросил:

— Ваша фамилия, имя, отчество...

— Узнадзе Лана Николаевна.

— Сколько вам лет?

— Двадцать три.

— Курите?

— Сейчас мало. Раньше курила в день пачку.

— Пьете?

— Редко, но иногда страшно хочется выпить.

— Анашу пробовали?

— Один раз, не понравилась.

— Перенесли какую-нибудь душевную или физическую травму?

— ?

— В детстве или после не было ли у вас случая насилия или грубости?

— Нет, — ответила я и бессмысленно улыбнулась. Врач улыбнулся не менее бессмысленно.

— Учитесь?

— Окончила художественный техникум. Учеба или, скорее, посещение учебного заведения и царившая там обстановка всегда раздражали меня.

МОЛОДОГО
ГЕНИЯ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

— Нигде не работаете?
— В одном из издательств оформила книгу поэта.

— На что жалуетесь? — Врач нарисовал на листке квадрат.

— Извините, но я думаю, что с этого вы и должны были начать.

Он опешил, поднял брови и, как будто что-то вспомнив, спросил:

— Были ли влюблены или любите кого-нибудь?

— Да, была влюблена и сейчас люблю и, наверное, всю мою жизнь буду любить отца моего ребенка...

— У вас есть ребенок?

— Почему вы удивились, разве я похожа на старую деву?

— Нет, наоборот.

— Да, у меня есть ребенок. Ему три года. Между прочим, он очень здоровый мальчик. Я удивляюсь, как у меня и у Ники-старшего — людей очень эмоциональных и чувствительных — родился такой полноценный ребенок, как Ника, хотя, должна отметить, что в период всей беременности я была спокойна и испытывала такое чувство блаженства, как никогда. Вместе с плодом росло чувство счастья — я должна была родить подобие Ники-старшего, его продолжение, и всем существом ждала нашего ребенка. Я была очень счастлива...

Врач предложил сигарету. Я отказалась, и он закурил.

— Печень или желчный пузырь беспокоит?

— Два-три раза в году бывают приступы желчного пузыря.

— Цикл нормальный?

— Да.

— Вы не принесли с собой свои рисунки?

— Нет...

— Какой у вас сон? — Он начал рисовать голову мужчины.

— Плохой. Днем сплю, ночью не спится, не могу ни читать, ни рисовать. Какие-то неопределенные чувства мешают спать, и еще мысли об одиночестве, из которого нет выхода. Но это бывает периодически, а иногда я так люблю жизнь, что все кажется прекрасным — небо, земля, улицы, люди, вся вселенная... Но бывают дни, когда отключаюсь, словно бы отрываюсь от сына, близких, от жизни. Я одна во всей все-

ленной, наполненной неизвестностью и хаосом, и меня поражает беспечный смех людей, их хорошее настроение, все кажется фальшивым. Я запираюсь дома, словно в скорлупе, и наслаждаюсь, как мазохистка, собственной беспомощностью и отчаянием. Я лежу на диване, и перед взором мелькают счастливейшие и одновременно смешанные с какой-то печалью дни детства. Очень люблю деревья... С опавшими листьями... Но причем тут деревья?! — воскликнула я и поднялась со стула.

Доктор схватил меня за руку и потянул к стулу, не отрывая от меня пристального взгляда. Испуганная, я вырвала свою руку и приложила к сердцу.

— Здесь бьется мое сердце. Вот-вот оно разорвется, но я терплю. Потому что, когда захочу, тогда покончу со своими муками. Меня успокаивает только это и больше ничего... — при этих словах вспомнился мне трактат «Только для сумасшедших» Германа Гессе из «Степного волка»...

Я внезапно почувствовала страшную усталость и опустошенность. И села на стул. Врач рисовал портрет мужчины мелкими штрихами. Потом взглянул на меня, и я спросила:

— Можно, я на минутку выйду?

Он кивнул головой в знак согласия.

Я вышла в гостиную. Марина и хозяйка удивленно взглянули на меня. Я улыбнулась Марине, достала из сумки тетради и вернулась в кабинет.

— Это мои дневники. Пишу с тринадцати лет...

Врач открыл первую тетрадь и пробежал глазами несколько строк.

«Сегодня мне исполнилось тринадцать лет... Я так хочу, чтобы кто-нибудь ради меня покончил с собой. Вчера поздно ночью прочла «Тебе тринадцать лет» Галактиона: «Тринадцать пуль отлей мне, оружейник, и столько ж раз я погублю себя».

Ведь реально невозможно покончить с собой тринадцать раз, но очень поэтично — «и столько раз я погублю себя».

— Не сейчас, прочтите, когда я уйду. Если захотите меня увидеть...

— Хорошо, я свяжусь с Мариной.

* * *

— Довольна? — спросила Марина, когда мы вышли на улицу.

— Не знаю... — ответила я равнодушно.

— Что за тетради ты отдала?

— Мои дневники. Ты же сказала ничего не утаивать!

Мы стали спускаться вниз по улице. Подъехало свободное такси, и мы сели.

— В Ваке, — сказала Марина водителю и обернулась ко мне; — Когда следующий визит?

— Он не назначил. Позвонит тебе.

Я смотрела на ее бледное лицо. Затем я посмотрела в маленькое зеркальце машины. Это было не мое лицо — это была сплошная боль. Внезапно я вспомнила свою страдающую мать; мне стало безмерно жаль мать, тетю, Марину, — которые так переживали за меня...

— Остановите здесь.

Я вышла. Марина осталась.

— Не поднимешься к нам? — спросила я с сжимающимся сердцем, — сколько времени ты не видела Нику...

— Приду в воскресенье и приведу Нуцу. Ну, пока, все будет хорошо, — скороговоркой проговорила Марина.

Машина тронулась...

* * *

Сегодня мне исполнилось тринадцать лет... Я так хочу, чтобы кто-нибудь ради меня покончил с собой. Вчера поздно ночью прочла «Тебе тринадцать лет» Галактиона: «Тринадцать пуль отлей мне, оружейник, и столько ж раз я погублю себя».

Ведь реально невозможно покончить с собой тринадцать раз, но очень поэтично — «и столько ж раз я погублю себя».

Как беспредельно должен любить человек кого-то, чтобы покончить с собой. Я бы хотела так любить. Но пока я совершенно одна. Как-то все смешалось, какие-то неясные мысли будоражат меня. Появилось ужасное чувство противоречия. Все раздражает, особенно мать, отец, одноклассники, учителя...

Вчера отец рано вернулся с работы. Купил на рынке ко дню моего рождения поросенка, индюшку и прочие гадости, все это он укладывал в холодильник. Я рисовала в лоджии. Отец сказал, что сначала надо делать уроки, а затем рисовать. И вдруг на меня что-то нашло — я швырнула палитру об стену, опрокинула ногой мольберт, открыла дверь и закричала во весь голос: «Не могу я с вами больше жить! Не могу!» — и хлопнула дверью. Сбегая по лестнице, столкнулась с соседкой, старой девой Ниной. Ее только не хватало, подумала я, и побежала в парк.

Там же у входа в парк села на скамью, почувствовала себя страшно несчастной и расплакалась. Что-то новое и непонятное начиналось в моей жизни. Я сидела и плакала. Потом успокоилась и вернулась домой. Мама уже пришла из института. Я заперлась в ванной и стала смотреть в зеркало. Глядела на свое заплаканное лицо: что-то пугало и в то же время притягивало. Первый раз меня заинтересовало мое лицо, глаза. Затем вдруг почувствовала жуткие угрызения совести. Впервые я почувствовала себя такой одинокой.

Я пригласила нескольких одноклассников, пришли и родственники. Дядя, брат моего отца, который единодушно был избран тамадой, сказал мне: «Лана, тебе сегодня исполнилось тринадцать лет. Ты уже большая девочка, ты должна прославить своих родителей хорошей учебой (удивляюсь, как это все взрослые умудряются говорить одинаково назидательным тоном), хорошим поведением. И чтобы мы гордились тобой. Ты же знаешь, главное учеба...» И тут я не выдержала, его слова окончательно доконали меня, и я сказала: «Кроме учебы, существует ведь еще что-то?» Дядя обалдел, ребята смотрели разинув рты, а Тика, которую до сегодняшнего дня я считала самой близкой подругой, прищурила глаза и хихикнула. Как будто ей понравилось, что я психанула. Это еще больше вывело меня из себя, и я закрылась в ванной. Мама просила меня выйти, мол, стыдно, но я не вышла, хотя хотелось выйти, опрокинуть стол, полный еды, выгнать одноклассников — настоящие дебилы! — и сказать родственникам: «Не видите, я рехнулась! Будьте любезны, уходите!»

Сейчас я спокойна и удивляюсь, откуда у меня было такое желание. Папа с мамой-то в чем виноваты...

Сегодня я начала вести дневник. В прошлом году я прочла «Дневник Анны Франк», понравилось. И мне тоже захотелось писать, но все никак не смогла начать. Наверное, мне должно было исполниться тринадцать лет, и вот сегодня как-то само собой, естественно я начала вести дневник. Именно сегодня у меня появилось желание передать мои непонятные мысли и чувства — потому, что сегодня я убедилась, что у меня нет друга. Я как-то неожиданно оказалась лицом к лицу с одиночеством...

Учеба совершенно меня не интересует. Очень много читаю и иногда рисую. Сейчас у меня такое чувство, будто никогда не была счастливой. С сегодняшнего дня я, дневник и одиночество будем неразлучны.

Сегодня мне исполнилось тринадцать лет...

* * *

В семье большой переполох. У меня начинаются экзамены — а я, кроме чтения, ничего не делаю. Ничто меня не интересует. За три дня прочла «Анну Каренину». Когда что-то читаю, то заниматься не могу. Все время хочу лежать и читать.

Всю эту неделю я — Анна Каренина, безумно люблю Вронского, ненавижу мужа, при мысли о маленьком Сереже плачу. Ее последние слова: «Прости меня, Господи...» причиняют такую боль, что я плачу навзрыд. Лежу на диване, и слезы текут за уши. Постепенно я успокаиваюсь.

Ужасно полюбила чтение по ночам. Утром, когда мать будит, я как безумная. Об экзаменах не могу даже думать.

* * *

Куда исчезло мое детство? Мне только четырнадцать лет, а я оплакиваю его, зову, ищу... Как неожиданно детство оставило меня.

Когда я стану взрослой, и тогда, наверное, не вынесу, когда кто-либо исчезнет. Предпочитаю, чтоб мне сказали: «Больше не люблю, я должен уйти...» Я это вынесу, только пусть не уходят, не попрощавшись, это труднее вынести, чем слова «Прощай, ухожу...»

Детство оставило меня, но я всегда с нежностью, смешанной с болью, вспоминаю старый дом у Сионской церкви. Я очень люблю эту церковь — меня там крестили и, наверное, поэтому. С любовью вспоминаю маленький сад церкви с розами и виноградной беседкой; вспоминаю балкон старого дома, где весной и летом устраивались концерты с участием соседской детворы. Я была всегда ведущей или конферансье:

Робик Саруханов станцует «Шалахо»; Света Иванова споет «Пусть всегда будет солнце»; Лия и Ния Абашидзе споют песню «Тинико машет красными флажками»; Цинуки Габуния прочтет стихотворение о Грузии; Сима Шимшилашвили споет «Хаванагила»; и наконец — «Лана Узнадзе будет танцевать балет». Мой танец не имел никакого названия. Просто я танцевала балет. Музыка тоже была моя — придуманная во время танца. По мере возможности я стояла на цыпочках (специально надевала мягкие тапочки) и плыла из одного конца огромного балкона в другой и одновременно пела печальную без слов мелодию, махала руками изо всех сил и в конце танца умирала. Наверное, исполняла танец умирающего лебедя.

Были аплодисменты, визг и хохот, восклицания на всех языках. Сейчас в эту минуту передо мной стоят лица моих родителей. Я была (не знаю, как это еще по-другому называют) поздним и единственным ребенком в семье, и поэтому они любили меня как-то иначе. Они смотрели на меня во время концерта, и у мамы на глазах были слезы, отец же улыбался своей доброй улыбкой. Я вижу их лица, как на фотографиях, они причиняют мне непонятную боль.

На балконе стоял общий круглый стол. Как только становилось тепло, домохозяйки готовили обед на этом столе и одновременно беседовали.

После концерта кто-то выносил фрукты, другой — пирожное, а кто и вкуснейшее мороженое с улицы Кирова.

Сначала угощались мы, дети, уставшие и возбужденные после концерта. Затем отец выносил наше вино, охлажденное в холодильнике, мужчины, пригубив, медленно пили слегка кисловатую «Изабеллу», собранную на территории киностудии (мама говорила, что отец не добавляет сахара и поэтому вино кислое). Сейчас у нас есть дача, и отец оттуда привозит «Изабеллу». Расходились поздно вечером. Поднимался шум, детям не хотелось спать и родители насильно разводили их по квартирам.

У нашего дома было два балкона: один со стороны внутреннего двора, откуда совсем близко был виден храм Сиони и его красивейший крест. На этом же балконе проводились концерты, а второй балкон был со стороны набережной. Это именно один из тех висящих над Курой балконов, которые так нравятся туристам и самим тбилисцам. Меня не пускали играть во двор. Для меня двором были балкон и площадка подъезда с красными деревянными ступеньками.

Однажды мы с мамой шли из школы. Я бежала впереди. Мама звала меня, чтобы я подождала ее, не бежала вперед, но я не послушалась и, вбежав в подъезд, увидела нескольких мужчин, сидящих на ступеньках. Один сидел без носков и делал себе укол в ногу. Меня испугали не мужчины, а то, что один из них делал себе укол собственной рукой и притом в ногу. От страха я застыла на месте. В это время вошла мама, увидев мужчин, она смутилась, но один из них сказал ей: «Проходи, мамаша, не бойся». Не помню, как мы поднялись по лестнице, мама уложила меня в постель и принесла воды.

На меня так подействовала эта история, что на второй день я боялась спуститься в подъезд и не пошла в школу.

1971135321
212-111033

Отец успокаивал, говорил, что они не придут больше, но все-таки боялась. Вечером отец говорил маме, что это были морфинисты. Больше они не приходили.

По воскресеньям во внутреннем дворе (со стороны большого балкона) происходили такие скандалы и поднимался такой шум и гвалт, что весь наш этаж (забыла написать, что жили мы на третьем этаже), свесившись с перил, развлекался зрелищем, или, как говорил отец Рафика и Ламары Узунян, «бесплатным концертом». Я тоже хотела смотреть на ссоры, но мама меня не пускала, нечего тебе интересоваться скандалами соседей. Потом, когда я повзрослела, я уже сама была свидетелем частых стычек соседей — из-за развешивания белья — моя очередь развешивать белье, нет моя». из-за мусорного ведра — «Зачем поставила ведро перед самым носом», спорили из-за уборки двора — «Сегодня твоя очередь подметать, на той неделе я подмела». Когда женщины входили во вкус, то швыряли друг в друга чайники, кастрюли, ложки, веники, бельевые корзины. Стоял шум и гам, дети плакали, мужья разнимали жен.

Вечером начиналось примирение поссорившихся соседей: одна предлагала другой груши, другая предлагала персики. словно днем они не были смертельными врагами. На следующей неделе повторялось то же самое, и снова все кончалось объятиями и поцелуями.

Четыре года, как мы переехали в Ваке, а мне кажется, что прошла вечность. Мое детство осталось там, в старом дворе.

Мама зашла в ванную и будто в шутку сказала: «Заодно постелю тебе в ванной и будешь здесь спать». Моя мамочка великая юмористка. Я съехидничала, но вообще-то маму я люблю с какой-то особой нежностью, причем ничем это не проявляя. Мне очень трудно выражать свои чувства — если чувствую, что рисунком могу передать что-то, то рисую, если нет, то пишу.

Я и вправду не знаю, куда исчезло мое детство, детство моих сверстников, и вообще куда исчезает детство...

* * *

Сегодня я ушла с третьего урока. На лестнице встретила классную руководительницу. «Куда идешь?» — спросила она. «Домой», — ответила я и вышла из школы. «Завтра приведешь мать», — крикнула она мне вдогонку. Осточертела

мне эта школа: «Приведи маму! Приведи папу! Троечник переведем в ПТУ! Убирайся из класса, дегенерат!» Кроме этого, мы ничего не слышим.

Мне кажется, что когда я стану взрослой, я с большим удовольствием прочту все то, что сейчас нас заставляют читать. Я выучу наизусть или выпишу то, что мне понравится. А сейчас они говорят, выучи этот отрывок и все. Меня просто тошнит от этого. А может, мне нравятся другие отрывки? Разве учителей не должен интересовать вкус учеников? Да что вы — у них ведь план! Я не могу писать (пишу, но это не то) стандартно — о мотивах любви, дружбы, героизма в «Витязе в тигровой шкуре» потому, что это осмысленно и пережито не мною. Потому что пока я не знаю, что такое дружба, любовь, героизм. Если я сама не знаю всего этого, как я могу рассуждать о литературных героях? По-моему, в целом классе нет ни одного ученика, который смог бы передать свое собственное мнение и отношение к этому произведению. Не потому, что мы и в самом деле дебилы, как считают некоторые учителя, но наверное, у нас не хватает жизненного опыта. Потому-то во всех школах пишут похожие, как близнецы, темы о героях «Витязя...»

Вчера вечером слушала какую-то молодежную передачу по радио, какая-то заслуженная учительница говорила, что к ученикам они должны подходить творчески, понимать их, помогать и тому подобное. О каком творческом подходе может идти речь, когда учителя сами не знают собственный предмет, не имеют собственного мнения о том предмете, который они преподают. Представляю себе, если Генриэтта прочтет эти строки, ее наверняка хватит инфаркт.

Марика Микеладзе не стала писать о теме любви в «Витязе...». В контрольной тетради она написала единственное предложение: «Меня не волнует тема любви в «Витязе», потому что не существует больше такой любви, она умерла». Марике за этот протест Генриэтта вlepила двойку и в назидание другим ребятам вызвала в школу ее родителей.

Эта дура попросила ее отца (а он первоклассный делец!) повлиять на Марику, чтобы она писала только то, что от нее требуют. Требуют высказать наше собственное мнение о том или ином вопросе, и когда высказываешься и пишешь так, как думаешь, просят (если родители влиятельные) или приказывают (бедная интеллигенция!) подействовать на своего ребен-

ка, чтобы он думал так, как принято и узаконенно. Наверное, это и называется творческим подходом к ученикам.

Вернувшись домой, я легла спать и проспала часов. Вчера до двух ночи читала «Милый друг» Мопассана. Некоторые места в этой книге меня неприятно волновали, но я все-таки ее дочитала. Господи, какой дегенерат этот Жорж Дюруа! Но эти женщины вдвойне дегенератки — ведь Дюруа элементарный карьерист. Я не представляю, как можно полюбить такого мужчину.

Если б мама знала, что я читаю, у нее глаза полезли бы на лоб. Нет, она не такая уж пуританка, но если б узнала, то все равно прочла б нотацию. У нас множество томов Мопассана, но я боюсь, что стану немного развратна — шучу, конечно. Как может развратиться человек, читая книги, если по натуре он не развратен. Моим детям я позволю читать все, что они захотят.

Книги, наверное, потому и лишутся, чтобы вызвать в тебе мысли и переживания. Разве есть у искусства другое назначение?

Вчера ночью я видела сон: как будто кто-то нежно целовал мне ступни ног. Это прикосновение было похоже на дуновение ветра и приятно волновало.

Утром меня разбудила мать. «Марш в школу!» — словно бы в шутку сказала она. И вмиг исчезло то чувство. В последнее время я вижу очень бессмысленные сны.

* * *

Характерные черты моей личности! (Ха! Ха!)

1) Крайняя откровенность. Естественно, только по отношению к моей подруге Марине — т. е. к М. М. и моему дневнику. Упаси Бог, чтобы я была откровенна со всеми! Я лишь тогда откровенна, когда знаю, что меня слушают, понимают и т. д. По отношению к М. М. верю, что это так. Что касается дневника — это ведь мое второе «я» и, естественно, что я буду откровенна. Мой дневник — это поиск частей моей разбитой души. (Ах, какой я великий поэт!).

2) Крайняя ревнивость. Я, например, страшно ревную, когда М. М. мне говорит, что вчера с подругами была в кино или где-нибудь еще. Ревную потому, что М. М. безмерно дорога мне. Я вижу ее в неделю раз на уроках сольфеджио и музлитературы и ревную ее к тому времени, в котором она живет без меня. Что такое физическая ревность, пока не знаю.

Но, по-моему, это большое идиотство. Мою ревность к М. М. я называю духовной ревностью.

3) Я до ужаса рассеяна. Перевожу на нормальный язык не знаю, зачем, почему живу, хожу в школу (она же почти ничего не дает мне!), не понимаю одноклассников (так же, как и они меня), не понимаю родителей, и наоборот и т. д.

4) Время от времени желание большой любви и необъяснимой восторженности охватывает меня. Если поэт или художник постоянно будет восторжен и восхищен жизнью, то все обесценится. То, что называется вдохновением, мимолетно, и кто обладает способностью это пережить, к кому оно приходит, тот человек бесконечно счастлив. Только ради таких минут стоит жить. Правда, эти великие минуты приходится ждать долго, но я все равно счастлива: в их ожидании я напряженно думаю, как будто что-то работает во мне (наверное, сознание) независимо от меня, и какое-то предчувствие овладевает мной — знаю, что в этот день я буду рисовать. Целый день не нахожу места и, когда приходит величайшая радость, все остальное исчезает: одиночество, грусть, печаль, непонимание самой себя, и я знаю только одно: я пишу и приближаюсь к кому-то или чему-то Великому...

Обо всем этом я думала вчера ночью, перед тем, как лечь спать. Я долго рассматривала, наблюдала свое лицо в зеркале ванной, меня интересовал не внешний, а внутренний взгляд — что выражали мои глаза и в целом лицо. И внезапно почувствовала — хочу написать автопортрет. Если это мне удастся, возможно, я смогу освободиться от своего одиночества. Раз я смогла увидеть свой внутренний мир, может, смогу и написать. Хотя думать и видеть — это одно, а осуществить — совсем другое.

Мой первый автопортрет...

Будет фантастичным, если смогу передать безмерную любовь к жизни, сомнения, искренность. «Автопортрет четырнадцатилетней девушки». Такое чувство, что у меня получится, что очень скоро напишу...

Господи...

Вчера были на даче. Меня бесило, с каким иступлением отец копал землю. Я целый день сидела в полотняном кресле, загорала и балдела. Читать я не могла. Природа, земля — все это не волнует, не трогает меня. Меня тошнит от суетливости дачников: чему-то радуются, громко разговаривают, галдят. В электричке начинают взаимные приветствия,

словно они давно не виделись. В пятницу ночью они бдят в ожидании субботы. Затем разгорается весьма популярная физическая работа. Врачи советуют — если хотите быть здоровыми, занимайтесь физическим трудом. Дачники радуются, им кажется, что хотя бы на какое-то время они могут быть ближе к земле, жить, как в деревне. Меня же совершенно не волнуют ни поезд, ни друзья, ни знакомые отца из киностудии и их речи: «Как выросла твоя дочь!» Какой-то лысый мужчина спрашивает меня: «Помнишь, как отец привел тебя на съемки в павильон?» Выражение моего лица: нет, не помню, если можно, оставьте меня в покое!

Господи, эта дача превращает меня в кретинку. Мама готовит уйму всякой пищи, и мы, нагруженные, отправляемся в «родную деревню». Словно всю неделю голодали в Тбилиси и теперь все должны наверстать здесь, на даче. С меня хватит! Наши пускай хоть насовсем перебираются туда, а я останусь здесь, в городе. Правда, я и здесь не совсем счастлива, но тут чувствую себя как-то более спокойно. Эти переселения по воскресеньям сильно на меня действуют.

Сегодня я не знала ни одного предмета. Урок химии был таким бессмысленным и монотонным, что, удобно устроившись на парте, я приготовилась спать. «Узнадзе, спишь?» — рявкнула в это время Маро Апакидзе. Когда я была маленькой, мои родители, как все хорошие родители, учили меня не лгать, и поэтому я сказала ей правду: «Да», — ответила я. Маро обалдела, но не подала виду: — «Спи, спи, во сне лучше усвоишь предмет», — сказала она и иронически обвела класс взглядом. Остроумная дама, ничего не скажешь

Как можно во всей школе не любить ни одного учителя? Или хотя бы уважать!

Учитель истории Юсуп Качеишвили — тот же «Усуп» — пишет диссертацию. Он попросил нас: «Только дайте закончить диссертацию и к концу учебного года всем поставлю пятерки». О том, что Усуп пишет или списывает диссертацию, знают и директор, и завуч, и все, но что с того... У классной руководительницы — учительницы русского языка — Марины Викторовны вид настоящей проститутки: глаза размазаны тушью, брови безобразно выщипаны, полная грудь вот-вот выскочит из платья, так оно облегает тело, черные усы такие, что даже наши парни позавидуют, красит ярко-красной помадой губы чуть ли не до ушей — при виде ее можно упасть в обморок. Она настоящий деспот. На ее уроке все

кажется, а в самом деле это так. И то, что у меня появилось желание писать, и вправду хорошо. В семье и школе произошли большие события, но об этом напишу завтра.

041935740
2122010333

* * *

Неделю тому назад классная руководительница позволила нам домой и спросила маму — как мое самочувствие. Мама испуганно взглянула на меня и ответила, что хорошо. Классная руководительница сказала, что меня, маму и отца вызывает директор школы.

Мама спросила меня, почему нас вызывают, я ответила, что не ходила в школу и, наверное, поэтому.

Ее чуть было не хватил удар. «Куда же ты ходила?» «Никуда, возвращалась домой». Она сказала, что не верит мне. «Не веришь и не надо, мне плевать!» — ответила я. Мама расплакалась и произнесла страшные слова: «Ты хочешь моей смерти».

Эти слова очень подействовали на меня, и я ответила, что не ее, а своей смерти желаю, и со мной случилась истерика. Затем пришел отец и «с точки зрения педагогического воспитания» (правда, клевые слова — с точки зрения педагогического воспитания?), вел себя идеально, ничего не спросил и оставил меня в покое.

На следующий день наша семья в полном составе предстала перед директрисой. Она спросила маму, куда я ходила в часы, отведенные для занятий. Моя беспомощная мать сказала: «Я думала, она ходит в школу». «Почему хотя бы не проверили дневник?» — это уже текст классной руководительницы. Отец ответил: «Лану мы никогда не проверяем, мы и так ей доверяем». «Вот доверие-то и губит детей! — вскричала директор и добавила: — Вы знаете, что ваша дочь носит самую короткую юбку во всей школе!» Интересно, в грузинском языке, кроме патетического тона, не существует другого?!

Визит к директору закончился следующими словами директора: «Если ваша дочь не исправит оценки и опять будет пропускать уроки, переведем ее в профтехучилище». Мои родители стояли обескураженные. Очень я боюсь их профтехучилища! Они так пугают этим детей, будто собираются их отправить в ссылку. И никому — ни директору, ни классной руководительнице — не пришло в голову спросить меня, почему я не ходила в школу...

В тот же день, вечером (продолжаю историю недельной давности), нанесла нам визит вторая тетья — не врач, другая сестра моей матери. Я очень люблю ее, но в то же время она меня угнетает. Терпеть не могу, когда читает нотацию мама, а тетиньи лекции тем более раздражают меня. Я тотчас догадалась, или почувствовала, что она пришла из-за меня. Она так нервно улыбалась, что у меня сжалось сердце. Видимо, она хорошо помнила разыгранную мной в прошлом году сцену — когда я чуть не разогнала всех родственников. От волнения лицо и шея у нее были покрыты красными пятнами, и глаза странно блестели. Мама сказала мне потом (когда тетья ушла): «Я очень испугалась, когда тебе было плохо, и поэтому позвонила сестре». При чем тут тетка, мы вдвоем могли бы поговорить, тем более, что я стала чувствовать себя лучше. Тетья сказала: «Я должна поговорить с Ланой». И мы вышли в мою комнату.

Вспоминаю растерянные и грустные лица моих родителей, мне становится так жаль их, что комок подступает к горлу. Это чувство жалости разрывает сердце, меня мучают угрызения совести. Господи, как я хотела умереть в те минуты.

Начался допрос: почему я не ходила в школу, куда я ходила, о чем я вообще думаю, что собираюсь делать, почему мне не жаль родителей и т. д. и т. п. «Уходите! Оставьте меня в покое!» — хочется крикнуть.

Я старалась сдержаться, потому что эта женщина была матерью моего двоюродного брата Гурама Картвелишвили, писателя, перед которым я преклоняюсь.

В десять лет я впервые прочла очень странную пьесу и рассказы Гурама. Мне никто не советовал читать их, они сами вошли в меня, в мою жизнь... У меня такое чувство, как будто Гурам и погиб, и будто он живет рядом со мной взбудораженной, беспокойной жизнью.

Иногда я думаю, что Гурам меня понял бы или постарался бы понять, и я переживаю безграничную боль от того, что его нет рядом. В полночь, когда весь восьмизэтажный дом спит, а меня, оставшуюся наедине со своими переживаниями и мыслями, — не касается сон, хочется крикнуть: «Гура-а-а-а!»

Человек, которого больше нет на свете и который нужен мне сегодня больше, чем кто-либо... — такому человеку приходилась матерью женщина, что сидела передо мной и учила меня уму-разуму.

Я тихо глотала слезы, вспухшее горло болело от немного плача, и я сказала тете: «Ничего больше не хочу... Не хочу больше жить». И в тот же миг поняла, что целый месяц я бессознательно желала смерти. Внезапно я увидела тетины глаза, полные слез, напряженное от физической боли лицо и дрожащие губы: «Лана, что же мне тогда делать, доченька...»

Я почувствовала такую страшную боль, будто меня переехала машина.

Разве можно сравнить мою боль с ее болью?! Я, эгоистичная, праздная девчонка, навязала себе какие-то глупые мысли и называла это состояние болью! Гурама нет... Есть его мать. Закрыв руками мокрое от слез лицо, она тихо причитала: «Мой сынок, мой сынок...»

Господи, что значит моя боль от соприкосновения с действительностью, когда нет Гурама, он больше не приласкает мать, возвратившись домой поздно вечером; не улыбнется ей своей неповторимой улыбкой; не удивит ее неожиданным, странным, благородным поступком, больше ничего уже не напишет... Гурама нет... А я...

Разве я заслуживаю чьи-то слезы?!.

Эти мысли мгновенно промелькнули в голове. Я присела рядом с тетей, обняла и стала целовать мягкие, белые, как снег, волосы, потом опустилась перед ней на колени, целовала ее натруженные руки и просила прощения.

Чуть позже мы вышли из моей комнаты, и я сказала родителям, что закончу восемь классов и продолжу учебу в художественном техникуме. Это решение я приняла в эти минуты, оно было моим спасением, выходом из того состояния, в котором я находилась. Мне кажется, что творчество — выражение собственного «я». Одну четверть я еще продержусь в школе, а затем буду заниматься живописью... Это единственное, наверно, что меня притягивает, в чем я по-настоящему нуждаюсь.

Весь тот месяц я была до такой степени отключена от всего, что даже не могла плакать. А в ту ночь я с облегчением плакала...

* * *

Наша классная руководительница назначила родительское собрание. Я не хотела, чтобы мама пошла — заранее знала, что за собрание проведет уважаемая Марина Викторовна.

Неделю назад Генриэтта Салакая на уроке отобрала у моей одноклассницы тетрадь со стихами. Бесчувственную Ген-

риэту стихи так возмутили, что она дала прочесть тетрадку сначала классной руководительнице, а затем завучу и директору. Представляю их лица при чтении этих стихов.

Мне кажется, что учителя стараются подавить в нас чувство красоты и прекрасного, чувство естественного. Почему любовь запретная тема? Директриса, оказывается, сказала (представляю, как она при этом поучительно помахала пальцем), что наши родители с самого начала должны присматривать за нами, чтобы эти наши увлечения не переросли в нечто плохое.

Господи, во что может перерасти сочинение стихов?!

А я вот веду дневник — это тоже может перерасти во что-то плохое? Ведь это только мой мир. И я раскрываю его только для себя, так же как и «виновная» Ната Джандиэри. Как же иначе мы должны жить? Как машины? Учиться, есть, спать и так всю жизнь, пока не умрем?

Мама сказала мне, что на собрании были и родители Наты. Все происходило, как на настоящем суде: родителей Наты посадили отдельно, у доски, чтобы все хорошо их видели, и задавали вопросы, поочередно, то директор, то завуч, то классная руководительница.

После этого дня Ната в школу не приходила. Ее родители сказали, что она заболела. Учительница грузинского языка ехидно улыбнулась и сказала, что знает, какие справки приносят дети, и добавила: «Возможно, в эту минуту она снова пишет стихи, и если дадите ей волю, то и уроки она не будет готовить и сядет всем на голову».

И такой человек должен учить нас родной литературе? Говорить о героизме, о нравственности нации?!

Собрание закрыла директриса. Мама с выражением толкнула речь, подражая интонации нашей Елены: «Уважаемые родители! Чтобы такой инцидент не повторился в будущем, вы и мы, вся школа должны бороться с их рано пробудившимися чувствами. Они опасны, ибо обязательно перейдут в другую, более опасную сферу. Вспышку эту можно сжидать каждый день, в любую секунду, именно поэтому мы должны сплотиться и вести неустанную борьбу. Не стыдитесь следить за ними — ведь я тоже мать! Разве они не наши дети?! Когда они говорят, что идут к друзьям, не доверяйте им, тихо проследите за ними и убедитесь в правдивости их слов. Ни в коем случае не доверяйте телефону. Если у вас в квартире нет второго аппарата, обязательно приобретите и установите в

другой комнате, на кухне и не пропускайте ни одного разговора тринадцати-четырнадцатилетних девушек — да, да, именно девушек! Они так называемые акселераты — то есть сексуально рано созревшие. Девушки именно этого возраста могут встречаться с любым парнем — с знакомым, или незнакомым — для них все равно. Поэтому мы должны следить за каждым их шагом. И что самое главное, никаких дней рождений!!! Разве дома бывают все родители, когда одноклассники, друзья их детей приходят на день рождения? Кто смотрит на угощения! Мальчики приносят выпивку, девчонки тоже не отстают (конечно, приносят из дому!), напиваются... Танцуют... И притом в темной комнате.

Я думаю, нет, не думаю, а уверена, что если бы они хорошо вели себя, не тушили бы свет. Естественно, что затемненная комната, алкоголь, сумасшедшая музыка пробуждают в них страсть. А всякая страсть в их возрасте, да и вообще, губительна. Повторяю — губительна! Итак, не спускайте с них неусыпного взора, бдительного внимания, и мы с честью исполним свой долг перед будущими поколениями!»

Бурные аплодисменты!

Давно столько не смеялась! Ну, мама дает. Она была в ударе и так здорово подражала уважаемой Елене, что отец тоже смеялся.

А вообще-то мама хороша. Я не выдержала и сказала: «Как ты могла слушать эти глупости, видеть, как над нами издеваются!» Мама ответила, что она ничего не могла сделать, так как все сидели и молчали, не защищать же ей нас в одиночку! Моя «демократичная» мамочка! «Почему тогда в знак протеста ты не ушла с собрания?» «Я хотела, но не смогла уйти. В конце концов, твоя судьба (не помню, как она сказала судьба или будущее) зависит от них». Да, делать мне больше нечего, спрашивать их о своей судьбе. Еще немного, а там не то что в профтехучилище, но и к черту на кулички, лишь бы уйти из школы.

* * *

Джером Дейвид Сэлинджер!

Прочла повесть «Над пропастью во ржи». Так понравилась, что чуть не свихнулась. Мне, подобно его герою — Холдену Колфилду, захотелось написать классному руководителю (в данном случае Сэлинджеру) письмо. Это письмо я, конечно, пишу для себя — себе. Для собственного кайфа.

О, Джером Сэлинджер! Как я люблю тебя, люблю твоё обалденное детство и юность! Люблю твою потрясающую искренность! Люблю твой разум, кретинов, что видишь вон руг, тоже люблю! О, Джером Сэлинджер!

Близкие, наверно, зовут тебя Джерри. Я тоже буду называть тебя так. С американским выговором — Джерри Сэлинджа!!!

Ты тогда, наверное, был неопытен, иначе не предложил бы этой кокетливой девице жить вместе в лесу, у берега реки. Америка и Грузия находятся на разных континентах Земли, но предложи ты мне пойти с тобой, я бы последовала за тобой хоть на край света, ибо я такая же чудачка, как и ты! Я легла бы с тобой на траву, о Джерри Сэлинджа, расцеловала бы твои печальные глаза...

А может, ты приехал бы ко мне, Джерри Сэлинджа? Я не стану показывать тебе достопримечательности моего города — ведь ты усталый, Джерри Сэлинджа! Мы заперлись бы в комнате и поболтали бы от души. Я одинока, как и ты — ооу, Джерри Сэлинджа!!!

* * *

Сегодня день рождения Гурама.

В этот день мы приходим на кладбище к Гураму. Его друзья скорбно стоят у могилы. Для моей тети все они, сверстники Гурама, — мальчишки... поседевшие, сорокапятiletние.

Мы с мамой с утра пришли к тете. Мама помогала по хозяйству, а мы с Ией, дочерью Гурама, пытались утихомирить Гурама-младшего. Несмотря на жару, он как угорелый носился взад-вперед по лестнице. Мама сказала, что и старший Гурам был таким же озорным.

В течение дня я как будто не думала о Гураме, но как только мы подъехали к кладбищу, от боли у меня сжалось сердце, и я опустила голову на колени, чтобы никто не видел моих слез. Ия положила руку мне на голову. Это еще больше подействовало на меня. Я прижалась щекой к ее руке и тихо плакала.

Почему я оплакивала человека, которого не помнила, вероятно, из-за памяти о нем, потому что его гибель — незаживающая рана для родителей, сестры, близких, друзей, знакомых... И еще, наверно, из-за той любви, которой он не успел одарить людей. Я не знаю, какой буду в двадцать шесть лет, что успею сделать, если погибну так же неожиданно, как Гу-

рам, останется память обо мне или нет? Но одно я знаю точно: Гурам идеал для меня, и прежде всего как человек. Я хочу, чтобы память обо мне была такой же хорошей, когда бы я ни умерла...

Все, что он написал, дорого мне. Мать сказала, что у него осталось много неопубликованного. Я очень хочу написать что-нибудь о рассказах Гурама. На письменном экзамене по литературе одна из тем была «Мой любимый писатель». Так захотелось написать о Гураме, не о моем двоюродном брате, а о писателе Гураме Картвелишвили, но я почувствовала, что пока рано... Мне трудно будет о нем писать.

Вчера читала лежа. Мама никак не смогла заснуть, вышла на кухню и закурила. Я вышла к ней. Она показалась мне страшно разбитой. Морщины на лице стали глубже, глаза запавшие, а лицо уставшее и измученное. «Мама, когда ты начала курить?» — спросила я. «Когда погиб Гурам», — ответила она.

Старший Гурам — легенда моего детства. Я так переживаю каждый его день рождения, как будто он погиб не давно, а на днях. Мне очень не хватает его, он мне очень нужен (и не только мне одной).

Человеку всегда нужен близкий, друг, от которого ничего не скрываешь: ни в детстве и ни потом, а когда тебе четырнадцать лет и когда тебе трудно разобраться в своей и чужой жизни...

Гурама я помню очень смутно. У меня осталось только физическое ощущение его тела: сильная шея, плечи, на которые он меня сажал, и так разгуливал со мной по улицам старого Тбилиси.

...Мы приехали позже всех. Как только мы вышли, младший Гурам побежал вперед сломя голову.

У могилы я увидела столько народа, что отстала от Ии: мне стало стыдно своих заплаканных глаз. Ию окружили друзья отца. Они с какой-то странной стеснительностью печально целовали, ласкали ее. Когда я положила на могильную плиту ромашки и взглянула в лицо матери Гурама, высохшее от горя, слезы вновь подступили к моим глазам. Тетя тоже заплакала, тихо, прикрыв платком лицо, я услышала, как она шепчет: «Сынок... сынок...»

Ни с кем не поздоровавшись (у могилы стояло множество родственников, и не было силы с ними целоваться), я пошла

к могиле бабушки и дедушки. Ия крикнула, что она тоже пойдет, и мы свернули направо.

Бабушку не помню, дедушку помню смутно: помню его темно-коричневый костюм, чуть припухшие веки, пожелтевшие от табака седые усы, старчески узловатые руки и трость. Наверно, таких стариков и называют благородными. Дедушка не смог, оказывается, перенести смерть Гурама. Он из всех своих внуков как-то по-особому любил Гурама и гордился им. И Гурам тоже любил дедушку и относился к нему с теплотой и нежностью.

Дома на просторной веранде был накрыт стол. Мужчины произнесли тост в память Гурама. Гурам жив, думала я, он вместе с нами, он в нас, раз его так любят и помнят.

Через некоторое время его друзья пели «Мравалжамиэр». Они пели стоя, голос лился вольно, свободно и бодро, и чувствовалась вечность жизни.

Потом вновь вспоминали Гурама: вспоминали бесчисленное множество историй, смешных и печальных, которые приключились с ним. Кто-то рассказывал, как Гурам любил Кახети, море, горы, понимал обездоленных, сочувствовал беднякам, бездомным людям. И вдруг опустилась странная тишина, и какой-то светловолосый мужчина (который слегка хромал) начал таким отчаянным голосом петь песню, что у меня по всему телу прошла дрожь, как будто мне вывернули сердце. Сидящий рядом со мной мужчина в очках с дрожью в голосе сказал другому: «Помнишь, любимая песня Гурама», — и прикрыл лицо дрожащей рукой.

Для меня никто не будет петь так самозабвенно, с такой пронзительной болью, никто не будет рыдать, никто...

Я не хочу, чтоб я исчезла бесследно и чтоб это называлось смертью... И никакие теории о том, что моя душа превратится в камень или в траву, не принесут мне покоя.

Я хочу жить здесь, на земле, всем своим существом.

Я жажду жизни.

* * *

Впервые получила на экзамене тройку. У мамы было такое лицо, что я сказала ей, чтобы она оставила меня в покое. Думаю, мои родители поняли, что со мною все равно не сладить: хочу — буду учиться, хочу — нет.

После последнего экзамена одноклассники, как всегда,

пошли в парк Ваке: чертово колесо, карусели, машины, визг, смех, бессмысленно возбужденные лица ребят и коллективное поедание мороженого совсем меня не привлекали, и я пошла домой.

Стала рыться в книжном шкафу матери, — искала какую-то книгу и нашла нераскрытую пачку сигарет «Колхида». Взяла одну и впервые в жизни закурила. Голова у меня не закружилась и ничего не случилось. Я обрадовалась, что этот эксперимент прошел без какого-либо курьеза.

Потом легла в постель и, закрыв глаза, слушала «Английские сюиты» Баха, думала обо всем вместе: о море, о моих одноклассниках... В классе с нами учился некий Тэмо Заридзе. Самоуверенный тип. Красив, умен, но насмешлив и нагл, смотрит на меня такими глазами, как будто я голая. Весной мы смылись с уроков и пошли в кино «Казбег». Тэмо попросил Нино Болквадзе: «Посади меня рядом с Ланой, у меня к ней дело», Нино с усмешкой сказала: «Ведите себя прилично» — (с юмором девочка, ничего не скажешь!) и пересела вперед. Во время демонстрации фильма Тэмо шепнул мне на ухо: «Ты бы совсем разделась». Он имел в виду мою короткую школьную форму. «Ты лучше следи за своими глазами», — ответила я. Он рассмеялся и шутливо сказал: «Что мне делать с проклятыми моими глазами». Сегодня этот дебил подошел после экзамена и задрал мне юбку. — «Как я люблю, когда девчонки носят белые трусики», — сказал он. Настоящий больной. Действует мне на нервы. Так беспорядочно думала я обо всем. В это время вернулась мама. Увидев меня в постели, она спросила, не случилось ли что. Мама, наверное, подумала, что я провалилась на экзамене. Я ответила, что у меня разболелась голова. Она прикоснулась губами к моему лбу и вдруг отскочила назад. Я подумала, что она свихнулась. «Лана, ты курила папиросы?!» — воскликнула она. Эти ее «папиросы» сводят меня с ума. Ничего не поделаешь, когда мама начала курить, тогда были только папиросы «Казбег» и «Курортные».

Удивляюсь, как мама догадалась, что я курила. Кто-то говорил в классе, что заядлые курильщики не чувствуют запаха сигарет. На патетический вопрос моей матери я нагло улыбнулась и ответила: «Да, мамочка!» «Вот увидишь, скажу отцу», — сказала моя мамуля и вышла из комнаты.

Кому хочет, пускай тому и говорит. Пусть хоть совет родственников соберет... Я схожу с ума, когда мама мне го-

говорит, что скажет отцу или тете. Ведь этим она доказывает свою слабость и больше ничего. Могла же она спокойно спросить: «Ты курила?» Я так же спокойно ответила бы: «Нет» было интересно, захотелось попробовать — и только». Она же грозилась отцом. Конечно, она ничего ему не сказала.

Слава Богу, сдала экзамены в техникум. Выдающийся художник Лана Узнадзе! Ах, как звучит!..

Но, кроме шуток, хочу отметить, что отныне буду делать то, что хочу, т. е. буду писать, когда и сколько захочу.

Мама хочет, чтоб я поехала в Цхнети к тете, мои двоюродные братья уже там. В Цхнети меня возят с двух лет, наверное, меня вырвет, если еще хоть одно лето я проведу там.

Мама сказала, что я могу поехать и в Телави с тетей, Ией и маленьким Гурамом. И туда не хочу. Не потому, что не люблю Телави. Напротив, Телави очень интимный, теплый город, но мои предки не понимают, что мне необходимы только покой и книги. И потом мне столько надо рисовать. Мама говорит, что одну меня не оставят, сами они собираются в Боржоми, но и Боржоми стоит у меня поперек горла. Не хочу. Спасибо.

И на море не хочу ехать. М. М. и ее мать едут в Гагра. М. М. приглашает меня, но больше всего я хочу остаться одна. Между прочим, М. М. сдала в музыкальное училище на отделение фортепиано. Я буду художницей, она — пианисткой.

Великое будущее впереди.

Иногда очень хочется быть или маленькой или взрослой. В детстве все было ясное, светлое, цельное. А взрослой хочу быть потому, что, как мне кажется, у взрослых все определено, они почти все знают. А сейчас у меня рождаются одни вопросы: «Зачем, почему?»..

Когда мама мне говорит, чтобы я выпрямилась и не сгибалась, как вопросительный знак, то я смеюсь и отвечаю, что я и есть вопросительный знак. На это мама отмахивается, мол, не говори глупости. Кажется, мама встала. Ее бессонница меня доконает.

Сегодня первое января. В апреле мне исполнится шестнадцать, и с меня хватит того, что я перенесла. Несмотря на

все это, в Новый год я полна светлых надежд: люблю всех, верю всем, у меня есть дело, которое мне очень дорого.

Больше всего я страдаю от чувства одиночества и жажды сильной настоящей любви.

Я остаюсь дома, наши идут к Картвелишвили. Первого января у них всегда собирается много народу. А это на меня ужасно действует — после истории в Цхнети. Поэтому я избегаю ходить в кино, театр, на дни рождения. Глупо, конечно. Просто этот идиот не давал мне покоя; встречи, проводы. Вымотал все мозги по телефону: «Если увижу тебя с кем-нибудь, убью...». День рождения он справил на своей проклятой даче в Цхнети. Там были все мои бывшие одноклассники. Девчонки смотрели на меня многозначительно. Мальчики пили за любовь и еще за какие-то глупости. Потом стали танцевать. Там весь вечер танцевал со мной. От него приятно пахло дорогим одеколоном. У меня кружилась голова. Он был пьян и ни с кем не считался — ни со мной, ни с другими. Обнимал, целовал. Все танцевали рок, а он не отставал от меня. Затем отвел меня в свою комнату, уложил на постель, и вдруг я почувствовала, что он добьется своего... Скорее от душевной, чем от физической боли, я окаменела... Рассветало... Не было слышно ни голосов ребят, ни музыки. Он вошел в комнату и стал у окна (словно чувствовал, что мне хотелось выпрыгнуть), он был бледен, и мне, глупой, почему-то стало жаль его. Затем он сел на пол рядом с постелью и сказал: «Окончим школу и распишемся». Я ничего, ничего не хотела от него, лишь бы оставил меня в покое. Потом он навещался в техникум, проверял по телефону — дома я или нет. И когда, однажды, захотел поцеловать в подъезде, я плюнула ему в лицо. Он насмешливо улыбнулся и ушел.

После этой истории у меня не все в порядке с нервами — плачу без всякой причины. Надо же, что вспомнилось...

В последний раз у Картвелишвили я была в прошлом году. У них было, наверное, человек сорок. И уйма детей. Три поколения. Почти все друзья моего дяди поют. Дядя тоже пел вместе с ними и, когда я вспоминаю их песни и лица, меня охватывает дрожь. Были произнесены прекрасные грузинские тосты. Без всяких тошнотворных слов, которые должны раздражать любого нормального человека. Пели церковную — «Ты — лоза». Я, затаив дыхание, слушала умиротворяющую, сдержанную и в то же время душераздирающую песню и на

душе становилось спокойно, тихо, мирно, словно сопри-
касаясь с чем-то возвышенным.

Когда наши уйдут, я закончу «Хизаны Джако» ^{Михаила} Джавахишвили. Ничего смачного в этой книге нет. Один парень в техникуме говорил, что там, дескать, очень сильные моменты... Меня удивляет, почему моих сверстников интересуют такие места... Роман я стала читать с начала, а не с тех «главных» мест. Если б там был бы описан любовный акт, еще ничего. Это даже интересно, но то скотское, что происходит между Джако и Марго, совсем не интересно (конечно, в том смысле, с какой подходят мои сверстники). Меня больше всего поражает падение Теймураза Хевистави.

Мои однокурсники шизики — у них мозги перевернуты. У меня тоже, но по-другому. Я хочу сказать, что у меня тоже есть комплексы, но их беспокоит совсем другое... Одним словом, я не иду вместе с нашими и очень рада, что у меня есть возможность остаться одной. Я в отличнейшем или, как говорит М. М., в преотличнейшем настроении. Мои глупые однокурсники, я люблю вас! Сидящий на дереве детского сада воробей, тебя тоже люблю! Обласканное сияющим солнцем первое января, и тебя люблю! Всех и все люблю! По-моему, я окончательно свихнулась.

* * *

Господи, я схожу с ума!.. Он был сегодня у меня...

Наши ушли в два часа. Я уютно устроилась в своей комнате. Поставила «Битлзов» на проигрыватель, прилегла на диван, прикрылась пледом и слушала музыку.

Неужели после всего, что было, я могла подумать, что все так легко... Нет, как я напишу о том, что сегодня случилось. Что-то меня беспокоило, я встала, подошла к своим работам, повернула прислоненный к стене портрет Ии и долго смотрела. Получился почти портрет Гурама-старшего, но все-таки, это была Ия со странно печальными глазами... Потом я курила сигарету и не знала, что делать. Хочу вспомнить, о чем я думала в те минуты, но никак не могу вспомнить. Затем, лежа на диване, без причины плакала. Не знаю, почему. Телефонный звонок заставил меня вскочить. Это был Тэмоз Заридзе... Поздравил меня с Новым годом и спросил, почему я дома. Я, растерявшись, ответила, что наши ушли и что мне хотелось остаться одной. «Можно подняться к тебе на две минуты? Очень хочу видеть тебя», — сказал он. Я отве-

тила, что можно, почему бы и нет. Господи, я так ответила, как будто ничего между нами не случилось. Что со мной происходит! Я начала убирать разбросанные книги и альбомы, кисти положила в банку, мольберт вытащила в комнату родителей и думала о том, что мне надеть: джинсы и пуловер или платье. Надела старое, но очень красивое платье и осталась довольна собою — грудь смотрелась до умопомрачения привлекательно. Когда я причесывалась, то в зеркале увидела возбужденные блестящие глаза. Это была я! Это были мои глаза! И в это время в дверь позвонили. Мое идиотское сердце так билось, что, открыв дверь, я подумала, что Тэмо тоже слышит стук моего сердца.

В дверях стоял высокий красивый парень. Войдя, он поцеловал меня в шею, где-то возле уха, и тихо прошептал: «Как я скучал без тебя...» Я такого голоса не слышала — у меня чуть не подкосились колени. И я поняла, что все два месяца, как мы расстались, я ждала только его... Не было никакого чувства отвращения и ненависти. Я была готова на все, лишь бы он был рядом со мной. Так и случилось: не помню, что он мне говорил, — у меня закружилась голова. Не помню, как мы оказались на диване, и когда он вновь стал целовать в шею, перед взором моим вдруг предстало лицо девчонки с четвертого курса, которая в туалете показывала своей однокурснице синяки на шее, тщательно скрытые ею воротом свитера, и говорила, что Кока очень страстный. Тогда меня поразило не то, где умудрилась восемнадцатилетняя девчонка так целоваться, я недоумевала, неужели так испуленно целуют ребята девчонок.

Он с такой нежностью целовал меня в шею, что мне тоже захотелось его целовать. Мы целовали друг друга жадно и самозабвенно, и когда он сжал мою грудь, я обняла его и мы понеслись по все сметающему на своем пути течению.

Не помню, как он встал: когда я открыла глаза, он стоял одетый и со странной улыбкой всматривался в меня... Потом нагнулся, поцеловал в губы, я ответила поцелуем и потянулась к нему, но он отстранился, выпрямился, заботливо прикрыл меня пледом, сказал, что должен идти к родственникам, еще раз коснулся, как ветерок, моих губ и ушел.

Он придет... Придет! Не может не прийти... Потому что... Потому что я его люблю! Это и есть любовь? В эти несколько минут я была где-то между небом и землей... Может, это и есть счастье?..

* * *

Сегодня позвонила старшей сестре матери — Ницуце и сказала ей, что хочу ее видеть. Она сразу смекнула, было дело. Несколько секунд она молчала, затем изменившимся голосом сказала, чтоб я пришла к ней до шести, потом у нее будут пациенты.

Боже, как я волновалась!.. Открыв дверь, она поцеловала меня, испытующе поглядела и спросила: «Влипла, да?». «Не знаю, что со мной происходит, каждое утро меня тошнит, я чувствую слабость», — ответила я. «Понятно», — сказала она, ввела в свой кабинет, уложила на покрытую простыней тахту. Осмотрев меня, она вымыла руки, села в глубокое и широкое кресло и закурила. Одно время молчала, затем нервно раздавила сигарету в пепельнице и сказала: «Ты беременна... Кто он?!». Она спрашивала о Тэмо, но ее слова так ошеломили меня, что у меня отнялся язык, а во мне кто-то отчаянно кричал: «Я беременна!». Когда она повторила вопрос, я бессмысленно ответила, что это не имеет никакого значения. И вот тетя пересела ко мне на тахту и спросила: «Хоть скажи, сколько ему лет?!» «Мой ровесник...» Ницуца схватилась за голову. «Боже, что за абсурд!» — воскликнула она. У нее это получилось так театрально, что я чуть не рассмеялась. Я, конечно, ненормальная, разве тете до игры, когда ее пятнадцатилетняя племянница беременна. «Ты сказала ему?». «Нет, он был только один раз... И больше не приходил...». Тетя закурила новую сигарету, положила руку мне на колено и сказала: «Сегодня пятница, в понедельник в девять часов утра придешь ко мне в больницу, и все кончится за три минуты». Я изумленно спросила: «Что кончится?» Она с убийственным спокойствием повторила «Все».

Провожая меня, тетя вышла со мной в прихожую и тихо сказала (в кабинете ее ждала беременная женщина): «Смотри, не делай глупостей! Никто не виноват, что ты оказалась в таком положении. Я понимаю тебя, ты девчонка эмоциональная, но это ведь не значит, что с первым же парнем, объяснившимся тебе в любви, надо лечь в постель...»

Домой я возвращалась пешком. В понедельник я делаю аборт (какое противное слово!)...

У меня сейчас в голове промелькнула мысль: может, и не поеду на операцию. Уеду в деревню, рожу там ребенка и буду воспитывать одна, совсем одна. Знаю, это невозможно в моем возрасте, но ведь бывают исключения?

Я не смогу стерпеть боль... Хватит... Я покончу с собой... Должна сделать аборт из боязни, что скажут родственники? Или соседи? Мне плевать на них! Вместе с ними мне плевать и на себя!

А потом, как я буду потом жить? Возможно, у меня никогда уже не родится ребенок? — Это у меня-то, мечтавшей родить пятерых... Как же мне быть? Искусством, рисованием заглушать материнский инстинкт? Глупости... Глупости...

Хоть бы рядом был человек, которому я могла бы рассказать все. Хотя бы один человек...

* * *

Наши легли спать. Неужели... Нет, не могу писать! Ничего больше не хочу, ни жить, ни любить... Зачем? Почему?

* * *

...У меня такое чувство, будто кто-то считает мне минуты...

У меня еще полчаса. За эти полчаса свободно могу покончить с собой, но потом при вскрытии все выяснится и тогда...

Вчера вечером позвонила тетка: «Завтра придешь в больницу?» «Конечно, приду», — ответила я так, будто она приглашала меня на званый вечер. Я не хотела, чтобы наши что-нибудь заметили, особенно мама.

Ужасно боюсь смерти. А если у меня начнется кровотечение? Или не смогу выдержать боль и умру?

Гляжу сейчас на свои рисунки, книги, мольберт, на рояль, у которого в минуты одиночества, отчаяния и в ожидании чего-то прекрасного я провела столько минут; на диван — свидетеля стольких сладких и горьких моих слез.

Хочу вспомнить что-то хорошее, но, кроме острой душевной боли, не могу вспомнить ничего.

* * *

Все кончилось... Жизнь кончилась...

Прошло два месяца с тех пор, как я ничего не записывала в дневник. Два тяжелейших месяца. В доме ужасная ситуация. Родители не могут даже осмелиться спросить, что случилось, что меня беспокоит.

И потеряла самое главное — веру в человека. Хотя всегда легче обвинить другого, чем себя. Самоубийство оказалось тоже не легким делом... Я обманула маму, что вывихнула кисть и со стыдом посмотрела на свою перевязанную руку.

* * *

Жизнь продолжается... Раз ты живешь, то должна делать что-то. Иначе твоя жизнь не имеет никакого смысла. Сколько хочешь думай о бессмысленности жизни, это не выход из положения.

* * *

Половина третьего ночи. Закончила «Мадам Бовари». Это настолько известный роман, что мое мнение вряд ли что-то изменит, но я считаю, что роман читается с трудом, наверное потому, что сама история мне кажется нарочитой.

Больше госпожи Бовари мне жаль ее мужа, Шарля Бовари. Он такой беспомощный, беззащитный, что хочется крикнуть: «Эй, мосье, очнитесь!..»

Эмма Бовари покончила с собой не потому, что у нее были долги, а потому что она разочаровалась в жизни, ее не удовлетворяло то, что у нее было. Она кончает жизнь из-за неосуществимых желаний. Она и без долгов покончила бы с собой, потому что, как говорят, личность не состоялась, мечты не совпали с действительностью, настолько они были отличны от реальной жизни.

Эмма не была женщиной глубоких переживаний, отсюда и те отношения, которые складывались у нее с Рудольфом и Леоном. Причина ее трагедии кроется в ее слабых нервах... И самоубийство — подтверждение тому.

Я хочу выписать для себя наиболее интересные места из этой книги Флобера: «Он уже не говорил ей, как прежде, тех нежных слов, что трогали ее до слез, не расточал ей тех бурных ласк, что доводили ее до безумия. Великая любовь, в которую она была погружена, высыхала, точно река, и уже видна была тина. Эмма не хотела этому верить, она стала еще нежнее с Рудольфом, а он все менее тщательно скрывал свое равнодушие».

Как это характерно для мужчин, когда они убеждаются в любви женщины, то страсть у них превращается в равнодушие. Восемьдесят из ста — если не больше — мужчин таковы.

Женщины же, как правило, чувствуя равнодушие мужчины, становятся нежнее, от отчаяния из всех сил стараются вернуть любимого человека.

Мне такими видятся типы идеальных мужчины и женщины: женщина не должна унижаться перед мужчиной, наоборот, должна поблагодарить его за те благословенные дни,

ночи, минуты и секунды, которые они провели вместе, и спокойно расстаться. Вообще-то трудно расстаться с человеком, которого любишь, который дал тебе столько счастья; которого случайно встретишь на улице или где-нибудь еще и, кроме мысли о смерти, ничего не придет в голову. Потому что любовь это то, когда не можешь жить именно без этого человека. Не можешь и не представляешь. Но все равно лучше мирно расстаться (есть что-то жуткое в этих словах), чем слезы, сцены и унижение. Слезы — потом, когда останешься одна и когда почувствуешь, что не можешь больше плакать, тогда скажешь себе: «Кончилось! Все!» Когда мужчина почувствует, что женщина его любит, он должен стать не равнодушным, а более теплым, нежным. Может, я пишу это по неопытности, но, по-моему мнению, в идеале взаимоотношения мужчины и женщины должны быть таковыми.

Вновь возвращаюсь к роману Флобера. Слова аптекаря Оме: «Всякий великий артист сжигает свечу с обеих сторон. Для них необходима безнравственная жизнь, чтобы разжечь мечту (хорошее слово «разжечь»), но затем все кончается смертью в больнице, т. к. в молодости они не образумились, чтобы на черный день сберечь что-нибудь».

Под «что-нибудь» писатель, наверное, подразумевал чувства, эмоции. Хотя каждому нормальному человеку трудно будет сделать это. Это трудно эмоциональному человеку, не тому, кто живет хладнокровно.

В одном я уверена — если писатель или поэт не живет полной жизнью, если артист вне сцены по-настоящему не переживает в реальной жизни, они не способны создать что-либо стоящее. Надо знать, что такое одиночество, чтоб писать о нем, надо чувствовать силу солнца, чтобы нарисовать «Любимый и ненавистный мир», освещенный сиянием света, надо знать, что такое любовь, измена, чтобы сыграть на сцене. Не играть, а дышать, жить! Здесь нужен талант. Если нет таланта, сколько хочешь рисуй, пиши, играй...

«Но я не думаю и того, что ради переживаний и глубоких ощущений нужно окунуться в омут разврата. Творец потому и творец, что созидает. А из ничего ничто не создается...»

И правда, сколько истинных творцов закончили свою жизнь в сумасшедшем доме (достаточен хотя бы пример Ван-Гога), жили в крайней нужде (Пиромани) и муках, в безвыходном одиночестве. Они жили полной жизнью и тратили все

свои духовные и жизненные силы, служа одной великой цели — искусству. И насколько они были счастливы, настолько бессильны и одиноки. Благодаря тому мимолетному счастью создавалось и создается то, что называется истинным искусством.

Мне жаль, что я не смогла ни с кем поделиться этими мыслями: тот, другой, наверняка возразил бы мне: «Он же гений». Пусть будет гением, но может же быть у меня свое мнение? Этого не терпят, человек должен говорить то, что общепризнано.

Я вижу холодный взгляд моих одноклассников, всезнающие лица, насмешливую улыбку...

Лекция о творчестве и сущности творца окончена. Ухожу.

* * *

Последнее время мне было так хорошо... Сегодня внезапно все изменилось... Ночью приснилось, будто меня кто-то обнимал (лица не помню), да так сильно, что болело все тело. Неужели после всего, что случилось, я вновь думаю о любви? При одной мысли об этом у меня портится настроение. Неужели я в самом деле люблю его?

Второй раз прочла «Анну Каренину». Анна Каренина — героиня в прямом смысле этого слова. Ради возвышенной любви она оставила сына, общество, в котором росла с молодости и, что самое главное, отвернулась от общества, живущего в фальши, лжи и лицемерии. Она была настоящей женщиной — не могла таить своих чувств, предпочла открытую любовь.

* * *

«Я хочу, чтобы мое прошлое родило меня заново», — Морис Бежар.

* * *

«Печаль моя светла», — Пушкин.

У меня тоже бывали такие минуты, прозрачные, подобно печали.

Недавно прочла стихи Теренти Гранели:

«С ветки на ветку перелетела птичка»... Это стихотворение ошеломило меня своей печальной простотой.

* * *

Прочла «Героя нашего времени». Очень понравился Печорин.

Не могу решить, кому в русской поэзии отдать предпочтение: Пушкину или Лермонтову, Цветаевой или Ахматовой.

3049353211
2022-11-10 10:33

* * *

Наступила осень. Сезон приступов меланхолии. Во дворе детского сада, что напротив моей лоджии, с деревьев опадают листья. Долго смотрю на два листочка, оставшиеся на вишневом дереве. Лишь бы не оторвались сейчас... Лишь бы не сегодня.

* * *

Ничего не могу делать. Хочу написать слова, которые вчера хотела сказать М. М. У них кто-то гостит. М. М. сказала, что отец одолжил ей машину и что, если я хочу, мы можем вместе показать гостю Тбилиси. Хорошо, когда папочка одалживает машину и у него есть надежда, что у тебя не появится желание врезаться в скалу или в дерево...

Марина, ты будто сидишь рядом и я надтреснутым, низким голосом говорю тебе: «Возможно ли такое, чтобы человек потерял себя? Ничего, ничего меня не радует на всем свете. Себя и внешний мир воспринимаю странно, туманно, словно оторвалась от реальности, собственного «я» и издали смотрю на свою жизнь. Я одинока... Одинока.

Ты сказала, что я не люблю ни себя, ни людей и поэтому одинока. Я любила людей, Марина, верила им... А сейчас мне плохо...

Если б я была Богом, я бы вычеркнула осень из времен года. Я не выдержу эту осень, Марина. Скажи, разве я сильная, если каждая мелочь выводит из душевного равновесия и вызывает во мне мысль о смерти. Ты хорошо чувствуешь себя среди друзей, знакомых. Я — наоборот: печаль охватывает меня на улице, среди людей, в гостях, и это еще больше обостряет мою безысходность.

Марина, я не выдержу эту осень...»

* * *

«Что нас ужасает перед смертью? Не страх того, что она нас осилит, а страх борьбы с ней». Я согласна с мсье Валери.

«Мысли о смерти — это обесценивание стоимости всякого предмета.»

«Не помню, кому принадлежит эта фраза, но я не думаю, что она правильна. Осознанно или неосознанно, о смерти дума-

ет каждый человек. Мысль — это поиск, а поиск должен быть нормой для всех. Думая о смерти, привыкаешь к ней. Если отрицаешь смерть, то отрицаешь и жизнь, но только жизнь невозможно отрицать, пока дышишь ее воздухом. Если, конечно, ты вконец не отчаялась.

Сегодня позвонила М. М. и сказала, что Кети Чачава будет у нее целый день и чтоб я тоже зашла к ней. Я не пошла. Мне хотелось сказать М. М., что я не могу дружить одновременно с тысячько людей.

Мне обязательно нужен духовный контакт с другом (я понимаю, это очень сложно); я должна чувствовать его желания, взгляд, жест и наоборот — он должен понимать мое молчание и даже мою ревность. Глубина духовных взаимоотношений настолько велика, что и ревности есть в них место. В этой дружбе, кроме взаимной любви и уважения, есть нечто более возвышенное, более дорогое (до М. М. я не знала, не испытывала), что, наверное, называется духовным родством...

Получилась большая тарабарщина. Но М. М. меня поняла бы.

Несколько дней тому назад за полночь я позвонила ей. Я молчала. Она тоже. Потом я сказала: «Марина, это я»... «Сейчас, перед тем, как ты позвонила, я думала о тебе», — сказала она.

И я уже была не одинока.

Анна — подруга детства. Мы вместе учились в школе, потом я сдала в художественное, М. М. в музыкальное, а Анна в хореографическое училище. Будущая балерина — Анна Нагадзе! Как раз эта Анна и позвонила мне: «Ты думаешь, наверное, что я влюблена и счастлива, и поэтому не приходила к тебе и не звонила. Ты не представляешь, как мне трудно, ты меня поймешь, ведь и ты любила».

Они что, сумасшедшие?! Кого я любила?!

Когда ты, как матерчатая кукла, валяешься в постели и тебе все до лампочки — это любовь?!

Я ответила, что, во-первых, я не любила, и во-вторых, если ей трудно и она не может разобраться в себе, надо переступить через это и все поймешь за секунду и сразу отрезвеешь. Знаю, у меня получилось бессердечно, но когда моим ровесницам кажется, что они любят, то начинают что-то выяснять, сплетничать.

Я думаю, что подлинная любовь — это наполненные солнцем дни и ночи, полные грез, а не мучения двух людей, копанье в прошлом, сплетни. Но когда не можешь разобраться в себе, в чувствах, которые мучают тебя, и не знаешь, чего хочешь — это уже опасно. Это сладостно-горький опыт семнадцатилетней девушки.

Две недели не была в техникуме. Надоело туда ходить. Читаю. С нашими не разговариваю, они хотят только одного, чтоб я получила диплом, а я хочу рисовать. Маэстро пригласил меня в свою мастерскую и толкнул речь — ты, мол, губишь свой талант и т. д. и т. п.

* * *

«Если вся сила души выльется в одно мгновение, то в последующие секунды мы погибнем». Великолепно!

И вправду, если художник передаст в одной картине все, что он должен создать за всю жизнь, то, наверное, сойдет с ума или же у него разорвется сердце. Одним словом, погибнет духовно или физически.

* * *

Для того, чтобы нормально жить, делать свое дело и не впадать в депрессию, надо достигнуть внутренней гармонии, которая нарушилась у меня с тринадцати-четырнадцати лет.

Я написала так, словно этого можно добиться очень легко. Когда человек теряет равновесие, он восстанавливает его всю жизнь. Творчеством (если, конечно, у него есть талант). Это единственный для него путь.

* * *

Я вновь со всей силой вижу цвет, чувствую жизнь и хочется крикнуть во весь голос: «Люблю тебя, жизнь!». Пишу преисполненная чувством того, что делаю свое дело.

* * *

Ванико, мой однокурсник, говорит, что его дед и отец считались холодными художниками и что ему по наследству передалось этой свойство. «Твои же работы похожи на тебя, как и ты эмоциональны, у тебя есть способность краснеть (ничего себе, «способность»). Много лет борюсь с этой «способностью»; ты можешь заплакать на улице; можешь поцеловать какого-нибудь пьянчужку (пока не целовала, но у него,

наверное, предчувствие); можешь пойти с кем угодно, хоть в преисподнюю, если это необходимо. Ты можешь покончить с собой — только ты пока не хочешь этого (псих какой-то). Но самое главное — твой темперамент. В этом смысле ты немного опасная женщина». Я спросила, откуда он знает — девушка я или женщина. Он ответил, что имеет в виду психологию: «У тебя и в десять лет, наверно, была психология настоящей женщины».

Он поразил меня своим психосексуальным анализом. В моих картинах, как говорит Ванико, потрясающая экспрессивность. Классная живопись! Bravo, Ванико, bravo! На три головы ниже меня человек сказал мне больше, чем мудрые мои однокурсники: «знаешь что... все хорошо, только жми на технику, брось коллажи, думай цветом».

Гениальные девочки и мальчики.

* * *

Я и мама приехали в Телави к тете, которая осталась одна: Юю вторая бабушка забрала в Ленинград, а маленький Гурам уехал с отцом на море.

Я рисую и читаю в комнате старшего Гурама. Здесь же сплю.

Это самая прохладная комната — какая бы жара ни была на дворе, здесь всегда прохладно.

Сегодня к тете пришла бабушка Нино, она каждое лето приносит нам ежевику. Эту женщину я помню с детства. Она и тогда ходила во всем черном и была так же сгорблена. Бабушка Нино сняла с головы черную косынку и пригладила белые волосы. Сев на покрытую толстой тканью тахту, она стала рассказывать тысячу разных историй. Я стояла, прислонившись к перилам балкона, смотрела на нее, слушала ее тихую речь. Мне как будто слышался тайный голос вечности. И меня вдруг охватила такая невыразимая радость, что я не выдержала и вышла на Надиквари.

Завтра с моими телавскими друзьями поеду смотреть храм Алаверди. Я люблю их с времен детства. Они тоже любят меня. Днем звонят и спрашивают (с кахетинским акцентом): «Вечером выйдешь на Надиквари?». Мальчики очень застенчивые и девчонки дружелюбно над ними подтрунивают.

Сегодня приехала на несколько дней моя двоюродная сестра Марина.

Я очень много рисую. Здесь у меня, кажется, прошла усталость и плохое настроение, которое владело мной целый год. Успокоилась. Ночью сплю хорошо.

Вчера допоздна читала «Фиесту» Хемингуэя. Потрясающая вещь. Мама дала прочесть «Доктора Фаустуса» Томаса Манна. Но мне трудно было читать. Я не смогла ее осилить.

За это время я прочла: «Три товарища», «Преступление и наказание», стихи Блока, рассказы Чехова, рассказы Селлинджера (чуть не свихнулась от «Хорошо ловится рыба-бананка».

Короче говоря, я много рисую и читаю.

Час назад я поступила, как воришка. Марина спала, наши готовили обед на кухне. На столе лежали какие-то печатные листки, и я стала их читать, торопливо, с оглядкой, чтоб никто не заметил. Я сама не знаю, почему боялась, что Марина проснется. Наверное, потому, что то, что я читала, было необычным и странным. Я быстро прочла, переписала по мере возможности, переводя с русского. Это тайна. Марина ничего не знает. Вышла на Надиквари и присела на скамью под деревом. Я тоже, подобно герою романа Джойса «Портрет художника в юности», радовалась земле, небу, знойному полудню, пожелтевшей траве. И еще я радовалась той маленькой тайне, к которой я невольно прикоснулась.

Вчера был день рождения Нино Болквадзе. Я не пошла. Марика Микеладзе была там и сказала: «Хорошо, что ты не пришла, надо было видеть, какой это был маразм». Как я должна была пойти, когда знала, что Тэмозаридзе будет там.

Зачем мне возвращаться в мое загубленное отрочество, к загубленным грезам, к первой боли?..

Бывает, что возвращение в прошлое приносит светлое спокойствие, но что я могла ждать от встречи с бывшими одноклассниками, кроме боли и отчаяния.

У Нино, оказывается, был и Ванико — умный и ехидный Ванико. Марика сказала, что, напившись, он сказал ребятам: «Лана раздражала всех вас потому, что, как хотела, так и жила; вы все носите маски, лицемерите, и вам казалось,

что она своей искренностью издевалась над вами». Тэмо сидел в отдалении и насмешливо смотрел на Ванико. Ванико сказал Тэмо: «Если б можно было вызвать тебя на дуэль, то я с удовольствием изуродовал бы твой красивый фасад». Тэмо истерически захохотал: «Зачем дуэль, сейчас же можешь это сделать, я и пальцем не шевельну в свою защиту».

И вправду хорошо, что я не пошла...

* * *

Уже два часа ночи. Когда я пришла, мама не спала. Я ни капельки не выпила, но я в таком состоянии, будто пьяна.

Было обыкновенное тбилиское февральское, пасмурное, серое утро. Один из родственников посоветовал мне пойти к директору одного издательства, мол, он даст тебе какую-нибудь работу. Мое настроение соответствовало погоде. Автобус наконец пришел. Я долго тряслась в нем, и когда на площади Марджанишвили собиралась выйти, меня кто-то окликнул: «Эй, как поживаешь». Обернувшись, я увидела худого бледного парня с обаятельной улыбкой. В детстве он улыбался так же. «Не узнаешь?» — спросил он. Я ответила, что узнала, что его зовут Ника, и одно лето в детстве мы вместе отдыхали в Цхнети. У него есть старшая сестра и младший брат — очень смешной мальчуган (его тогда снимали в каком-то фильме, и волосы у него были покрашены в темный цвет). Ника улыбнулся и ответил, что они тогда были весьма популярными детьми. И еще помню, сказала я ему, что мать у него француженка.

Мы сошли на площади Маркса. Настал черед вспоминать ему: «Тебя зовут Лана, ты всех мальчиков обыгрывала в пинг-понг, только меня не могла обыграть, (он сказал это с такой мальчишеской гордостью, что я рассмеялась). Однажды, играя во дворе, я увидел тебя в окне — ты рисовала. Я тогда плохо говорил по-грузински, помнишь, я спросил, что рисуешь, покажи. Ты покачала головой, не покажу, мол. Что же все-таки ты рисовала?».

Я обалдела, мне так приятно было слышать его голос. В речи у него была какая-то необыкновенная мягкость — он как будто не говорил, а пел.

Мы стояли на остановке автобуса и безмолвно смотрели друг на друга. «Что ты собираешься делать?» — спросил он наконец. Я ответила, что иду по делу. «У меня тоже есть де-

ло в проектном, но знаешь, что мы сделаем, давай пойдём в уютную обитель моих мучений», — сказал он.

После того, что произошло в моей жизни (Тэмо-Зи), от этой встречи с симпатией детства повеяло легкой печалью. И я была готова тут же на улице сделать какую-нибудь глупость, поцеловать его или заплакать, или еще не знаю что...

Не дожидаясь моего согласия, он остановил такси и мы вернулись в Ваке к «Круглому саду». Как хорошо, что он живет близко... В машине он сказал: «Кажется, я уже люблю тебя». Водитель с любопытством рассматривал меня. В маленьком зеркальце я увидела, как покраснела. Ника положил мою руку в карман своей куртки, и всю дорогу мы сидели так.

Дверь нам открыл симпатичный, обаятельный (не знаю, какое слово написать), средних лет седой мужчина. У него была улыбка Ники (или наоборот), и он пригласил нас в дом. В это время из какой-то комнаты вышла мать Ники, я поздоровалась с ней, и мы зашли в комнату, которая была напротив входной двери.

Не имеет значения, откуда родом женщина — мать любого мальчика поступила бы так — она с ног до головы осмотрела меня.

Комната Ники и вправду была очень уютной. Там стояли два глубоких расшатанных кресла и диван, покрытый бордового цвета бархатным покрывалом. Занавески на окне были такими же и это создавало уют. Над диваном во всю стену висели книжные полки, в которых смешанно лежали книги, альбомы, пластинки и длинные рулоны бумаг. Рядом с диваном стояла огромная «Эстония». С внутренней стороны двери висела фотография Пикассо — босого, в белых длинных трусах. Это его известное фото. Ника поставил пластинку. Это была группа «Пинк Флойд». Через некоторое время спросил: «Хорошо играют, да?». Я ответила, что мне становится плохо, когда их слушаю. Ника догадался, что я подразумеваю, и сказал: «Да, у них и вправду здорово получается». Он сидел, закинув голову на спинку кресла и, прикрыв глаза, слушал. У него красивые пальцы, отметила я про себя (если бы я была поэтом, написала бы поэму о его руках). Затем он поставил «Адажио» Барбера. Такую пронзительно-печальную музыку я не слышала после Баха и Рахманинова. Я окончила музыкальную школу, но не знала, что есть такой американский классик — Сэмюэл Барбер. Ника не имел музыкального

образования, но я была изумлена его знанием и любовью к классической музыке.

«Неожиданно он спросил: — «Ну, как дела?». И улыбнулся. Спросил так, будто мы с детства не расставались. И я все ему рассказала, целых два часа не отставала. Рассказала все, как мы сбежали, как вернулись, расстались. Разговоры на эту тему я пресекала, другим нет дела до отношения двух людей. Поди и выдержи заранее разыгранную сцену: «Папочка, вернись!» Если у тебя есть сердце, не выдержишь... Нельзя наивно отождествлять творца с его творчеством. Он оказался слабовольным. Это я поняла, когда он сказал, что на неделю вернется домой. Я гораздо сильнее него — ответила, что пусть уходит вообще, что мы не сможем жить вместе. И мы расстались. Писать легко, но поди и выдержи все сплетни.

Когда это случилось, в дневнике я не написала ни единого слова. Настолько сильна была боль... Что я должна была написать — что нет мужественных мужчин? Что мне жаль было людей, у которых нет личной жизни и они получают патологическое удовольствие от сплетен? Что непристойно, некультурно совать нос в чужую жизнь? Или же оправдываться? Перед кем, Господи!.. Тысяча мыслей мучали меня одновременно, но то нестерпимое угрызение совести, которое я испытывала перед родителями, было тяжелее всего.

Почти месяц мы жили вместе. Новый год он встретил со своей семьей, а я в своем доме со своим горем. Одна.

После той истории я ни с кем не говорила на эту тему. У Ники была способность слушать. Он слушал внимательно, как врач, никакой эмоциональной реакции — как будто слушал историю моей болезни. Наконец, когда я закончила рассказывать, спросил, какой он профессии. «Известный художник», — ответила я. Он ответил с улыбкой, что не очень хорошо разбирается в современном грузинском изобразительном искусстве. Все как раз и началось с его творчества, — сказала я ему. На осенней выставке было выставлено его грандиозное полотно «Город»... Уже не помню, сколько раз я посещала выставку — так мне понравилось. И вот в один прекрасный день передо мной, исполненной поэтического вдохновения (Ника рассмеялся), предстал автор этого шедевра. В дневные часы редкие посетители бродят по залу. Он спросил меня, какого мнения я о картине. Грандиозно, ответила я. Он поинтересовался моей профессией. Я ответила,

что мы служим одному богу. Он пригласил меня на кофе. Потом назначил свидание. Встретились несколько раз. Я удивлялась, почему он избегал гулять со мной по городу. Потом все выяснилось. Но и за городом было неплохо (Ника опять рассмеялся). И в одну прекрасную ночь он позвонил и сказал, чтоб я оделась тепло и взяла бы с собой паспорт, что он будет ждать внизу. Я оцепенела и долго еще продолжала держать трубку в руке. Сердце чуть не разрывалось от волнения. Мать, отец, близкие, мой побег из дома — все это промелькнуло пред мысленным взором. Всегда бывает тревожно от раздавшегося в ночи звонка. Могла же я выключить в эту ночь телефон. Но ведь не выключила. Стало быть, это судьба, и от нее никуда не денешься. Что написано на роду, то произойдет непременно. Я тепло оделась, паспорт не смогла взять — он был в шкафу в комнате родителей, и осторожно прикрыла за собой дверь. Ту ночь мы провели в городе, у его друга детства, а на второй день тью-тью.

Ника посерьезнел и сказал, что это глупейшая история подействовала ему на нервы, и попросил меня никогда ему не рассказывать об этом. Мне было не легче, и потому я нервно молча курила. Ника пересел ко мне на ручку кресла и сказал, что я сама не знаю, какая я хорошая. «Как не знаю. Очень даже хорошо знаю», — немного раздраженно ответила я. И добавила, что обычно все так начинают — я очень хорошая, ни на кого не похожа, талантлива, чудачка. До тебя, дескать, со мной уже объяснялись так в любви. И вдруг Ника очень осторожно поцеловал меня в затылок и прошептал: «Ты и вправду очень хорошая». По телу у меня прошла дрожь, я закрыла глаза. «Господи, опять все сначала...» — промелькнула мысль. И тут я вспомнила мать. У Ники я была уже несколько часов, а мама ждала ответа — получу или нет я заказ. Ника вынес телефон на длинном шнуре, и я поговорила с мамой. Ника шепнул мне, чтобы я сказала матери, что немного задержусь. В конце моего разговора с матерью я сказала, чтоб она не беспокоилась, меня проводят друзья, и положила трубку.

Просьба Ники была тут ни при чем. Мне тоже хотелось быть с ним — пусть бы мы молчали, была бы включена музыка и в комнате были бы мы одни — я и Ника. Ну разве это не грандиозно — спустя восемь лет встречаешь приятеля детства и через несколько часов чувствуешь, что не можешь больше жить без него. И ужасно, и великолепно!

После всего вновь верю, верую, хочу, желаю, жажду любимого человека... Ника, начинается все сначала, Ника! Потрясающе сладко начинается. И, наверное, конец опыта будет приторно-прозаичным. В момент расставания не остается места для поэзии. Какая там поэзия, когда у тебя единственное желание закричать: «Что я вам сделала?!».

Что сулят мне глаза Ники, губы, пальцы? Полтора месяца у меня даже не было желания выходить из дому, а сегодня...

Потом Ника показал снятые каким-то англичанином слайды (летом он был в Англии). Улицы Лондона, чей-то дом, много людей, про одну из девчонок он сказал — это моя девушка, улыбнулся и добавил, что она немного похожа на меня. Я не уловила никакого внешнего сходства между мной и этой девчонкой... Затем Ника сказал, что у него сегодня день рождения, ему исполнилось двадцать лет и поэтому он хотел бы, чтобы я осталась. Он вышел из комнаты, принес коньяк и со смехом сказал, что это великое счастье, когда в пустом доме найдешь коньяк, что его мама, кроме макарон, ничего не умеет готовить и все они скоро превратятся в макароны! Я не хотела пить. И так была пьяна. Вдруг Ника вспомнил, что у них есть лимон. Вышел и через некоторое время принес тарелку с тонко нарезанными, посыпанными сахаром ломтиками лимона. Какая я была счастливая! Я и сейчас счастлива. Если б в жизни человека не было бы попеременно счастливых и печальных дней, то все было бы на редкость однообразным.

Ника пил коньяк, я ела лимон, потом мы курили. Он спросил: «Ты разбираешься в архитектуре?» Я пошутила: «Например, в Ле Корбюзье?». Он рассмеялся и сказал, что нет, вообще. «Я рисую с детства и не то что в архитектуре, а и в живописи пока не разбираюсь», — ответила я. «Когда покажешь свои рисунки?» — спросил он. Я немного испугалась, Ника не похож на таких людей, которые похвалят, лишь бы было нарисовано профессионально. «Когда я отвезу тебя домой, дай мне несколько твоих вещей, о своем мнении я изведу тебя письменно», — пошутил он, и мы рассмеялись. Впервые я засомневалась в том, что делаю. А вдруг ему не понравится? Впервые в жизни меня так серьезно пугает мнение другого человека о моих работах.

Может, Б. щадил меня из-за моего возраста. А Ника?

Уже целых два часа пишу, у меня такое ощущение, будто Ника — в моей комнате и слушает всю эту тарабарщину.

Ника привез меня домой и напомнил о своей просьбе. У меня не было другого выхода, я спустила ему «Автопортрет» карандашом, «Деревья на ветру» и «Вечер» маслом.

Рисунки я положила на переднее сидение машины. На прощание Ника взял мою руку и поцеловал ладонь.

* * *

Целый день я была у Ники. Я счастлива... Закончила читать «Ночь нежна» Фитцджеральда. Очень понравилось. «Великий Гэтсби» я прочла раньше, но больше всех мне нравится его неоконченный роман «Последний магнат». «Женщина в песках» Кубо Абэ жуткая, но потрясающая вещь.

Сегодня Ника подарил мне карманную Библию. В январе вместе с товарищами он был в Москве. В номере гостиницы кто-то, оказываясь, оставил молодежный журнал, в нем были напечатаны стихи одного грузинского поэта. «Свадьбу я видел в Айламе, белую свадьбу», — процитировал Ника первую строчку. Ему так редко нравятся современные стихи, что я была поражена, когда он прочитал это стихотворение до конца. Об Элюаре Ника сказал, что он зверский поэт. Достал с полки книгу Элюара и весь вечер вслух читал мне стихи и переводил на грузинский.

Завтра мы с Никой идем в кинотеатр «Казбеги» смотреть фильм «Профессия — репортер». Вообще-то Ника не любит ходить в кинотеатр и на концерты тоже. Зимой приезжал Рихтер. Я достала билеты, и мы пошли. Ника слушал, спрятав лицо в руки. Любимый...

Давно я ничего не записывала в дневник. Не писать же одно и то же: я счастлива, бесконечно счастлива... Настоящая любовь — это безумие. Потом, когда пройдет время, наверное, эти чувства станут более мирными и светлыми. Я уверена в одном: счастливые люди не ведут дневников. У них не хватает времени для этого. Тем более, у меня есть человек, которому я все говорю... И все-таки дневник есть дневник.

* * *

В июле прошлого года скончался отец Ники, в ноябре же мой отец...

В тот вечер, когда его не стало, я должна была прийти к Нике. Отец два месяца боролся со страшной болезнью и для

меня, казалось, не должна была быть неожиданной его причина, но когда наши соседи позвонили к Картвелишвили и попросили меня, я сразу обо всем догадалась. По телефону говорила моя тетя и сквозь слезы повторяла: «бедный, бедный». У меня было, наверное, такое лицо, что мне не нужно было ничего говорить. Мы сели в машину, и когда подъехали к дому, мне захотелось убежать куда-нибудь. Наши поднялись наверх, а я стояла, окаменевшая, в подъезде. Потом пересилила себя и поднялась домой. Мама встретила меня плачем, почему я оставила ее одну, и в который раз повторяла: «Я занесла бульон, он немного выпил и попросил меня потушить свет. Я вышла и продолжала гладить шторы. Потом подумала, может, ему что-нибудь надо. Зашла в комнату, зажгла свет и увидела, что его не стало. Не стало...» Я не плакала, не могла плакать. Потом зашла в комнату, взяла еще теплую руку отца, свисавшую с постели, положила ему голову на грудь и шепотом просила у него прощения.

И как раз в этот момент позвонили — спрашивали меня. Я не хотела подходить, но М. М. сказала, что это Ника. Он спросил, почему я не иду к нему. Я смогла сказать единственное слово: «Отец» и расплакалась. Ника пришел быстро. Увидев его, я еще больше расплакалась. Был страшно холодный ноябрь. Ника накинул мне на плечи свою куртку, и мы сидели в машине. В доме было уже много народу, я же хотела быть одна. Мне нужен был только Ника — и никто другой.

Я пишу об этом спустя много времени, тогда, в те дни, мне трудно было писать.

* * *

Сегодня в полдень я пришла к Нике. Дверь открыла мать, сказала, что он вчера пришел поздно и, наверное, еще спит. Ника лежал на спине, и у него было такое красивое, спокойное и печальное лицо, что меня охватила необычная нежность. Я села в кресло у окна. Меня интересовало, проснется ли он от моего взгляда. И вправду он проснулся: очень медленно открыл глаза, повернул ко мне лицо, улыбнулся (так улыбаются только что проснувшиеся дети) и слегка охрипшим, глухим голосом сказал: «Это ты?» Я присела к нему на тахту и меня охватило такое острое желание приласкать его, что я призналась ему, что если не приласкаю его, то сойду с ума.

Наверное, в силу моего характера и темперамента эта неожиданная близость была блаженнее, чем обыкновенные встречи. Хотя у нас не было обыкновенных встречной, запланированной любви. Я помню каждую встречу, беседу, взгляд, жест, его ласковые слова. Больше года продолжают наши встречи и все больше и больше растет наша любовь. Я никогда не задавала ему обычный для влюбленных вопрос: «Ты любишь меня?» И он тоже не спрашивал. Какая нужда в этом вопросе, когда и так все ясно. Я думаю, спрашивать об этом — ребячество. У всякого человека есть свой один-единственный, и если встреча этих людей состоялась, оба будут счастливы. Под этим счастьем подразумевается многое: познание собственной души через познание другого; радость, что живешь не только для себя, что ты кому-то нужна; радость слияния с другим телом... Все это дарует счастье, и между телом и душой устанавливается неопишуемая гармония.

Когда я шла к Нике, встретила Ванико, моего бывшего однокурсника, он сказал, что его сводит с ума мой худой и ненормально тонкий профиль, и что он хочет написать мой портрет. У меня есть два моих портрета: один нарисовал Б. Он позвонил и сказал, что сделал мой портрет и что портрет будет выставлен на осенней выставке. Мы с Никой пошли на выставку. Портрет ему понравился, и он сказал мне, что Б., наверное, и вправду меня любил. Тот портрет он нарисовал по памяти. Пошли кривотолки: будто бы я и Б. вновь встречаемся и т. д. и т. п. Вот какая я, оказывается, скандально-известная личность. Надо было ходить по прямой, протоптанной дороге, дорогая, а не бродить по скользкому пути. Б. подарил мне портрет и я повесила его в своей комнате; второй портрет написал друг Ники — еле выдержала три дня, а потом сказала, что больше не могу сидеть так, застывши, и что доверяю ему закончить портрет по памяти. Портрет исполнен в стиле Модильяни. Этот портрет у Ники. Но мне больше нравится портрет, нарисованный Б.

Я сказала Ванико, что если он будет молчать во время сеансов, то пусть пишет. «На днях позвоню», — сказал он и поцеловал мне руку. Глупый...

Дома у себя я застала М. М. Она сидела с застывшим взглядом у меня в комнате и курила. Видно было, что ее что-то беспокоит, что ей плохо, но мне она ничего не сказала. О каких взаимоотношениях можно говорить, когда два ближайших человека иногда затрудняются понять друг друга. «Уе-

дем отсюда», — сказала мне Марина перед уходом. Она подразумевала отъезд из Тбилиси. Такие приступы бывали у меня и раньше, но Ника все заставил забыть.

* * *

Никто не знает, как я желаю одного глотка счастья. И это счастье называется Никой. Сегодня я позвонила ему, и мне ответили, что он уехал в Ленинград с ребятами. Уехал, ничего не сказав мне. Даже не попрощался.

Как я ждала этого лета, как хотела быть вместе с Никой... Летом весь его дом пустеет, все куда-то уезжают отдыхать, Ника остается один и работает. Как я ждала лета. Неужели все кончилось?

* * *

А все началось с того, что две недели назад я сказала Нике, что не рожу ребенка. За время нашей близости он впервые вспыхнул и кричал на меня. Окна лоджии были открыты, и я сказала Нике, чтобы он не кричал, а то услышат соседи. Он истерично рассмеялся: «Тебе всегда было плевать на мнение толпы, а сейчас это почему-то тебя волнует!». Господи, как он кричал...

Несколько же дней назад он разговаривал со мной очень мирно — но это спокойствие, наверное, было вызвано тем, что мы лежали расслабленные от жары и ласки: «Роди ребенка... Знаешь, каким он хорошим типом будет... Ведь родишь?» — говорил Ника и нежно целовал меня в шею.

Я ответила, что, кроме него, никто мне не нужен — даже наш ребенок. И тогда я так ушла от него, что мы почти ничего не выяснили. Но спустя несколько дней он устроил мне сцену: кричал, что я иду против природы и за это сейчас или позже все равно поплачусь.

Я первый раз видела его таким. Он не мог стоять на одном месте и говорил мне ужасные слова: «Если бы ты меня любила, то не задумывалась бы над этим. Ты не любила, просто развлекалась». Внезапно у меня возникло странное желание: мне захотелось, чтобы он оскорбил меня физически. Будто почувствовав это, он нагнулся, поднял меня с тахты, поставил на ноги, как неодушевленный предмет, и орал: «Ты не любила меня! Не любила!». Потом замолк, наверное, потому, что я плакала. Тихо плакала. Затем встал у окна, спи-

ной ко мне, и, немного успокоившись, сказал: «Через неделю придешь и скажешь, что родишь ребенка...»

Я впервые плакала при нем. Первый раз ушла так, что он не поцеловал меня.

Тогда я никак не смогла внушить Нике, что дороже него для меня никого нет, никого на всем свете.

Я так скучала по нему, что вчера пошла к его дому и стала смотреть на окна его комнаты. Там, кроме темноты, ничего не было. Ники здесь нет, и как будто во мне появилась пустота.

В воскресенье я не пошла — мне нужно было время. И раз я не пришла, уехал.

* * *

Каждый день жду звонка Ники, не знаю, что ему скажу, что отвечу.

Ненавижу себя, до того мне плохо.

* * *

Прошло три недели, как Ника в Ленинграде. Я позвонила к нему, и мне сказали, что он не приезжал и что они не знают, когда приедет.

Целые дни лежу. Мама радуется, что я бросила курить. Она, наверное, сошла бы с ума, узнав причину. Мама не решается спросить, не поругались ли мы с Никой. В последнее время я говорила ей, что остаюсь у Ники и чтобы она не волновалась. Бедная, сколько она терпела.

Мама сказала, что достанет путевку, я отдохну, и мне станет лучше. Так как я целыми днями лежу, она думает, что у меня депрессия. Сказать по правде, после продолжительной работы мной овладевает такая усталость и такое равнодушие, что мое теперешнее состояние очень близко к депрессии. В этом году я и вправду много работала.

О какой путевке может идти речь, когда не могу стоять на ногах и кружится голова. Кроме тебя, любая мать догадалась бы, что с ее дочерью, а ты...

Что со мной будет, мама?!

* * *

Тетя достала путевку в Квишхети (мама ее попросила). (Как любила я Квишхети в детстве!) Я согласилась поехать, не хочу, чтобы мама что-нибудь заметила. По-моему, я не

много пополнила. По утрам я чувствую слабость, но лучше уехать на восемнадцать дней отсюда, чем быть здесь и знать, что Ника пока не приехал.

Вчера я была дома у Ники. Меня встретила его мать. Я лежала, когда внезапно почувствовала острое желание увидеть Нику, быть в его комнате. Через пятнадцать минут я оказалась там.

Аннэт с большим любопытством, чем обычно, рассматривала меня (неужели знает, наверное, мне показалось). Я, чтобы чем-нибудь оправдать мое появление, сказала, что мне нужен русско-грузинский словарь (зимой помогала Нике — ему трудно дается русский). Я зашла в комнату Ники и почувствовала такой знакомый запах, что моментально всплыло все... Когда Аннэт увидела, с каким трудом я стащила с полки три огромных тома, она сказала, что сама завезет вечером на машине. Я отказалась, и вдруг у меня закружилась голова, я вся покрылась холодным потом, в ушах появился страшный шум... Аннэт усадила меня в кресло и принесла воды.

Аннэт сказала (я ничего не спрашивала, она сама мне сказала), что Ника не звонит и она не знает, когда он придет. Мне показалось, что невольная свидетельница моего и Никиного счастья — мать Ники — смотрела на меня с участием, когда перед моим уходом, уже в дверях, я сказала ей, что еду в Квишхети и буду в городе только в конце месяца.

Комната Ники совсем доконала меня. Не знаю, из-за того, что была убрана, или же потому что не было Ники.

* * *

Каким изменившимся показался мне Квишхети. Вид тех мест, где бывал в детстве, у некоторых вызывает сентиментальные чувства, я же не знала, куда деваться. Один старый писатель, каждое утро входя в столовую, встречает меня иронически-восторженным приветствием: «А, здравствуйте, лентяйка!» Все смотрят на меня, и я краснею — каждое утро я опаздываю на завтрак. В первый день, когда я приехала, меня посадили за стол к этому писателю, и он спросил: «Читаете грузинскую литературу, девушка?» Я ответила, что меня в основном больше увлекает русская и зарубежная литература. «О.., о, это очень плохо. Сначала человек должен прочитать и полюбить родную литературу, чтобы потом понять литературу других народов». Желчный старик, ходит так смешно,

спотыкаясь, что мне жаль его. Я чем-то заслужила его симпатию. Желчный он с другими.

Прошла неделя, как я приехала сюда, а солнце так и не видела — туман, сырость, не переставая льет дождь. Все заперты в комнатах. Одни гадают, раскладывают пасьянс, другие пьют кофе и сплетничают. В клубе такой телевизор, что лучше не смотреть. Библиотекарь пожаловалась, что отдыхающие берут книги и не возвращают.

Сегодня была в центре Квишхети. В журнале «Цискари» должен был быть опубликован рассказ одного молодого писателя (который погиб в автомобильной катастрофе), и я не хотела его пропустить. Там я встретила Нуцу Андгуладзе, ее отец, оказывается, купил здесь дом, который находится выше нашего Дома отдыха. Нуца ждала ребенка, и мне было немного завидно, что она может не скрывать беременность. Нуца очень худая. Она сказала, что у нее низкий гемоглобин.

Эта девчонка всегда стояла между мной и М. М. и в детстве, и после. Марина говорила мне, что она очень хорошая девочка, и ее удивляет, почему мне она не нравится. Слишком уравновешенные люди всегда отталкивали меня. Нуца вызывала во мне какую-то антипатию. Но увидев ее в этой глуши, я обрадовалась. Она пригласила вечером меня на чай. Спросила насчет М. М., приехала она из Боржоми или нет. Я ничего не знала об М. М., она не показывалась в последнее время. Я знала, что если пойду к М. М., то все расскажу. Пока между мной и Никой выяснятся отношения, я не хотела, чтобы кто-нибудь знал эту историю... М. М., конечно, не «кто-нибудь», но для меня это настолько интимно, что я не хотела никому рассказывать.

* * *

Сегодня начала читать «Волшебную гору» Томаса Манна. Читала спокойно, не спеша. Я как-то успокоилась, как будто стала надеяться, что когда приеду в Тбилиси, Ника будет там, и я скажу ему, что рожу ребенка. Физически тоже чувствую себя хорошо и настроение улучшилось. Миллион женщин рожают детей, по мере возможности счастливы, а почему я должна быть исключением? Я не хочу именно этого «счастья по мере возможности». Если кто-нибудь прочтет эту запись, разве не подумает, мол, захотелось ей в конце XX века полного счастья, когда человек не знает, как перенести каждодневное катастрофическое одиночество.

Я сойду с ума, если Ники не будет в Тбилиси. Что мне
делать тогда?

96935340
3032110930

* * *

Сегодня я вспоминаю свой проклятый переходный возраст и думаю, что когда-нибудь и моему ребенку будет четырнадцать-пятнадцать лет, что мысли о смерти — это желание познать себя, и из-за неопытности трудно разобраться в реальной жизни и, что самое главное, в себе; что пройдет время, он многое поймет, и жизнь станет более желанной и дорогой. Тогда я ничего не чувствовала, кроме боли одиночества, и недоумение матери — «Что с тобой происходит!» — считала оскорбительным (о моя «мировая скорбь!»), и я погружалась в затемненный, непонятный, туманный мир меланхолии. По словам одного современного грузинского поэта (настоящего поэта), нам всем нужна Великая мать.

В комнату ко мне подселили какую-то женщину преклонного возраста. Моей малой свободе пришел конец — ночью не смогу читать. Вчера эта женщина так нестерпимо храпела, что со мной чуть не случилась истерика. Но осталась еще неделя, стерплю.

Здесь во мне произошла приятная перемена (если не считать день ото дня усиливающийся аппетит) — я стала более терпимой и всепрощающей.

Дневник я ношу с собой — из-за любопытства этой особы — а отдыхающие, наверное, думают, что мечтательная поэтесса.

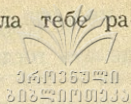
* * *

Приехала в Тбилиси. В Квишхети я не чувствовала, как скучала по городу, дому, матери... Мне казалось, что там я жила лишь желанием видеть Нику. Но как только мы въехали в Тбилиси (семья, живущая в нашем коттедже, взяла меня с собой на машине), я чуть не расплакалась — таким близким, моим было все — жара тбилисского лета, моя неубранная комната — мама знает, что ничего не должна здесь трогать. Мне действуют на нервы мещански вылизанные квартиры.

Когда я поцеловала маму, от боли у меня выступили слезы на глазах.

Мама, я так хотела написать тебе письмо из Квишхети, и сейчас так хочу сказать тебе — прости меня, мама, прости... Прости, что я тоже должна стать матерью..., а ты не

знаешь ничего. Моя жизнь пока еще не приносила тебе радости, мама... Прости меня, мама...

* * *

Сегодня я догадалась, почему у меня было плохое предчувствие, которое я хотела всячески подавить мыслями о Нике и будущем ребенке, и в Тбилиси, и в Квишхети.

Я позвонила Нике, его двоюродная сестра сказала мне, что Аннэт и мальчики уехали в Париж. Когда я спросила о том, когда придет Ника, мне ответили, что, наверное, через два месяца. Вот так-то. А до Парижа далеко...

Эту новость я узнала сегодня утром и сейчас чувствую себя, как в страшном сне.

Ника уехал, оставил меня.

Господи, помоги, Господи!.. Да, неблагодарные мы, мы обращаемся к тебе лишь тогда, когда нам трудно и мы видим спасение только в тебе. Почему ты оставил меня, Господи?!

* * *

По картине всегда можно судить, что она написана на одном дыхании! Как будто люди тоже, как деревья на ветру, раскачиваются, все находится в движении и, если чувствуешь это движение, а затем его передаешь, это очень хорошо. Иногда охватывает великая радость от ощущения того, что этот ветер, эти деревья, люди, все это — в тебе.

У дождя свой неповторимый настрой и колорит. У меня есть две картины в масле: «Дождливый вечер» и «Дождливое утро». Темно-синий вечер — люди с поднятыми воротниками, мокрая улица, увядшие листья. Я иногда чувствую ужасное одиночество на улице в дождливый вечер и думаю, что смогла передать этот дождливый настрой. Эту картину Ника оставил себе. Он не любил много говорить и раз оставил, значит, понравилась.

«Дождливое утро» — серое. Каждодневности, однообразности бесконечного долгого серого дня, серого утра. В такой день можно покончить с собой.

Помню, на курсе один парень сказал, что не ходит на выставки, боясь чужого влияния. Он был жалким парнем, заикался и взгляд у него был рассеянный. Я злобно спросила, влияния какого художника он боится, но он промолчал. Если у тебя есть собственный взгляд на мир, людей, то зачем бояться чужого влияния. Когда я стала объяснять Нике, почему у меня была уверенность в себе, он остановил меня и ска-

зал, что очень хорошо все понимает и чтоб я успокоилась. Это было почти два года назад. А сейчас — кому мне сейчас сказать, что я переживаю перед тем, как рисовать, во время рисования или же потом...

Я не замечаю роста и изменений в маленьком Нике. Он растет перед моими глазами, мы все время вместе и, наверное, поэтому мама говорит мне, что он день ото дня становится все лучше и лучше. Меня поражает его любопытство — завидное для творца желание первого восприятия. Ника очень любит цветы, листья, деревья и, как будто вместе с ним, я первый раз вижу все это.

Ребенок — это целый мир, и мне очень жаль, что большого Ники не было здесь, что он не видел первую улыбку своего ребенка, его первые шаги. Мой маленький мужчина...

Сейчас Ника спит, и я люблю его до безумия.

Сегодня он сказал слово «абус» — автобус. Потом целый день радостно повторял: «абус», «абус». Нормально ходить он не может, все время бегаёт. Залезает на шкаф, на рояль, а оттуда на тахту: у него вообще отсутствует чувство страха. Во время еды, улыбаясь, говорит: «Ика хочет», и обязательно повторяет несколько раз. Наверное, каждая мать думает, что ее ребенок красивее всех... Я тоже не исключение. Во-первых, у него красивейшая головка — это я говорю как художник. Высокий лоб — это у него от меня. Глаза медового цвета, очень круглые. Нос маленький, потом, наверное, будет прямой и тонкий. Я видела фотографию старшего Ники в детстве — у него был точно такой нос. Губы фантастически красивые — немного выдающиеся вперед (это у него от них) и пухлые. В целом, у него очень красивый рисунок губ. Ноги прямые и стройные. Ходить он начал, когда ему было десять месяцев, но ноги у него все равно прямые. Когда я его обнимаю и прижимаю к груди, мне кажется, что моей душе и телу передается теплота старшего Ники, и у меня выступают на глазах слезы...

Не помню, чья это фраза (Ван Гога?): «Для меня важнее рисовать глаза людей, чем церкви, потому что в человеческих глазах есть нечто такое, чего нет в самых красивейших и великолепных церквях».

Мама принесла мне какую-то пьесу Сартра. Но я не смогла ее прочесть. В прошлом году прочла «Чужой» Камю, повесть меня поразила. Не от заглавия ли этого рассказа термин «отчуждение»?

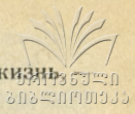
А, может, он уже существовал.

О чем бы я ни думала, что бы я ни делала, у меня такое чувство, что Ника-старший никуда не уезжал, что он все время рядом. Так и Бог никогда не оставляет нас — всегда с нами и в нас. Беседовать с Никой, быть рядом с ним, чувствовать его прикосновение — разве это не невыразимое счастье?!

В соседнем подъезде живет девушка. Она недавно развелась с мужем. Так вот она мне сказала, что ее мужу хотелось, чтобы ей нравилось то, что нравится ему, чтобы она любила то, что любит он, так же видела и так же чувствовала, как и он (ее муж был художник). «Но ведь я тоже личность», — патетически завершила она свою речь, и я подумала, что она не любила своего мужа. Я тоже не сторонница потери собственного я. Хотя как можешь потерять собственное я, если ты личность? Но если ты любишь человека, то это так естественно думать и мыслить так, как он. Это большое счастье, когда подчиняешься (это добровольное, приятное подчинение) любимому человеку. Стараешься понять, почему ему нравится именно это, почему он чувствует, видит что-то так, а не иначе. Попытка проникнуть в его мысли, мечты и переживания (попытка проникнуть в его душу) обогащает, ты многое обретаешь, и это доставляет огромное счастье.

Начался апрель. Самый ненавистный мне месяц. Не знаю, куда деваться от своего дня рождения. Куда спрятаться от себя? Гложет мысль, что прошел еще один год, а я пока ничего не сделала. Один длинный год. Не смогу сказать, как сказала два года тому назад: «Ника, сегодня день моего рождения». Он тоже не сможет приласкать меня нежнее, чем обычно. Близость с ним для меня была самым большим подарком. Я тогда не думала, не чувствовала, но сейчас понимаю, как много дал мне Ника, как он обогатил меня, как я выросла духовно, стала более мягкой. Когда я рисую, чувствую его взор, слышу его голос.

Не могу представить себе день рождения без Ники. Не выдержу. В прошлом году в это время маленькому Нике был месяц, и этот день я перенесла сравнительно легко. Сейчас он подросток, старается говорить, и мне кажется, постепенно отдалается от меня.

Иногда мне кажется, что я прожила длинную жизнь бесконечно усталую и скучную...

Вчера Ия навестила Нику. Он обожает, когда Ия его ласкает, сам гладит ее по лицу и говорит, нет, не говорит, а поет: «Ии-ия... Ии-ия». Мы пошли в парк. Ия держала Нику на руках, и я радовалась ее любви к ребенку. Ие я рассказала все, приехав из Квишхети. Мне было очень плохо. Она сказала, что если я правда люблю его, то должна родить. Меня тогда удивили слова разумной Ии. Но, может, она видела мое спасение в этом ребенке.

Когда мы вернулись из парка, я усыпила Нику. И вдруг Ия говорит мне, что если я не хотела, почему все-таки родила ребенка. Я чуть не свихнулась. Я спросила, с чего она это взяла. Потому что в парке у тебя было такое грустное лицо и ты так смотрела на Нику, как будто он не твой ребенок. Оказывается, у меня было грустное лицо! Что они хотят от меня, не понимаю?! Если я грустная — почему я грустная, если веселая — то удивляются моей веселости. Никому не нравится чрезмерная радость и чрезмерное отчаяние. Во всем нужна умеренность, товарищи, а то совсем обезумеет и так обезумевший мир!!! Никому не сможешь объяснить, что я не виновата в этом. С удовольствием поменяюсь своей нервной системой с каким-либо человеком, имеющим нормальные нервы, который каждый день в одинаковом настроении и, по моему, вообще не имеет нервной системы. Живет без нее. Я завидую вам, люди-роботы. Типы с окаменевшими сердцами!.. Нет, никому не завидую — пускай завидуют мне.

Я живой человек, и я устала. Могу же я устать? Ребенок тут ни при чем. Просто устала... Устала!!!

Хотела написать, что дня рождения жду так, как умирающий — смерти, но это было бы неправильно. Я не видела ни одного умирающего, который был бы напряжен и взбудоражен. Вспомнила отца — таким спокойным и умиротворенным, как тогда, в последние дни жизни, он никогда не был. С таким ясным спокойствием ждал он своей кончины, что я боялась даже заходить к нему в комнату. Это, наверное, самый большой страх. Страх бесконечности — страх смерти. Когда смотрела на отца — боялась не того, что его скоро не станет, меня пугала приближающаяся смерть.

Поразительна сцена смерти Ивана Ильича в рассказе Толстого «Смерть Ивана Ильича».

«А смерть? Где она?»

Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.

Вместо смерти был свет.

«Так вот что! — вслух проговорил он. — Какая радость!»

Перед смертью отец попросил маму, чтоб она потушила свет и вышла. Мама подумала, что, наверное, он хочет спать и вышла в другую комнату. Через несколько минут она вернулась, зажгла свет и увидела открытые, застывшие глаза отца.

* * *

Никого нет рядом, чтоб сказать хоть два слова. Никого не волнует ни смерть Ивана Ильича, ни твоя смерть, ни смерть других. Каждый живет неосознанным страхом собственной смерти, борется и даже не знает, что его жизнь — желание лишь существовать, дышать воздухом жизни, выдержать боль.

Иногда я думаю: может, все это — мое дело, мысли, мучения — самообман? И тогда вся моя жизнь на этом свете — все двадцать два года — перечеркнуты и, кроме абсурда, ничего больше не остается.

* * *

В Тбилиси ворвалась такая безумная весна, что люди чуть не срывают с себя одежду.

Сейчас на улицах начнется игра глазами, намеки, реплики каких-то идиотов: «Подарите ваше имя»...

Сегодня отвела ребенка в поликлинику. Ему сделали прививку. Он покорно подставил свою пухленькую попку медсестре. Потом мы поехали домой. Надоело созерцать парк Ваке, и нянечек и бабушек Никиных друзей. В автобусе какой-то парень уступил мне место, я поблагодарила, села и посадила Нику на колени. Тот парень стоял рядом. Взглянув на него, я увидела, что он подмигивает мне. Я подумала, что у него нервный тик. Когда я во второй раз посмотрела на него, он опять подмигнул, а сам улыбался. Я решила сойти, подумав, что он какой-то ненормальный, и вдруг увидела, что пуговицы на брюках у него не застегнуты. Я тоже хороша, и как мне пришло в голову сказать ему: «Парень, закрой ла-

вочку». Он сошел на следующей остановке. Так закончился этот маленький инцидент.

В парке тоже много дефективных. Позавчера двое братьев сели рядом со мной. Ника спал, я читала. Один говорит другому, что его вил, которому исполнилось пятнадцать лет, по ночам черт знает чем занимается, не лучше разве, чтоб открыли публичный дом?!

Только этого нам не хватает!

Завтра день моего рождения. Куда мне идти? Где укрыться?

В позапрошлом году я была у Ники. Он читал журнал по архитектуре. «Сколько у тебя времени», — спросил. «Весь вечер, а если хочешь, и вся ночь», — ответила я. Ника раньше просил меня остаться. И вот в день моего рождения я решила сделать и себе и ему подарок. Ника поцеловал меня и сказал, что должен отнести деньги какому-то парню, скоро придет — и ушел.

Я позвонила маме и сказала, что я на дне рождения у подруги и останусь у нее. Мама спросила, у какой я подруги. Мне было очень жалко маму, которую я так безбожно обманывала, но желание быть с Никой было сильнее, и я сказала ей, что она не знает эту девочку. Она расплакалась: «Сегодня же день твоего рождения...» Я не могла больше слышать ее голос и повесила трубку.

Я давно не справляла день рождения. Поздравлять приходили родственники, друзья, но я не встречала их дома. Ходила по улицам совершенно одна. Потом поздно возвращалась домой, когда уже никого не должно было быть. Ложилась в постель и засыпала. Точнее, старалась заснуть. Потом родственникам надоело приходить, и они поздравляли маму по телефону. Вскоре и это им надоело, и мама сидела одна в ожидании меня.

Плач мамы страшно подействовал на меня, сердце сжалось и у меня появилось желание, чтобы Ника пришел поскорей. Только он смог бы помочь в такой проклятый день.

У Ники было множество пластинок, и я не знала — какую слушать. Наконец я выбрала подаренную мною пластинку Вивальди «Времена года», удобно устроилась в кресле и стала слушать музыку.

Наверное, характерное свойство гениального композитора заключается в том, что его музыку не надоест слушать.

Я слушала Вивальди, и перед моими глазами проходила вся жизнь человека: весна, лето, осень зима... Когда я писала эти слова, вспомнила стихотворение Галактиона Табидзе. Ника во всем был другим: он больше любил Бараташвили, чем Галактиона, и считал, что одним «Мерани» Бараташвили пре-
возмошел многих великих поэтов.

Ники не было. Его мать заглянула в комнату и спросила, где он. Я ответила, что он скоро придет, и она вышла. Аннэт прекрасно знала мои и Никины отношения. Это было видно по ее лицу, — по тому, как она разглядывала меня, когда я выходила на кухню вскипятить чайник.

Ники все еще не было. Меня постепенно охватывало волнение. У меня ныло сердце при мысли, что с ним что-нибудь случилось. Он поехал на машине, он ужасно рискованный. Ненормально водит машину, вдруг столкнется с кем-нибудь... Думала я так, лежа на тахте Ники, и плакала. Я сердилась на себя, почему не сказала ему, что сегодня мой день рождения.

Аннэт вновь вошла в комнату. Видно, она хотела лечь спать. На лице у нее был крем, а распущенные волосы закреплены шпильками. Она поинтересовалась, знает ли моя мама, что я здесь. «Да, знает. Для Ники я должна перевести кое-что, и потом он отвезет меня домой», — ответила я. — А-а-а, — пропела она, подняла брови и лукаво улыбнулась. Потом предложила чай, но я ничего и никого не хотела, кроме Ники.

Наконец я услышала шум его машины (из ста машин узнаю шум его машины). Я вскочила с тахты и выглянула из окна. Ника помахал рукой и заехал в гараж.

Когда он зашел в комнату, я увидела, что лицо, руки и белый свитер на нем — все было в крови. Ника сказал, что сейчас придет, и вышел. Когда он вернулся, я заметила, что верхняя губа и левая бровь у него рассечены. В руке он держал пузырек с йодом и вату, попросил меня смазать раны йодом. Затем он очень осторожно поцеловал меня в губы. Открыл шкаф, достал голубую рубашку и черный бархатный костюм, оделся, затем сделал черную бархатную бабочку. Господи, как он был красив! Я стояла и с изумлением смотрела на него. Он принес коньяк, лимон и серебряную сахарницу. Все это лежало на подносе и так красиво, что я бы не смогла так разложить. Ника во всем был талантлив. И вконец совсем свел меня с ума, когда из внутреннего кармана пиджака достал тюльпаны без лепестков и сказал: «Думала.

и не помню, что сегодня у тебя день рождения?» Мой сумасшедший, любимый Ника... Сначала я думала, что он пьян, но когда он вновь меня поцеловал, я не почувствовала никакого запаха. Тюльпаны он поставил в вазу и не то сказал, не то спросил, ведь я, правда, очень оригинален. Я рассмеялась. И сегодня не знаю, почему те тюльпаны были без лепестков.

Ника открыл коньяк, налил в рюмку и сказал, что если он выпьет хоть глоток, то от боли может взлететь в воздух, поэтому коньяк выпью я, а его взор будет наслаждаться мною. Так и сказал. И расхохотался. Он и меня заразил смехом, и мы оба смеялись, как ненормальные. Он все время повторял, что его взор будет наслаждаться мною, прикладывая руку к рассеченной губе.

Я не пила много, но мысль о том, что всю ночь мы должны быть вместе и что в день моего рождения мы будем одни, удивительно подействовала на меня: я села рядом с ним на ручку кресла, обняла его и шепнула, что я сегодня его рабыня и исполню все, что попросит. Он шепотом ответил: «Рабыня? О, моя рабыня, иди ко мне!»... И вместо того, чтобы я раздела его, как «рабыня», он сам раздел меня.

Мы не стыдились нашей наготы, обнаженностей наших душ и желаний...

Утром, заводя машину, он спросил: «Ведь правда, была прекрасная ночь?». Я, закрыв глаза, попросила его поскорее поцеловать меня. Представляю, что подумали его соседи, видя, как мы целуемся.

После всего этого я жива и не умерла. Не лучше ли было умереть? Летом будет два года, как я дышу, существую без Ники... Я могу выдержать всякую несправедливость, кроме этой. «Ника, приезжа-а-а-й!»

Все на меня действует — взгляд, грубо сказанное слово, все принимаю близко к сердцу и в результате этого не могу избавиться от тягостного настроения.

Неужели у меня сформировался такой характер? Неужели я такая слабая, что на меня действует всякая мелочь? У меня же было счастливое детство!.. Может, потому, что я была единственным ребенком, меня воспитывали эгоисткой? Странно и больно, но в этом я виню своих родителей. Почему они воспитали меня такой беззащитной? Почему давали возможность потакать собственным желаниям? Они позволя-

ли мне все, лишь бы у меня не появился комплекс неполноценности.

В жизни надо примириться с какими-то вещами. Существует слово «надо». С детства ненавистное слово. «Надо» и «нужно сделать». Никак не могу привыкнуть к мысли, что должна жить по тем же правилам, по каким живут другие. Пора, мой друг, пора...

Когда я была маленькая, обо мне говорили, что я чувствительный, эмоциональный ребенок. Мои родители старались дать правильное направление этой чувствительности (музыка, рисование), но, видимо, они пропустили главное.

Когда я выросла, стала все понимать, я и тогда не могла спокойно проанализировать случившееся. Или то, что должно было случиться и что я заранее интуитивно чувствовала. Эмоция опережала разум, который бодрствовал только тогда, когда бывало уже поздно... Факт то, что я не думала, почему поступаю так или иначе: хотела — и потому, доверяла людям — и потому.

Родители никогда не говорили мне, чтобы я не доверяла людям. Какой же смысл имеет жизнь, если потеряешь самое главное — веру.

Я была молодая, талантливая (оказывается, и поэтичная — это сказал мне Б.) девочка, я любила жизнь, людей, но вместе с тем всякое соприкосновение с реальностью, каждодневностью причиняло мне боль... Из-за своего характера больше всех мучилась я сама...

Ника не в счет. Он был моей судьбой так же, как смерть для человека.

* * *

Сегодня небо было таким голубым... Коро на смертном одре сказал: «Только сейчас я знаю, как нужно рисовать небо...»

* * *

Написала «Мастерскую художницы».

Уже несколько дней, как хожу на улицу Петриашвили. Есть там один дом с неухоженным садом — красивый, безмолвный и как будто заброшенный. Завтра начну рисовать тот дом.

* * *

У меня началась ужасная бессонница. Раньше после нескольких часов мучений мне все же удавалось заснуть. А

сейчас ночи напролет мучаюсь без сна. Встаю и рассматриваю свои новые картины. Читать тоже не могу. Потом ложусь. Затем снова встаю, и так продолжается несколько дней.

Когда кончится эта бесснежная тбилисская зима... Если выпадет снег, то повезу Нику в Бакуриани. И для меня будет хорошо, как говорит мама, перемена обстановки.

В Тбилиси выпал желанный снег. В парке полно людей. Я повела Нику кататься на санках. Все ждали снега, как какого-то чуда, и вот, дождалось... Я же была отрешена от всего, оторвана от радовавшихся снегу людей, от краснощекого, с радостно-блестящими глазенками сына, от всего мира.

У меня такое ощущение, будто меня нет, исчезло мое «я», вместо меня кто-то другой живет моей жизнью...

Мы с Никой провели в Бакуриани десять дней. Было настоящее сумасшествие: дети, мамы, бабушки, переломы и черт знает что еще. Питание было нормальное. Ника хорошо ел. За десять дней он так загорел, что его не узнать. Ходил он без шапки — было очень тепло. Я натирала ему снегом лицо, чтоб он лучше загорел. Я там хорошо спала. Как приехала домой, все началось сначала. Может, переселиться в Бакуриани? Шучу, конечно, как я выдержу!.. Тбилиси, как бы ты ни чувствовал себя в нем, остается твоим городом.

Странно, но я не писала ни одного снежного пейзажа.

У меня настолько сильно желание нарисовать все, что вижу, чувствую, о чем думаю, насколько велико отчаяние... Два отличных друг от друга состояния: наверное, и у этого состояния свое назначение — потому что следом приходит свобода.

Я, как человек, рожденный в городе, не чувствовала природу, сейчас у меня появилось желание близости с ней. Между тринадцатую и двадцатую тремя годами целая вечность..

Отчаяние Ван Гога: «Бог далек. Нестерпимо далек». А он верил, что он близко, что Бог есть в каждом человеке. Он больше не чувствовал, не видел Бога в людях. Это означало скорее потерю веры, нежели потерю Бога.

«Бог далек. Нестерпимо далек».

Может, тернистый путь творца состоит из тех дней и ночей, которые наполняют тебя остротой и отчаянием; может, это тот путь, который ты должна пройти совершенно одна, и раз выбрала эту дорогу, то путь назад отрезан, должна пройти до конца, падать, вставать и идти вперед.

Художниками не рождаются. Ты сама должна создать себя и торжествовать свое второе Рождение.

В Тбилиси пришла весна. Сегодня дождь лил на цветущие белым и розовым цветом деревья. Я шла по освещенным фонарями мокрым серебряным улицам. И сейчас помню, как двигались люди, гуляя под теплым весенним дождем. Каждое мгновение этого вечера во мне, и я знаю, что когда-нибудь напишу картину «Весенний дождь в Тбилиси». Восстановлю в памяти. Смогла же я написать увиденное в детстве. Сегодня не рисую, ибо жду того часа, когда мне захочется, нет, вернее, когда я почувствую, что невозможно не нарисовать то, что так зримо стоит перед глазами. Хотя бы М. М. была б здесь, тогда мне не понадобилось бы столько писать.

Вселенная в целом — это хаос. Назначение художника в том, чтобы **выбрать** из этого хаоса, **увидеть** начало начал, первоисточник Вселенной, его суть, и снять пелену абсурда. Самое же главное, это поиск собственного «я» в бесконечности Вселенной. Познание непознанного.

Пишу... Целый месяц пишу. Какая-то сила заставляет спешить: борюсь со временем, с реальностью, вижу скрытое величие и красоту в людях; полные мук глаза; чувствую, как освобождаюсь от боли творчества. Потому что само творчество — это свобода.

В прошлую субботу и воскресенье мы были на даче. Ника весь день играл во дворе. Стояла хорошая теплая погода, и радость передалась мне. Ника своими игрушечными инструментами ковырялся в земле, клал на ладонь червяков и рассматривал. Из ладони в ладонь пересыпал землю, потом нюхал. Я рисовала, он повернулся ко мне и крикнул: «Мама, у земли хороший запах!» Детское любопытство. Интересно, до каких пор у него это будет.

Первый раз рисовала нашу дачу весной. И думала об отце. Он очень любил здешние места. Когда мама спрашивала его, почему он опоздал, говорила, что очень нервничала, он отвечал, что был в своем имении. Когда он говорил, что там он отдыхает, я не понимала, как можно отдыхать, копая землю. Он мог провозиться целый день, не вспомнив о еде. Я смотрела на его вспотевшее усталое лицо, натруженные руки и не могла понять, зачем так уставать: трава снова вырастет и землю снова надо будет перекапывать.

Помню последний сбор винограда. Отец очень хотел поехать, но когда он спускался по лестнице, ему стало плохо, и родители остались дома. Я и мои двоюродные братья поехали на машине. В том году был очень обильный урожай винограда. Когда мы вернулись в Тбилиси, отец сидел в кресле. Мама сказала, что отец нервничал из-за того, что мы опоздали. Мальчики заносили ящики с изабеллой и ркацитэли. Ркацитэли был прозрачным и розовым, отец держал гроздь винограда в руках и со слезами на глазах говорил, что в следующем году винограда будет еще больше. Я не смогла сдержаться и вышла в свою комнату. Потом отец сидел и смотрел, как мальчики давят виноград. Это было в конце октября. Ровно через неделю он скончался.

Тогда, во время рисования, я догадалась, что земле нужна любовь, любовь человека. И ты полюбишь ее, если хоть раз прикоснешься к ней, податливой, размягченной теплым весенним воздухом и дождем. И уже не будешь равнодушна к знойному летнему дню, когда к вечеру станет прохладней и зашелестят листья деревьев, когда придут удивительные ночи, когда услышишь пение птиц на рассвете, далекий безобидный лай собак, крик петухов... И после — восход большого, доброго солнца.

Все это невозможно пережить в городе.

Эту «Весну» я посвящаю памяти отца.

Если прислушаешься к природе, то соприкоснешься с чем-то таким, чего не сможет дать ни один человек...

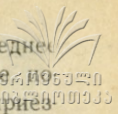
Природа то же самое, что Бог. И этого Бога я не любила... Избегала его.

Неужели необходима была смерть отца, чтобы я поняла, что земля это не только земля, что она всегда защитит тебя и даст надежду...

Написала «Портрет матери». Эти морщины на ее лице, затаившаяся в глазах грусть появились от боли, которую причиняла ей я. И все-таки, как гордо она держится. Когда я окончила портрет, почувствовала, что эта картина — мое покаяние.

Вчера на улице в полночь послышался крик женщины: «Господи, где ты?!» Я проснулась на крик и оцепенела от страха. Женщина, наверное, бежала, и голос ее постепенно был слышен все тише и тише. Может, кто-нибудь гнался за ней... А может, она сошла с ума. Сейчас я думаю, что это графика: черное и белое. Ночь, распущенные волосы, обнаженное тело женщины. Она бежит и кричит «Господи, где ты?!» «Крик».

«Зачем ты так осложняешь жизнь, Лана? Ты же была жизнерадостной! Старайся видеть все в светлых тонах. В жизни каждого человека происходит и плохое и хорошее, и если он поддастся печали, то не сможет выдержать, и в один прекрасный день у него разорвется сердце или Бог знает, что с ним случится. То, что произошло со мной, могло меня сломить, убить, но у меня еще осталась дочь, внучка, потом появился маленький Гурам, и вот видишь, я борюсь, борюсь, борюсь с жизнью, пока она не осилит меня. Не поддавайся грусти и боли, крепись и, когда тебе будет трудно, поделись с матерью, со мной, ничего не утайвай... Ты же знаешь, как Марина переживает за тебя. Скажи ей, она моложе нас и поймет. Бог даровал тебе сына — больше счастья не существует. Ты молода, у тебя все впереди, и не думай, что жизнь несправедлива. Я и тогда так думала, когда погиб Гурам... Чем больше проходит времен, тем больше боль становится непереносимой, но для меня такие дорогие истории, которые не разры-

вается сердце. Когда все кончилось, мне принесли последнее стихотворение Гурама, написанное перед смертью, ты же мнишь, в прошлом году я читала его тебе: «Мама, не приежай на море... Море очень волнуется...» Стихотворение, написанное в день гибели. Читаю его — и не знаю, куда деваться, куда убежать от себя, не знаю... Но жизнь продолжается. Как можно больше тепла и радости дай своей матери. Она потеряла такого мужа... Береги ее как зеницу ока. Маленький Ника подрастет, и ты будешь гордиться своим сыном. Утихни, успокойся, у тебя все будет хорошо»...

Тетя поцеловала меня в лоб и ушла...

* * *

Закончила триптих «Исповедь». Моя первая победа над собой. Сегодня у меня была М. М. Рассматривала картину, восхищалась и сказала, что ради такой картины стоило столько перенести. Мне становится жутко при мысли о том, какой ценой досталось мне все это. Дороже Ники и М. М. у меня никого не было. И так случилось, что оба живут далеко от меня. М. М. хоть приезжает в год на месяц-другой, Ника же приходит лишь во сне.

Сколько раз я думала: какая у меня будет реакция, если получу письмо от Ники, или же если он позвонит — что бы я ответила, что бы сказала... Думала, сойду с ума. И когда наша родственница принесла письмо и подарки (для маленького Ники), завернутые в бумагу и перевязанные золотистой лентой (на бумаге, сверху, было написано его рукой — «Лане от Ники»), то от безумного счастья у меня разрывалось сердце. Вот и письмо. Переписываю слово в слово: «Лана, любимая! Знаешь, что я соскучился по тебе. Знаешь и то, что я скучаю по многим своим близким, но, к сожалению, у меня нет контакта с моим прошлым, поэтому не обижайся. Познакомь меня с маленьким Никой. Пришли еще его фото и дай ему вместо кинжала ручку. Ника»

Сверху был написан адрес и телефон Ники.

Нику-младшего мы фотографировали в Кахети, в Шуамта. Фотограф надел на него чоху бордового цвета и опоясал его кинжалом. Этот кинжал и имел в виду Ника-старший. Шутил, конечно.

В тот же вечер я позвонила в Париж. Мне повезло. Ника был дома. Какими словами можно передать все то, что я переживала в те минуты. Не в минуты, а в течение часа и пяти

минут. Время от времени телефонистка прерывала наш разговор: «Девушка, прошло пятнадцать минут...» «Прошло тридцать минут...» «Вы знаете, сколько это стоит?!» Не знала и не хотела знать. Ника все время просил, если любишь, не вешай трубку. И мы разговаривали, смеялись и теперь уже любим друг друга совсем другой любовью.

. . .

Наверное, жизнь каждого человека делится на три периода: 1. Сон; 2. Пробуждение; 3. Вера. Сон — когда спала и видела красивейшие сны. Затем пробуждение, — откроешь глаза и думаешь, удивленная, нет, скорее — потрясенная: «Куда я попала?» «Зачем меня родили?» «Зачем живут люди?» «Что такое жизнь, смерть?» И растерянная, ошалевшая, всматриваешься в близких, знакомых, незнакомых. Хочется спросить, все равно, кого: «Эй, вы, раз вы так вольно, беззаботно смеетесь, может, знаете, зачем, для чего живете? Какой смысл имеет ваш смех, ваши желания?» Но не спрашиваешь. Наверное, потому что чувствуешь внутренне — ответа нет. Самый естественный ответ, который меня не удовлетворяет, наверное, будет такой: «Тебя родили потому, чтобы ты трудилась, радовалась жизни и родила бы подобие себе».

Почему бы меня не удовлетворил этот ответ? Потому что меня не устраивала такая схема жизненного пути человека. Я хотела разобраться в себе, в своем назначении, хотела, чтобы какая-то сила не пробуждала меня по ночам и я не спрашивала: «Зачем... Для чего?»

Во-втором периоде самое реальное и острое — это чувство отчаяния, лекарства от которого нет на всем земном шаре. И не существует ни одного человека, который сможет ответить на твои вопросы, а если бы ответил, то сказал бы такую глупость, что лучше совсем не спрашивать.

Эти вопросы были порождены моим «я». Такое состояние души или психики может погубить тебя, если не найдешь ответа, выхода. Под «выходом» я подразумеваю веру, которая заставит забыть отчаяние, овладевает всем твоим существом и заставляет думать о смерти в период «пробуждения».

Самым опасным, по-моему, является момент «пробуждения», когда душа, охваченная отчаянием, кричит: «Больше не могу... Покончу с собой!» Странно, но именно в те дни я жила более насыщенной жизнью, чем в обычные, похожие друг на друга дни...

Больше всего я рисовала, думала и острее ощущала

жизнь именно тогда. И почти всегда те дни и ночи кончались удивительной гармонией. Я чувствовала себя внутри Вселенной, а не вне ее. Затем же, наоборот, — тянулись неплодотворные месяцы. Не было ни одного образа, ни одной мысли, была опустошенность.

В четырнадцать-пятнадцать лет я неосознанно почувствовала, что мне нужен человек, который не смеялся бы надо мной, а выслушал бы меня, успокоил бы — «ничего, все пройдет...» Мне было все равно, кто это будет — лишь бы выслушал... Ровеснику трудно ответить, когда говоришь ему: «Знаешь, я одинока...» Не то что трудно — невозможно. Наверное, потому я и начала вести дневник.

Потом, когда я повзрослела, я думала, неужели только я была в таком состоянии, неужели никого не волнуют подобные мысли. Было желание, которое по ошибке называла любовью. Видя иногда в меру грустные, иногда же в меру счастливые лица моих однокурсников, я завидовала им. Завидовала их равнодушию!.. Когда играла музыка, я думала: неужели и сейчас они не чувствуют, как мы одиноки. Но потом начинались танцы, я смотрела на их молодые, здоровые тела, слегка уставшие лица... жизнь текла... Жили, довольные повседневностью, и я видела лишь пустоту и равнодушие. Потом рисовала деревья с опавшими листьями, лишённые всякой надежды, с устремленными к серому небу ветвями. Это было пробуждение! Я читала книги, и когда встречала слова об одиночестве героя или, если мои переживания совпадали (хотя бы относительно) с его переживаниями, — это означало, что я нашла друга, и тогда я была счастливейшим человеком.

Потом было — увиденная глазами грузинского примитивиста Вселенная; отчаяние художника с отсеченным ухом; шедевры современного художника, раздаренные всему Тбилиси; поэт, ходивший по нашему городу нетвердой походкой... Я слышала крик стоящего на скале поэта. Слушала органную музыку, которую надо слушать одной, ибо она — одиночество и возвышение.

Но это было потом. До этого же — мольба матери: «Скажи что-нибудь, почему ты молчишь?!»

Потом я сознательно решила порвать ту цепь, которая называлась одиночеством. Родила сына, и теперь даже боюсь подумать, сколько чего ему придется пережить. Потому что он — будущий мужчина и должен сказать свое слово.

Тогда я бежала от чего-то. И вновь возвращалась к своему «я». Разве та серия деревьев с опавшими листьями, сидящий на гробе старый могильщик, расprostертая на земле среди выжженной степи, женщина, бесчисленное множество портретов, автопортретов, — разве это не было моим «я»?

В третий период надо верить, что я — частица этой Вселенной и с этой верой приблизиться к смерти...

Я молода, но мне кажется, что жила долго. Но в то же время необыкновенную, огромную радость доставляет мне мысль, что впереди дорога — большая дорога жизни.

1983.

Перевод Натии ЦИХЕЛАШВИЛИ-МГЕЛАДЗЕ

КАК ПЕСНЯ, ХРИПЛО НАПЕТАЯ ПОД ГИТАРУ

РАССКАЗ

Пока Гуджин дедушка таскал на спине тяжелые мешки с известью, грузил их на телегу и под гору, по рытвинам и ухабам, погонял клячу в Тбилиси, никто не замечал его сильных мускулистых рук и аршинных плеч под тесным, пестрым от заплат ахалухи. Не замечали ни родные, ни соседи — жители глухой деревушки в Нижней Картли, где в молодости Гуджин дед вместе со своими братьями занимался обжигом извести.

Этот двадцатилетний, молчаливый парень всегда без приключений приносил из города завернутые в пестрый платок деньги, вырученные за известь. И поэтому, несмотря даже на слухи о бесчинствах появившихся на дорогах разбойников, прикованные к своей крошечной земле, ничего кроме нее не выдавшие, крестьяне считали и разбойников с надвинутыми на глаза папахами, и их злодейства выдумкой для устрашения таких же нищих и бесправных, как они сами, людей.

Все произошло в один день, в один день все убедились и в существовании разбойников, и в мужестве младшего брата обжигальщиков извести.

В тот день Гуджин дед вернулся из города с телегой, на белом от извести дне которой рядом с пустыми мешками валялись четверо избитых в кровь, связанных веревкой молодых.

Привез и вместе с мешками выгрузил их на землю, на поясе же у деда висело четыре кинжала.

Сузившимися от бешенства глазами смотрели разбойники на собравшихся крестьян — мнившие себя смельчаками, они стыдились больше не давешнего поражения на дороге, а того, что принуждены стоять на коленях перед этой жалкой, в лохмотьях толпой.

Проклятия и причитания женщин сделали свое дело. Как волки, учуявшие кровь, потянулись вперед самые забитые и несчастные, потянулись с камнями к стоявшим на коленях, подпиравшим спинами друг друга разбойникам.

И, говорят, один из пленников едва заметно повел бритой породистой, с вздувшейся синей жилой на темени головой в сторону Гуджиного дедушки и глазами, полными мольбы, указал на кинжал, лучше, мол, смерть от тебя.

Тотчас, не колеблясь, обнажил Гуджин дед самый длинный и острый кинжал из четырех, и толпа отступила. Он подошел, нагнулся, разрезал затянутые им же самим петли на веревках. Потирая опухшие, онемевшие запястья рук поднялись на ноги бандиты, и, говорят, были ошарашены не меньше собравшихся крестьян, когда зазвенело брошенное к их ногам оружие. Молча, не поднимая головы, не посмеяв опоясаться кинжалами, неся их под мышкой, уходили они прочь.

Односельчане, став свидетелями такого бесстрашия и благородства Гуджиного дела, прониклись к нему почтительностью и смешанной со страхом завистью. Они стали сторониться его, как чужого. Самая веселая компания смолкала при его появлении. И Гуджиному деду стало невмоготу, не смог он привыкнуть к своей исключительности. Еще несколько месяцев, вняв просьбам любимых братьев, гонял он телегу по бездорожью, а в один прекрасный день навсегда ушел из родной деревни.

Этот случай, происшедший на заре века, и еще много подобных, не менее опасных и удивительных приключений деда рассказывали в детстве перед сном Гудже, которому, как оказалось, на роду было написано пройти по стопам своего старшего тезки.

От деда Гуджа унаследовал не только сильные руки, очень скоро он обнаружил в себе боевой дух и способность мгновенно оценивать ситуацию. Открыл же он в себе эту способность не в простой мальчишеской драке, а стоя лицом к лицу с опытным, опасным соперником, в длительной, жестокой борьбе с ним, которая началась на глазах жителей района в маленьком сквере у железнодорожного техникума.

Район, где жил Гуджа, не был ни столь старым, как тот с висячими балкончиками, что раскинулся на берегу Куры, ни столь богатым, как лежащий на склонах Мтацминда ки. Хотя пестротой своего населения ничуть не отставал от них. И тут жили потомки немцев-фармацевтов, портных-евреев, купцов-армян и извозчиков-молокан, и тут дворники-курды, с торчащими, как их метлы, усами, подметали тенистые, в акациях и платанах, улицы.

Среди кирпичных низеньких домов с унылыми фасадами и огромных, как казарма, строений с узкими окнами и тут стояли высокие, с темными, как тоннели, подъездами здания, которые, несмотря на частую смену владельцев и бесконечные переделки и перестройки, не потеряли своей первоначальной привлекательности.

В одном из этих зданий и находился железнодорожный техникум. В нем по большей части учились ребята, приехавшие после школы из близлежащих сел. Именно с их запугивания и притеснения начинали свой путь мальчишки с улицы, путь, который был обязателен для тех, кто хотел стать «вершителем дел», с сурово поджатыми губами и ледяным взглядом, скупыми словами выносящим свой «приговор».

В тот пасмурный вечер поздней осени, когда уставший от бесцельного шатания по улицам, голодный Гуджа мечтал поскорее попасть домой и поесть горячего супа, — в околотке не происходило ничего необычного или странного. Да и что могло быть необычного в превратившихся чуть ли не в неотъемлемую часть местного пейзажа ребятах из района, торчащих у запотевшего окна парикмахерской и в застывших на противоположной стороне улицы «техникумовцах».

Стремительно шедший Гуджа только потому и замедлил шаг, что в «притеснителе» узнал не какого-нибудь новичка, а «именитого» парня. Парня, который по всем правилам не должен был размениваться на такое дело, как вымогательство мелких денег. В другой раз он бы, даже удивившись, спокойно продолжил свой путь. Не потому, что его не возмущала несправедливость, или он был сторонником насилия... Нет, просто он не уважал тех, кто, не умея защитить собственное достоинство, подвергал себя постыдному унижению. Таким он предпочитал насильников вроде того парня.

Но теперь он остановился.

Остановился и, как позднее рассказывали, уставился на парня, и в глазах его был честный вызов. А тот, оказывает-

ся, и не думал деньги вымогать, он развлекался тем, что заставлял «техникумовца» прикладывать ладони к опухшей от зубной боли щеке, от тепла, мол, ему становится легче.

«Жалкие они — как же! У «техникумовца» такие ручищи были, лица того не видно было — одна только кепка и торчала...»

— Ты чего возникаешь? — тотчас, как ужаленный, почувствовал ненавидящий взгляд Гуджи и пошел на него парень. Подойдя, он вцепился в ворот Гуджиной куртки и так и держал его за шкурку до конца разговора.

«Ох и урод же этот тип! Редкая щетинка на лице, тонкие губы, расплющенный нос. Ну, а представьте его физиономию, когда он в бешенстве! И только мы подумали — конец теперь Гудже, как начался цирк!»

Когда Гуджа до конца дал излить тому свое бешенство, молчанием и покорно склоненной головой убедил его в своей беззащитности и окончательно усыпил его бдительность, вот тогда он свалил его неожиданным стремительным коротким ударом...

Ну а когда, придя в себя, тот потянулся за валявшейся в грязи своей кепкой, Гуджа замахнулся ногой. В парикмахерской прильнули к стеклам, решив, что он бьет лежачего. Но нет, он не бил лежачего. Просто протянутая в этот момент за кепкой рука, мысль о том, чтобы быстрее нахлобучить ее на глаза, придала чуть ли не демоническое значение этой жалкой, пошитой из остатков костюмной или пальтовой ткани шапке. Вот что привело Гуджу в бешенство, вот почему он замахнулся ногой...

Такой вот конец драки мог бы послужить символом этой длившейся больше года вражды.

Кто мог подумать, что упавшая в грязь, не вернувшаяся на свое место кепка символизировала авторитет не только поверженного парня, но и почти всей улицы. Кто мог себе представить, что Гуджа, которого позвали на берег Куры с намерением послать с ним «привет рыбам», один справится с тремя, приставившими ножи к его животу, и окровавленных, с разбитыми лицами действительно отправит с «приветом». Или разве мог кто предугадать, что обуреваемый жаждой мести парень, подстерегающий его с заряженным оружием в подезде, промахнется во второй раз и с разбитой рукояткой его же

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ
ԳՐԱԴԱՐԱՆ

оружия челюстью будет смывать кровь у водопроводного крана в соседнем дворе...

А ведь и неопытные юнцы, и прошедшие огонь и воду улицы «старики» были убеждены, что очень скоро покалечит Гуджа о своей неосмотрительности. Кое-кто в глубине души даже сочувствовал ему, но сочувствие это не стоило и ломаного гроша. — достаточно было тем, кто хотел расправиться с Гуджей поманить их пальцем, и они как гончие отправились бы по следу затравленного, одинокого как загнанный волк юноши. И ничего удивительного в этом не было — ведь быть рядом с теми, на чьей стороне сила, заслужить их внимание, и, что самое главное, благосклонность — обычный, простейший закон улицы.

Не оправдалось и предположение, что, не выдержав преследования, Гуджа когда-нибудь попадется, как зверь, в расставленный на него капкан. Но кроме отчаянной смелости в Гудже ничего не было от затравленного зверя. Он не только не скрывался от преследователей — наоборот, искал с ними встречи. И тем, кто поодиночке попадался ему, он надолго отбил охоту враждовать с ним.

Борьба же продолжалась...

Никак не хотел расстаться со своей славой и властью дважды потерпевший поражение и растерявший почти всех своих сторонников парень. Гуджа, которым и поначалу не двигало честолюбие, и теперь не упивался своими победами. Зато оживились находившиеся до той поры в тени, как шакалы, «наблюдатели». Не могли же они сложа руки ждать, пока призовет их Гуджа, или же кто мог гарантировать им, что из всех окружающих именно на них победитель остановит свое внимание, именно их выберет себе в друзья. Несколько раз они предложили ему с трудом добытые наркотики, посылали шампанское, почтительно вставали, когда он входил в кафе с девушкой. Способствовали они и распространению приукрашенных легенд, где Гуджа обезоруживал не одного, а пять-шесть вооруженных ножами ребят, и не неопытных новичков, а самых-самых «битых»...

Гораздо труднее, нежели борьба с враждебной улицей, оказалась для Гуджи борьба с подстерегавшими его на каждом шагу, щекочущими самолюбие соблазнами. Ведь он был обыкновенным девятнадцатилетним парнем, и как любого другого, его бы в конце концов тоже привлекла некая избранность, особое внимание, романтический ореол вокруг имени...

И тогда погибло бы все, погибло потому, что он, как близнец, стал бы неотличим от своего противника, и поверженный в грязь авторитет улицы обрел бы нового надежного защитника, теперь уже в его лице...

Но избавление принес похожий на сказку случай. Открыть глаза Гудже должны были воскресшие вдруг через восемьдесят с лишним лет чувства. И это должно было произойти опять же в драке, и опять же в сквере.

На этот раз — на окраине города, в пустынном, всеми забытом парке с жалобно скрипящими при малейшем ветерке качелями на заржавленных цепях.

Предварительная обговоренность встречи и выбор глухого, заброшенного, надежно укрытого от посторонних глаз места «для разговора», которые сами по себе означали отказ от засад, как исчерпавшего себя метода борьбы, и признание силы противника, принесли огромное удовлетворение новообретенным Гуджиным «друзьям». Они поняли (ведь недаром каждый из них хвастал тем, что прошел «академию» улицы), что этот бой, как соломинка для утопающего, был последней надеждой соперника их нового предводителя.

Поруганный авторитет, слабеющая власть, все, что оставалось у отчаявшегося и озлобленного от нескончаемых поражений парня, все было брошено на весы этого будущего большого боя. Победа стоила достаточно дорого, но не требовалось большого ума, чтоб угадать победителя. О более удобной для доказательства своей преданности ситуации и желать было нечего. Именно сейчас они должны были «поддержать» Гуджу, именно сейчас показать, на что способны.

В отличие от них Гуджа был несколько озадачен. Он не имел представления, как вести себя в подобной ситуации, что говорить парню, с которым он на протяжении длительного времени «разговаривал» исключительно кулаками. И если раньше ему не оставляли времени на размышление, то теперь его было более чем достаточно, чтоб поломать себе голову. Нет, он не был столь наивен, чтоб думать, что и впрямь идет в этот глухой парк для разговора, но ему было трудно представить себе, как он может вот так просто, без злости драться с человеком. Его соперником двигала месть, из Гуджи же, избалованного победами и вниманием, ушла почти вся злость.

Хотя кто бы оставил его без «накачки»! Его дружки и в самом деле старались, как профессиональные секунданты, готовящие чемпиона, как люди, чье благополучие зависит от

действенности запущенного на полную мощность боевого механизма. Его ни на секунду не оставляли одного. Подробно рассказывали все, что можно и нельзя рассказывать, преувеличивали, одним словом, раздували подернутую было пеплом вражду...

Старания их не были бесплодны. В назначенный день Гуджа таким уверенным и деловым шагом возглавил процессию ребят, выскочивших из с визгом притормозивших у парка машин, что многим из них показалось, будто идут они не с одетым в джинсы и короткую куртку юношей, а в свите увиденного в старых фильмах, в безукоризненном костюме с цветком в петлице опытного главаря.

В глубине парка у полуразрушенного фонтана с бассейном, дно которого покрывала желтовато-зеленоватая жидкость неизвестного происхождения, их уже ждали. Чрезмерно равнодушные взгляды, под которыми угадывалось плохо скрытое волнение, небрежные позы присевших на бортики бассейна ребят, их подозрительно топырившиеся карманы и пазухи — все свидетельствовало об исключительно «мирных» намерениях.

Лениво поднялся их предводитель, как обычно, небритый, с жиденькой щетинкой на лице. Небрежно сдвинув указательным пальцем кепку на затылок, он окинул Гуджу полным ненависти взглядом. В движениях его не было ничего нарочитого, он не играл и никому не подражал. Человек со стороны по достоинству оценил бы его поведение. Но Гуджу, который думал его увидеть растерянным и подавленным, его независимость озлобила еще более.

Он повернулся к своим и холодно приказал очистить карманы. Для ребят, обуреваемых жаждой показать себя, подготовленным к «разговору» не менее основательно, чем встречавшие, такое решение, разумеется, явилось полной неожиданностью. Но Гуджа знал, что делал. Групповая драка из-за беспорядка, вызванного большим количеством участников и примерно равного распределения сил давала возможность покинуть поле боя без поражения, не роняя своего достоинства, и оставляла как ему, так и его сопернику шанс продолжать вражду. Поэтому групповой драки не должно было быть. Сводить счеты могли только двое — и один из них, побежденный, должен был уйти. А это могло произойти только в том случае, если бы стоящие сейчас лицом к лицу две груп-

пы, вместо того, чтоб махать кулаками (да и не только кулаками), согласились играть роль пассивных наблюдателей.

Соперник, не дрогнув, принял этот вызов, и быстро, не колеблясь, «облегчил» своих ребят от складных ножей с узкими длинными лезвиями и коротких толстых палок. Стало ясно — не собирался отступать и он...

Силой и мужеством соперника восхищаются только в красивых историях... В драке нет места созерцательности. В драке есть только движение, целенаправленное, диктуемое злостью движение. Не приводит в восторг и нежелание противника смириться с поражением, тем более, когда ему, с кровоподтеками на лице, обессиленному, не остается ничего другого, как ругаться последними словами. И чем больше он сквернословит, покачиваясь то ли от усталости, то ли от отчаяния, тем более он жалок, похож на дошедшего до крайности, опустившегося бродяжку-пьяницу на людной улице, существования которого никто не замечает, голоса которого никто не слышит...

Разве мог предположить сидящий на корточках у фонтана, уставший после драки Гуджа, что его дружки могут наброситься на человека, который был именно в таком состоянии. На парня, который качался, как подхваченный ветром листок. На парня, который вместе с кепкой потерял и своих, разбежавшихся кто куда ребят, и которого вряд ли теперь можно было назвать «противником».

Но они набросились. Ведь нет ничего легче, чем излить злобу, вызванную собственным бессилием, на поверженного чужими руками врага...

Гуджа вначале этого не понял, он и не смог бы догадаться, если бы парень, в глазах которого застыла ненависть, и угрожающе сгрудившиеся вокруг него ребята неожиданно не напомнили забытую, а сейчас словно бы ожившую картину. Он был ошеломлен, настолько знакомым вдруг показалось ему все вокруг, словно бы он уже видел, пережил все это. Еще более усилилось это ощущение, когда он вмешался. Каждый шаг напоминал когда-то сделанный, каждое слово — уже произнесенное. Впечатление у него было такое, словно он, вырвавшийся своего недавнего противника, наблюдал себя со стороны...

И разбежавшиеся вскоре в разные стороны его дружки, не знавшие куда деваться от Гуджиного бешеного взгляда, да-

же и не подозревали о том, что и они кого-то повторяли, что и они шли некогда пройденным путем...

И у Гуджи был свой путь... Трудный путь, путь человека, не смирившегося с насилием, вступившего в нелегкую борьбу с самим собой, путь, который прошел его старший тезка...

Наверное, и тот чувствовал такое же невыносимое одиночество, когда, навсегда покинувший родные места, приближался к городу, наверное, и у него стыли сжатые в кулак руки...

Перевод Наны ДВОРАКОВСКОЙ

ХРОНИКА

9 и 10 ДЕКАБРЯ в тбилисском Дворце шахмат произошло событие, значение которого в условиях современной действительности трудно переоценить — состоялся I конгресс движения зеленых Грузии. Его открыл президент Экологической ассоциации Грузии Гиви Туманишвили. За два дня напряженной работы были заслушаны выступления экологов, юристов, медиков и представителей других различных профессий, осветившие тревожную экологическую ситуацию в республике. Загрязненность воздуха, воды, эрозия почв, вырубка лесов, ги-

гантские стройки, варварское отношение к фауне — все эти и многие другие проблемы, вплоть до защиты детства, воспитания доброты и милосердия, стояли в центре внимания делегатов конгресса. С большим интересом были приняты выступления зарубежных гостей и представителей зеленых из других республик Союза.

Конгресс принял обращение движения зеленых Грузии, недавно включившееся в экологическое движение стран Европы, к зеленым всего мира, а также обращение к народам Кавказа и ряд других документов.

* * *

Опять поднялся ветер на рассвете,
 Внезапно налетел осенний ветер,
 Явился ветер и, прощаясь с летом,
 Принес подгнивших яблок аромат.
 На всех деревьях встали дыбом листья,
 Как будто шкура вылиняла лисья,
 Последние сухие листья быстро
 Сорвались и помчались наугад.
 Принес с собою ветер эхо песни,
 Давно забытой, странной и прелестной,
 И вдруг напомнил нам, что повсеместно
 Она звучала год тому назад.
 И подхватил оставшиеся листья
 Осенний ветер, и помчал их быстро,
 И вплелся в нежный голос вокалиста
 Подгнивших яблок странный аромат.

Перевод Виктора ШИРОКОВА

Наргиз СОПРОМАДЗЕ

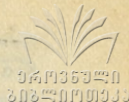
* * *

Что было, Мари,
 Что было...
 Юность, любовь была...
 Ветер. Зола...

Молва

Хлестала, рвала и била...
 Что было, Мари,
 Что было...
 Стелятся семь дорог,
 Все —
 мимо твоих ворот...
 Зеркало потемнело.
 Не заскрипит порог —
 Вечер твой одинок,
 Сердце — заледенело...
 И вспоминай до зари
 То, что почти забыла...

Что было, Мари,
Что было...

* * *

Какое дело небесам
До нас — мы преданы богами;
Земля дрожала под ногами —
Молились тщетно мы богам.

Что до того им, что любил
Ты эту синь, и эту зелень,
Что пил по капле это зелье —
Уйдешь опять ты в эту землю
И превратишься в красный ил.

Нет, не ищи в раскате дальнем
Ты высшей милости печать...
И пусть тебя не покидает
Всю жизнь глубокая печаль;

Когда подступит тьма к глазам,
То вспомнишь, брошенный богами:
Земля рванулась к небесам —
И раскололась под ногами.

Перевод Юрия ЮРЧЕНКО

Важа ОТАРАШВИЛИ

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ЭЛЕКТРОННО- ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ МАШИНЫ

Рукотворный железный разум,
Есть пределы твоей свободе,
Засмеяться ты можешь разве
Или цифры нарушить в коде?
Помнишь своды бесчисленных правил,
Сложный график спокойно чертишь.
Не расквесишься — не лукавил:
Фразы, формулы вертишь, вертишь...
Про себя вычитаешь, множишь,
Ноль и ноль, и один, и десять,
Но ответить вовек не сможешь —

Суждено ли любовь мне встретить?
Кто предаст? С биоритмом ладя,
Выдашь график мой в лучшем виде,
Но скажи ты мне, Бога ради,
Долго ль жить в пустоте, в обиде..
Не обманешь и не поможешь —
Числа к Богу подчас уносят,
Где осенние звезды, ежась,
Как и я, сострадания просят.
Правды жажду — сказал бы лучше,
Что земная юдоль — сраженье,
Что трагедия — Картли участь,
Что в умах и сердцах — брожение..
Что чиста ты душой, машина,
И правдивее человека..
Счет веду с царя-исполина
И Тамары — дочери века.

II

Космодромы в ночной дремоте,
В ожиданье конечной суммы,
И ракеты — лампадок вроде..
Грезы дремлющих войн угрюмы..
Хитроумной программы строки
На экране бегут по-лисьи,
Облака вдали синеоки,
И о будущем — неба мысли.

III

Счетчик последних спокойных минут Хиросимы,
И Нагасаки последних спокойных мгновений.
Жизни струна оборвалась бесовским усиьем,
В муках удушья, в смертельном дыму испарений.
Ты содрогалась от тяжести бомбы бокастой,
Но, безъязыкая, только молчала, считая,
Белый бумажный журавлик — девчужки богатство.
Голос баллады в свинцовой завесе растаял..

IV

Ни добра, ни зла и ни робости,
Ни восторгов, ни сострадания,
Не познают век эти роботы,
Человеческих рук создания.

Прежде чем пробить в запредельность брешь,
Прежде чем сгубить миллиарды душ,
Сорок раз отмерь и лишь раз отрежь,
Сорок раз отмерь и лишь раз отрежь,
Двадцать первый век на подходе уж...
Ты мудра, и руке не выписать
Формул гибельных и загадочных,
По которым золой рассыпется
Целый мир, точно домик карточный...

V

Сердце мое — пещеры Вардзни,
Кровь — это строки поэмы Руствели,
Сердце — сокровищница фантазии...
Чья же рука на дитя в колыбели
Может подняться? И горечь, и ярость
Перелились через край, через меру.
Сердце — чонгури. Струна оборвалась.
Сколько стерпели предки за веру...

VI

Начинается светлым замыслом
Возведение столиц. Вот истина:
Все чужие владенья — за морем,
Берег Понта — земля грузинская.
И, как мать, зовет к себе родина,
И в лесах кизил наливается,
И поспела, в огне, смородина,
И плывет июль, расплывается...
Так не мешкай! В народе праведный
След оставь, убей одиночество...
Числишь путь озаренный? Пагубный?
Или вечной любви пророчество?

VII

Человек! Ты с любовью пестовал
Все, во что не вникал до сути,
То ты каялся, то свирепствовал,
И молчали замки, как судьи.
Но известно — мечты сбываются,
Ты открыл замки, вот он, твой двойник,
А в лесах кизил наливается —
Ветка сгорбилась, куст поник.

О, машина, разрыхли борозды
В незнакомое, в непонятное,
С чисел армией все оборешь ты,
Вижу новых столиц фундаменты...
Брат-компьютер! Как соль, как воздух ты,
Что нам силищу дарят львиную
В новых формулах жизнь воссоздана
Ты — часть жизни незаменимая...

VIII

Шахматы... Слон замыкает ромбы,..
Рифм крестовины поиск извечный...
Одолеваешь инфаркты, тромбы,..
«Быть или не быть?» — где ответ конечный?
Бьешься с делением клеток раковых.
Ты — обреченных спасательный пояс,
Ну а спасенные все одинаковы —
Имя твое забывают. На полюс
Путь пролегает — льды вековые
Ты разгрызаешь, как белка — орехи,
Уберегаешь от буйства стихии;
Ты — одоленного космоса вехи.
Ты — победитель, машина. Часто
Вижу сквозь времени сизое облако
Я удивленного Бебиджа Чарлза,
Не узнающего детища облика.

IX

Хоть живешь ты подсказками сердца чужого,
Но поверить твоим вычисленьям могу.
Жаль, сама не владеешь ни мыслью, ни словом,
И не видишь ты цвета травы на лугу.
Должен я заложить информацию в недра
Механизма сознания — и выдаст оно —
Почему обездоленным высказать негде
Наболевшее и почему не дано
Светло-синим вершинам туманную чоху
Сбросить с плеч. Должен я информировать мозг —
Он ответит, как время красавицы челку
Превращает в копну поседевших волос.
Должен я подсказать — ты расскажешь о смерти, —

Как немотствует пульс, угасают мечты;
И о той, чернокозой, упрятанной в сердце,
Руки деда в мозолях напомнишь мне ты.
Безошибочно помни о прошлом, как совесть,
Обо всем, обо всех — до десятых колен,
Что в грядущем? Не знаю. Но будем, не ссорясь,
Жить в ладу. До свиданья, компьютер,
STOP
END...

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

Мака МИКЕЛАДЗЕ

* * *

Свою игру мы завершили точкой
и горьким многоточьем слез вдобавок.
Бредем по жизни, словно по аллее,
где солнце с тенью ходят чередою.

Как снег, цветы ткемали осыпает...
Пространство глаз расширено изменой,
и в страхе ты прохожего пытаешь:
— Неужто ты встречал весну один?

* * *

Встречаю кого-то — и провожаю...
Назавтра с нуля свою жизнь начинаю.
Я в детстве своем задержалась, да так,
что разом состарилась.
Каждый мой шаг —
к пределу последнему...
Некуда деться —
о это бесснежье, бесстишье, бездетство!
И вера, что чудо возможно свершить,
не в силах во мне, умирающей, жить.
И если ты любишь меня хоть немного,
напрасных вопросов не надо, ей-Богу!
В весну мне не верится —
все «почему»
отныне рифмуются лишь с «одному».
Довольно! Мне самообмана не надо,

гщета обещаний — плохая услада.
И дождь не идет здесь, и гром не гремит,
и ветер не мчится, и снег не летит...
Встречаю кого-то опять —
провожаю...
Назавтра с нуля свою жизнь начинаю.
А мне бы продолжить ее —
не могу..
И вечно я — в замкнутом этом кругу..

Перевод Наталии ГЕНИНОЙ

Нана ГОГИЧАШВИЛИ

* * *

Солнце я — в дождинку отлилась,
Месяц я — дождинку приумножу.
Я иду дорогой, сторонясь
опьяненных гордостью прохожих.

Станут льдом осенние дожди,
Трудно мне расстаться и не ново.
Говорить не нужно, подожди:
Что сказать бы надо — сгубит слово.

Солнце я — в слезинку отлилась,
Месяц я — слезинку приумножу.
Я иду дорогой, сторонясь
опьяненных гордостью прохожих.

Перевод Ирэны СЕРГЕЕВОЙ

Семейная хроника

ПОВЕСТЬ

«Презирать суд людей не трудно;
презирать суд собственный невоз-
можно».

Пушкин

Мы разошлись на Верийском спуске. Он пошел наверх, я — вниз. Это было 14-го апреля, в день моего рождения. В то утро он разбудил меня ранним звонком и попросил зайти...

В утреннем сумеречном свете их старый дом с деревянными балконами походил на фрегат, стоящий на якоре среди подернутого туманом пустынного моря. Раньше этот дом принадлежал его тестю, который примерно сорок лет тому назад в одну из зимних безлунных ночей с ружьем в руках вышел на балкон и одним выстрелом разрешил спор между долгом и собственной совестью. Тогда мой друг, естественно, по молодости лет, еще не мог быть ничьим зятем... Теперь же передо мной стоял мужчина лет шестидесяти с обветренным лицом и усталыми большими руками. В глазах светилась спокойная и ясная грусть. Так грустно смотрят бывшие шкипера вслед уходящим из гавани кораблям.

К тому времени он уже не работал в нашей редакции, его место занимал я.

Он сидел в огромном ротшильдовском кресле, окруженный странными шорохами и скрипом обветшалой мебели. Перед ним на письменном столе лежала иллюстрация — подарок самого Рокуэлла Кента. В то пасмурное утро он, как видно, долго, внимательно и совершенно бесцельно разглядывал ее. И я только сейчас догадываюсь, что «это мирное занятие наводило его на мысль о смерти».

Наша беседа текла так же мирно и тихо, обходя стороной болезненные темы, касаясь только приятных пустикаков. Но мысль его витала где-то на не известной мне туманной высоте. Я чувствовал, что разговор со мной его несколько не занимал. После

очередной паузы он неожиданно предложил мне немного прогуляться, и мы вышли.

Как раз тем пасмурным утром он и передал мне эту небольшую потрепанную тетрадку. С какой целью?.. «Пусть полежит у тебя некоторое время, потом я ее заберу». Это единственное, что он сказал и, избегая лишних вопросов, распрощался со мной. Ровно через неделю, 21 апреля, наш журнал начал публикацию его известного романа «Приближение». А спустя семь месяцев он умер в онкологической больнице, окруженный домашними, спокойный и отрешенный.

«Приближение» было первым произведением, которое он принес к нам после долгого молчания. От сборника рассказов «Ночь и поезда» до «Приближения» пролегло двенадцать долгих лет. Чем же они были заполнены? Может быть, теми заброшенными в мусорную корзину рассказами, которые постепенно, шаг за шагом подвели его к вершине его творчества — «Приближению»? А может, это был период тяжелого и невероятно затянувшегося кризиса и духовного упадка? Если это так, то тогда его последний роман получает дополнительный смысл, он предстает перед нами как единственный для автора выход, единственное средство выжить, внезапное озарение, принесшее успокоение и освобождение от всех желаний.

Роман лежал уже в редакции, когда его автор вручил мне эту небольшую тетрадь. Мне не терпелось скорее принести ее домой. Честно говоря, я надеялся вычитать между заполненными знакомым каллиграфическим почерком строками тайну двенадцатилетнего молчания моего друга. Но представьте мое удивление, когда вместо настоящей прозы я обнаружил эти странные записки. На последней странице, в конце текста, была такая приписка: «переписано 27—29 января, 19... года».

«Переписано»... В этом слове я почувствовал какой-то тайный смысл. Обычно авторы в конце своих произведений с подсознательной гордостью ставят число, знаменующее завершение труда. Иногда этот день совпадает с какой-либо важной датой в их жизни (например, 19 октября для Пушкина). Завершение произведения — это выздоровление от долгой и мучительной болезни. Переписать уже написанное, на мой взгляд, не столь уж важное событие, чтобы его особо отмечать. Это по меньшей мере странно. В конце каждого рассказа, вошедшего в сборник «Ночь и поезда», так же как и в конце «Приближения» стоит число, месяц и ни одного лишнего слова, все предельно ясно... А тут вдруг это странное слово...

Но а все-таки, что же переписывал мой друг с 27 по 29 января? Завещание? Свое очередное произведение? Даже ознакомившись с текстом, можно убедиться, что в нем нет ни какого намека на художественное произведение. Записки составлены, несомненно, разными людьми. Они написаны бытовым, нелитературным языком и изобилуют стилистическими ошибками, что особенно бросается в глаза на фоне рафинированной стилистики и богатой лексики «Приближения»... Но, однако, в самом принципе их расположения чувствовалась опытная рука писателя. Он явно пропускает некоторые записки, а другие объединяет в развернутые монологи. Я даже подметил несколько фраз, вставленных самим «переписчиком», с целью сделать текст как можно более доходчивым для читателя. Но и в этом отношении я не встретил какого-то особенного новшества, ибо еще в сборнике «Ночь и поезда» было два рассказа — «Туманные звезды Большой Медведицы» и «Пятичасовой чай», — которые поражали своей осмысленной композицией. Смысл этих произведений раскрывался не столько в содержании, сколько в самой последовательности описанных явлений. То же самое можно сказать и о его последнем романе, который выстроен по принципу концентрических кругов. В сравнении с этими произведениями представленная хроника оставляет впечатление литературного упражнения... может, не лишённого определенного шарма, но все же только лишь литературно-стилистического упражнения. Если это так, то какую же цель преследовал мой друг, когда сел переписывать записки, нацарапанные на каких-то бумажках и лоскутках, с заранее продуманной последовательностью? Что происходило в его душе с 27-го до 29 января, когда он, вчитываясь в поблекшие от времени записи, располагал и группировал их по блокам, предваряя каждый блок определенной датой?

Сложно и опасно рассуждать об автобиографичности любого текста, даже когда речь идет о личных дневниках. В этом отношении «Семейная хроника» (я решил именно так озаглавить рукопись) представляет собой особый случай. С одной стороны, ни о какой автобиографии и не приходится говорить, так как почти все «произведение» написано разными людьми. Но, с другой стороны, сам факт объединения записок имеет явно автобиографическую целенаправленность и несомненно является исповедью моего покойного друга... на редкость смелой и беспощадной к самому себе исповедью. (Тут же хочу заметить, что в «Семейной хронике» нет ни одного знакомого имени, но количество персонажей, их характеры и манера речи наводят на мысль, что записки составлены членами семьи моего друга).

Однако все же есть одно обстоятельство, которое вопреки вышеизложенному рассуждению дает повод усомниться в документальности этой хроники: обыкновенному читателю довольно сложно представить семью, в которой за день пишется столько записок. Если допустить такое, то придется признать и то, что обыкновенный диалог между членами семьи почти полностью заменен письменным суррогатом. Но это настолько расходится с общепринятыми нормами общежития, что уже теряет убедительность.

Однако мой друг был настолько искусным и опытным писателем, что не мог допустить подобного несоответствия. Если бы он сам придумал всю эту историю, то позаботился бы об ее правдоподобности, не оставляя повода к сомнению. Что же произошло?

Действительность ставит незримый предел фантазии художника, за которым начинается фальшь. Преодолеть эту границу под силу лишь самой действительности, самой природе, ибо она безгранична. Помню, как-то в горах после утомительного восхождения я и мой друг сидели у палатки и смотрели на багровый закат. Вершины пылали, и длинные синие тени сползали в долину. Над нами мерцал «неестественный», тревожный свет. Мой друг обернулся и почему-то грустно сказал: «Если даже найдется художник, который сможет все это точно, один к одному, перенести на холст, то его, конечно, обвинят в фальши. Все искусствоведы в один голос заорут, что у него нет чувства реальности, что он не разбирается в действительности...» Эти слова в какой-то мере можно отнести и к «Семейной хронике». И раз уж при чтении у меня возникло ощущение неубедительности текста, то это еще раз доказывает его достоверность. Именно поэтому я думаю, что эти записки являются скорее достоянием действительности, чем искусства, так как, я повторяю — если бы автор задался целью написать художественное произведение, то сумел бы остаться в пределах правдоподобности.

«Семейная хроника» лежит передо мной перепечатанная и отредактированная. У напечатанного слова иной привкус — оно теряет и одновременно приобретает что-то. Все второстепенное окончательно блекнет, все весомое и важное становится осязаемым. Передо мной как будто совсем иной текст, не имеющий ничего общего с прочитанным в то дождливое весеннее утро... Если эти записки не являются фактом творчества, если они — полноправная часть жизни реальных людей, то тогда вообще имеет ли кто-либо право на их публикацию? В одном из писем к Вячеславу Пушкин пишет: «Зачем жалеешь ты о потере записок

Байрона? Черт с ними! Слава Богу, что потеряны. Он исповедался в своих стихах, невольно увлеченный восторгом поэзии. Ославив любопытство толпе и будь заодно с гением.

041935340
8082010030

Но все же, все же с какой целью переписывал мой друг эти бессвязные обрывки, если не желал открыться кому-нибудь? Зачем он передал тетрадку именно мне, а не кому-нибудь из своих более близких друзей, если не хотел, чтобы рукопись попала в редакцию? Почему же он ни разу после того дня не упомянул об этих записках при мне? Ведь с 14 апреля до 9 октября (дня смерти) времени было предостаточно для исправления ошибки, если публикацию «Хроники» он считал ошибкой?..

Решать эти вопросы он предоставил мне. Более того, он был уверен, что я опубликую «Хронику», и на последней странице его рука вывела необычное слово «переписано». Тем самым он отгородил «Семейную хронику» от своего творчества, сумел отстоять свой писательский престиж перед лицом будущих нескромных биографов и ушел от нас, не присвоив ни одного чужого слова. Если бы не эти обстоятельства, я ни в коем случае не позволил бы себе предварить эти записки столь длинным и скучным предисловием. Я не ставил целью охарактеризовать или тем более оценить личность моего друга. Текст сам дает такую возможность.

27 января для моего друга день дуэли... с собственной судьбой.

Свой писательский долг он выполнил «Приближением», а гражданский и личный — этой искренней исповедью.

Редактор.

23/XII
(Ночь)

Что с вами? Почему вы так ненавидите свой дом? Походите куда-нибудь в гости и не подумайте вовремя вернуться. Умоляю, хоть завтра соберитесь все за ужином. Рождество все же! Гуся буду жарить.

Сил нет больше ждать вас. Иду спать.

Бабушка

24/XII
(Утро)
Мама!

Не жди нас по вечерам. Ложись вовремя, а то еще заболешь. Постараюсь сегодня прийти пораньше.

Кристо!

Не забудь разбудить Мирцу и отправить ее в техникум. А этому бездельнику оставь молоко в миске. Пусть разогреет и пьет. Бегу.

Диана

Николай!

Сегодня вечером бабушка (согласно ее католическому воспитанию) устраивает семейный ужин. Смотри не опаздывай. После работы сразу марш домой.

Папа

P. S. Молоко в миске. Разогрей и выпей.

Бездельник Ник!

Когда же наконец ты ошастливишь свою бедную забытую сестренку черными очками? От солнца у меня глаза опухли. Скорей исполняй свое обещание, а то я отлично знаю, с кем ты шляешься по ночам, и все доложу Диане! Кристо гонит меня в техникум, а то я бы сама поговорила с тобой.

Мирца

Всем! Всем! Всем!

Во-первых, я не бездельник, т. к. работаю осветителем на студии.

Во-вторых, катитесь все к черту со своими нравоучениями.

В-третьих, пора уже запомнить, что я терпеть не могу молоко!

N. K.

(Полдень).

Нико!

Никто тебя не оскорбляет, просто ты сам должен вести себя так, чтобы не заслуживать замечаний! Прибежала домой на перерыв и чуть не упала в обморок, когда зашла к тебе в комнату. Сколько раз можно повторять: не оставляй неубранной постель, не разбрасывай книги по всей комнате, не бросай окурки на тахту! Приведи все в порядок, никто не уберет за тебя твою комнату! Слава Богу, папа не видел этого свинарника.

Вечером вернусь поздно, нужно уладить кое-какие дела. Мне очень жаль, что ужин пройдет без меня. Не зли бабушку!

Мама

P. S. Не забудь принести хлеба. Не осталось ни крошки.

Кристо!

Иду за хлебом. Не надеюсь на Нико. Он может всех нас оставить без хлеба. Очень прошу: не опаздывайте. Постарайтесь вернуться так, чтобы к семи мы уже сели за стол. Ключи оставляю там же.

Анна

Анна Николаевна!

Прошу прощения, но к нам в редакцию приехали американцы. Сегодня вечером я должен их сопровождать в оперу, так что вряд ли смогу отведать вашего румяного гуся, о чем искренне сожалею.

Извините еще раз.

Ваш Крестфоре

P. S. Салат был замечательный, вкусно позавтракал.

Бабушка!

Когда я вернулся из студии, ты так крепко спала, что грех было тебя будить. Твоя примерная внучка Мирца навестила меня на киностудию, сообщила, что ее подруга, мадам-муазель Люлю, изволила сбежать с кем-то, что она не сможет принять участие в нашем сегодняшнем празднестве по выше-названной причине. Затем она извинилась, выразила мне и тебе свое искреннее сожаление, забрала у меня 5 (!) рублей и исчезла.

Баб! Я сейчас бегу по делу, но в половине восьмого буду стоять в дверях с зажженными свечами. Ну, не скучай!

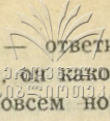
С уважением, Н. К.

(Ночь)

Диана, Крестфоре, Мирца!

Очень обижена на вас. Неужели нельзя хотя бы раз в году всем собраться и вместе поужинать, как это принято в порядочных семьях? Слава Богу, хоть Нико меня не забыл.

Вообще, Нико у нас неплохой мальчик! Надо было видеть: ровно в половине восьмого — звонок! Открываю, в дверях Нико стоит с бутылкой шампанского. Целует мне руку, как это раньше делали мужчины. Потом мы сели к столу. Он открыл шампанское, налил мне и себе и выпил за веру; знает, супостат, что я верующая и подшучивает надо мной. Потом где-то откопал пластинку, которую мне подарила Лиди в сорок девятом, включил и начал декламировать свои стихи. Когда ты успел столько написать — я спросила. Когда

вы отправили меня в Сухуми проветривать мозги — ответил он. Видно, он еще не забыл ту историю. И вообще, он какой-то взбалмошный, нервный, да и ведет себя не совсем нормально в последнее время. Но стихи прекрасные. Может, стоило Христофору всерьез заняться мальчиком.

Очень на вас обижена.

Анна

Р. С. Гуся не ешьте холодным, подогрейте.

Мирца!

Я принес тебе черные очки, уложил их в постельку, укрыл одеялом. Ну как, еще будешь обзывать меня бездельником?

Н. К.

Р. С. Надеюсь, в ЗАГСе все о'кей?

Диана!

Получил из Сухуми письмо от Саши. Жалуется, что мы совсем его забыли, и просит приехать хотя бы на годовщину Флоры. К своему стыду, я даже не помню дня ее смерти, ведь прошло почти десять лет. Спроси у Нико, он наверняка помнит. Сама понимаешь, мне как-то неудобно его спрашивать.

Кристо

**25/XII
(Утро)
Мама!**

Мне очень жаль, что не смогла вчера прийти вовремя. У директора был банкет, никак нельзя было отказаться. Прости меня.

Диана

Кристо!

Я считаю, что ты должен серьезно поговорить с Мирцей — совсем от рук отбилась. Вчера она заявила в три часа ночи! Что мне было делать? Ты же знаешь, я совсем не умею с ними разговаривать, сразу поднимается крик и скандал. Не могу понять, где мы допустили ошибку в их воспитании. Иногда кажется, что они ненавидят меня. Прошу тебя, поговори с ними... Да, и седуксен кончается. Позвони Датико, пусть достанет, а то доконает меня эта бессонница.

Диана

Р. С. Скажи этому бездельнику, пусть сделает себе яичницу, если не хочет молока.

Ник!

Спасибо за очки, но что за глупость укладывать их в постель! Теперь слушай! Встретила Вахо, приятеля Люлю. Ты там зывается, вы были вместе на каком-то дне рождения. Ты там, конечно, накачался, залез на перила балкона и тебя еле оттуда стащили. В конце концов; когда прекратятся эти дурацкие шутки?! Между прочим, это не способ что-нибудь доказывать. Не пей столько! В двадцать три года пора бы уже взяться за ум.

Сегодня утром у меня был незабываемый разговор с Кристо. Он как всегда на страже законности и целомудрия. Хотя удар был направлен в основном против меня, но речь зашла и о тебе. По-моему, он что-то пронюхал насчет Луизы. Я запомнила такую фразу: «Вместо того, чтобы помогать мне и маме, вы ведете какой-то сомнительный образ жизни и даете повод для разных сплетен. Одна (сие обо мне) где-то шляется до полуночи, другой (сие про вас) спутался с какой-то этой самой...» Нико, боюсь, что поднимается тот же ветер, который еле улегся десять лет тому назад. Будь предельно осторожен!

Ну все.

Мирца

(Полдень)

Кристо!

Когда я твержу, что надо присматривать за детьми, ты и слушать не хочешь. Ну вот и дожили! Известно ли тебе, чем занимается Мирца вместо занятий в техникуме? Она проводит время с каким-то мужчиной в большом сером доме рядом с филармонией! Я заметила ее из автобуса и, конечно, сразу же вышла, но она успела скрыться в каком-то подъезде. Нет, я наверняка свихнусь! Вечером приходи пораньше! Слышишь? Отложи все дела и возвращайся пораньше! До каких пор можно писать эти проклятые письма. Я скучаю по нормальному человеческому разговору.

Диана

Диана!

По-моему, ты как всегда преувеличиваешь. У тебя ведь нет основания предъявлять девочке такое обвинение. То, что она пропустила сольфеджио и вошла в серый дом рядом с филармонией, это еще не улика. Что в этом особенного. Разве не логичнее думать, что там живет одна из ее подруг? Про-

шу тебя, успокойся и не закатывай скандала. Я задержусь.
Кристорфоре
Р. С. Твою записку выбросил. Представь, что было бы с
Анной Николаевной, прочти она такое.

Нико!

Я иду за хлебом. Если не застану тебя — завтрак на плите. Прочла записку твоего отца. Ты тоже прочти. Что-то неладное с твоей сестрой! Умоляю, присмотри за Мирцей, как бы чего не вышло. Только этого не хватало нашей семье.

Бабушка Анна

Баб!

Записку прочел. Ничего страшного не происходит. Обычные мамины фантазии и вариации на мопассановские темы. Мирца примерная девочка, не то что я. Уверяю тебя, все нормально, и будет лучше, если Диана и Кристо перестанут мутить воду. Успокойся!!!

Н. К.

(Ночь)

Кристо!

Прошу Вас, объясните, что опять происходит в нашей семье. Что с девочкой? Диана ничего не говорит, только згрывается. А ведь я чувствую что-то неладное. Кто-нибудь зайдите утром ко мне в комнату и расскажите все как есть. Неизвестность хуже всего. Умоляю, не повторяйте того, что было десять лет назад!

Анна

Мирца!

Ахтунг! Ахтунг! Против тебя что-то затевается. Я думаю, Диана потребует от тебя алиби. Отныне переписка становится опасной. Позвони мне на студию. Мне нужно срочно поговорить с тобой. Точка.

Н. К.

Диана!

Ты ведешь себя неразумно. Вместо того, чтобы убедиться в основательности своих подозрений или же вовсе забыть о них, ты на всех дуешься. А тут еще твоя мать заявляет мне: «Кристо, не повторяйте того, что было десять лет на-

зад». Я оскорблен. Вы так часто напоминаете мне об этом, как будто я тогда и впрямь в чем-то был виноват. Неужели неприятным разговорам никогда не будет конца! Кстати, ли ты помнишь, не я один решил отправить Нико к Саше в Сухуми. Это было наше совместное решение. И хватит, в конце концов! Я не желаю больше разговаривать на эту тему!

Кристефоре

P. S. Не пей столько седуксена. По ночам тебя бьет озноб, ты вся в холодном поту, и лицо бледное как полотно.

(Ночь)

Ник!

Где тебя носит по ночам! Прочла твою записку. По-моему, ты прав, во всяком случае Диана не желает разговаривать со мной. Спасибо за предупреждение. А теперь и я хочу тебя предупредить — твой отец вынюхивает что-то. Он, оказывается, расспрашивал насчет Луизы друга Вахо, ну как его... Дито, что ли. В общем, он на вашей студии работает и к тому же еще что-то пишет, рассказы или что-то в этом роде. Кристо поймал его в редакции и начал выяснять, сколько лет Луизе, правда ли она разведена с мужем и т. д. Об этом я узнала от Вахо. Мой тебе совет — поскорее завязывай и не обостряй ситуацию. Не пойму, почему именно сейчас приспичило тебе заниматься этим дурацким лавом?

Нико, у меня к тебе серьезный разговор. Ты избегаешь меня или я ошибаюсь? Неужели не надоело писать эти идиотские письма? Завтра постарайся не пить, буду ждать тебя наверху, на нашем чердаке. Мы там не бывали целую вечность.

Мирца

27/XII

(Утро)

Мирца!

Сегодня съемка, вряд ли смогу вырваться. Перенесем беседу на другой день.

Нико

P. S. Если бы Кристо прочел в твоей записке слова «твой отец», его наверное хватил бы инфаркт.

Кристо!

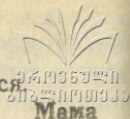
Сегодня вечером обязательно возвращайся домой вовремя! Слышишь — обязательно!

Диана

(Вечер)

Диана!

За мной зашла Лида. Идем в театр. Не волнуйся!

28/XII

(Утро)

Николай!

Мне очень не нравится твоя ночная жизнь. Для тебя же было бы лучше сидеть дома и заниматься. Если и в этом году не поступишь в институт, пеняй на себя. У нас сейчас вошла в моду мысль, дескать, все в этом брэнном мире ерунда и абсурд. Но должен тебе сказать, что там, откуда пришла эта мода, уже придерживаются совершенно противоположного мнения. Так что мы и в этом отношении походим на остальных детей.

Пойми, на 80 рублей в месяц невозможно жить, а тем более содержать семью. Я давно уже собираюсь поговорить с тобой, но тебя дома не застать. Перед тем как отправиться на студию, зайди ко мне в редакцию.

Папа

Диана, Кристо, Нико!

Сделайте что-нибудь с этой трубой, уже целый месяц течет. Смотрите, чтобы потом не пришлось ремонтировать соседскую квартиру! Стыдно в конце концов!

Анна

(Полдень)

Всем! Всем! Всем!

Как видно, в этом доме никто не волен даже дышать по-своему. Все обязательно лезут в душу! Кого я люблю и кто меня любит, это мое личное дело! Если же вам не терпится увидеть особу, существование которой до того волнует моего отца, что он в редакции грохочет кулаком об стол, то извольте к семи часам быть дома. Но смотрите, не опаздывайте, у нас будет очень мало времени. Прошу вас, приходите и проверьте, правда ли она похожа на «страшную сорокалетнюю бабу», как утверждает Кристо, или нет! А может, собираетесь опять в Сухуми послать меня для перевоспитания?

Н. К.

Кристо!

Что творится в нашей семье? При чем Сухуми? Опять Сухуми! Ради Христа, не надо крайностей! Сначала Мирца, сей-

час Нико! Боже, что будет? И надо же, оба вместе спят! Что ли? Сегодня Нико собирается привести в гости какую-то даму. Умоляю Вас, уладим это дело тихо и мирно. Когда в семье крик и переполох, это уже не семья, а настоящий ад!

Иду за мукой. Хоть пирог испеку, а то неудобно, все же в первый раз приходит человек, надо же хоть чем-то угостить.

Анна

Р. С. Завтрак в холодильнике.

Кристо!

Я схожу с ума! Целый день мы с Ланой проторчали у того дома. Наконец из подъезда выходит твоя примерная Мирца с посторонним мужчиной. Я и оглянуться не успела, как они сели в машину и укатили. Еле запомнила: серый «Фиат», номер 58—69 ГАИ. Лана узнала этого человека, она ведь всех знает. Он, оказывается, играет на кларнете, но неизвестно, в каком оркестре. Имеет семью, но живет отдельно, кажется, разведен. Имени Лана не помнит.

После всего этого возвращаюсь домой и вижу, что вся квартира в муке — моя мать печет пирог. Оказывается, Нико решил притащить вечером какую-то дрянь. Бросаюсь к телефону, хочу позвонить тебе, а он выключен.

Вдобавок ко всему лопнула труба и квартиру начало заливать горячей водой. К счастью, под нами в поликлинике работал сантехник. Воду он перекрыл, но в передней поднялся паркет.

Тем временем у мамы подгорел пирог. Весь дом в дыму. Я чуть не рехнулась! Кристо, у меня предчувствие беды. Что с ними творится и, главное, одновременно?! Меня это настораживает. Боже, что с нами будет!

Прошу тебя, проследи, чтобы рабочие заменили трубу, а то мне некогда. Надо бежать в институт на защиту проекта. Постарайся разузнать что-нибудь насчет Мирцы. Того человека, кажется, зовут Евгением.

Диана

Р. С. К моему приходу обязательно будь дома!

(Вечер)

Мирца!

Как жаль, что ты пропустила такой спектакль! Я привел домой Луизу. А все началось с того, что Кристо вызвал меня

к себе и орал на всю редакцию: «С кем ты спутался?! О чем ты думаешь! Пока сидишь на нашей шее, изволь считаться с нами!» Что мне оставалось делать? Встал и ушел, хлопнув дверью. А все это происходит оттого, что с тех пор, как его назначили главным редактором, он совсем перестал писать, вот и злится, что его называют писателем только по привычке. В общем, из редакции я ушел в ярости и решил провести неожиданную контратаку. Луиза отказалась наотрез, но потом я ее все же уломал.

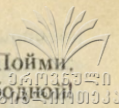
Домой мы пришли к семи. В передней весь паркет испорчен, всюду валялись щепки, в ванной рабочие меняли трубу. Луиза, входя, споткнулась и оказалась на коленях перед Дианой. Само собой, Диана не ожидала такого начала и ей пришлось заменить заранее приготовленную непроницаемую маску на более естественное выражение лица. Бабушка пришла в ужас: «Какой стыд, девушка впервые у нас, что она подумает о нашей семье». Луиза поранила колено. И началось... достали йод у соседей, вату нашли в твоей комнате, бинт оказался у сантехника. Во всей этой операции Диана принимала деятельное участие. Но вдруг явился Кристо и своим мрачным видом нарушил намечающуюся идиллию. Диана сразу пришла в себя и вспомнила, что Луиза злейший враг нашей семьи. Наступило долгое и тяжкое молчание. Анна поставила на стол свой подгоревший пирог и противный яблочный компот. Трапеза проходила в полном безмолвии. Луиза была растеряна и смущена, Диана насторожена, Кристо угрюм. Нас спасло то обстоятельство, что у Луизы оказался порван рукав, и мы с ней вышли в твою комнату искать иголку и нитки. Сейчас мы у тебя. Я пишу письмо, а Луиза, облаченная в твой халат, сидит и чинит платье. Собираемся на день рождения. Вернусь поздно.

Н. К.

P. S. Сколько раз можно тебя просить — верни мне письма! Мне не хочется, чтобы после утомительной ночи с тем типом, ты бы вдруг вспомнила о своем глупом брате и начала рыться в наших письмах.

Нико!

Ты что, совсем рехнулся? Зачем ты напялил мой халат на какую-то Луизу? И вообще, почему ты ее привел домой? В самом деле вздумал жениться или меня дразнишь? Ты не думаешь, что тебя уже надо лечить? В конце концов чего ты

добиваешься, чего ты хочешь от меня? Не сходи с ума. Пойми, я люблю этого человека и впервые чувствую себя свободной. Прошу, не создавай мне лишних препятствий и успокойся. Ты же знаешь, что в таком состоянии я не могу оставить тебя одного с Дианой и Кристо. Неужели ты хочешь вернуть меня в этот ад, где каждый из нас заперт в своей комнате и предпочитает писать записки, чем нормально общаться.

Кстати, можете забрать свои письма, если это необходимо. Все они лежат в дагестанском медном кувшине у меня в комнате.

Маленький глупенький Ник! Ты мне не нравишься в последнее время. Недавно я увидела тебя на улице — шел как пьяный. Ты думаешь, я не буду скучать по нашему чердаку? Помнишь, как мы прятались там в детстве? А потом ты соорудил тахту из ящиков и мы две ночи спали валетом в этой крошечной тьме. Знаешь, ты единственное, что связывает меня с этим домом. Давай помиримся, поверь, ничего не случилось, ничего не изменилось... по крайней мере в наших с тобой отношениях. Мне очень тяжело и именно сейчас я нуждаюсь в твоём сочувствии. А ты дуешься на меня и на каждом шагу делаешь мне больно. Вот и сейчас Диана вызывает меня. Наверняка трибунал устраивают.

Целую тебя в лоб. Пока.

Мирца

29/XII

(Утро)

Кристо!

Беги к Лане. Будем искать Мирцу. Расскажи Нико про то, что случилось вчера, он ничего не знает. Может, и он поможет. Боже, что с нами будет!

Диана

P. S. Присмотри за мамой, боюсь, как бы ей плохо не стало. Ты же знаешь, в каком состоянии у нее сердце. Скажи ей, пусть не убирает сегодня квартиру. Вернусь и сама уберу.

Баб!

«Не нервничай, все образуется. Я и папа идем искать Мирцу. А твою дочь убить мало! Что она сделала, разве можно бить такую взрослую девочку?!»

Нико

Диана, Кристо!

Я не в силах больше ждать. Ужасно нервничаю. Вы знаете Мирцу — что скажет, то и сделает, что бы ни произошло. Но и вы хороши! Как можно было доводить девочку до такого. Это вы ее заставили сказать, что ноги ее не будет в этом доме. Иду искать Мирцу. Оттуда зайду в церковь.

Анна

(Полдень)

Анна!

Где вы ходите? Я хочу сообщить, что вчера в час ночи Мирца пришла ко мне. Она была вся промокшая, с заплаканными глазами. Сказала, что поссорилась с домашними; очень нервничала, сидела у радиатора, тряслась и плакала. Я чуть не силой заставила ее сменить одежду и напоила чаем. Бедная девочка вся дрожала. Оказывается, заходила к подруге и не застала ее дома. Два часа ждала под дождем, а потом пришла ко мне. Я спросила, из-за чего произошла ссора, она не хотела рассказывать, и я оставила ее в покое. По-моему, она особенно обижена на Диану. Успокоившись, Мирца собралась идти к подруге, сказала, что та живет здесь близко, рядом с филармонией. Но я не пустила, с трудом уговорила остаться. Сегодня утром она оделась и ушла, по-моему, в техникум.

Я хотела позвонить к вам, но этот проклятый телефон отключен, или что там такое, не знаю. Анна, только ты не нервничай, в семье все бывает.

Лида

P. S. Когда все успокоится, сообщи.

Кристо!

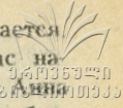
Мы с Ланой узнали адрес того человека и пошли к нему домой, но никого не застали. А может, нам не открыли дверь. Не знаю, что делать. И мама куда-то ушла; как бы ей не стало плохо.

Если что-нибудь узнаешь, оставь записку. По телефону не звони — неудобно.

Диана

Анна Николаевна!

Я и Нико заходили к Дориану и спрашивали про музыканта Евгения. Дориан позвонил в отдел кадров. Выяснилось, что такая личность действительно работает в Тбилисском ка-

мерном, но сейчас в отпуску. Узнали и адрес, оказывается он живет рядом с филармонией. Разумеется, мы тотчас направились туда. К сожалению, дома никого не было. Николаевна, вы не беспокойтесь. В конце концов все образуется. Передайте Диане, чтоб не маячила у этого дома. Своими ссорами и скандалом она еще больше испортит дело.

Кристефоре

Р. С. У меня вышел неприятный разговор с Нико по поводу той девицы. Вы бы поговорили с ним как-нибудь. Ну что у него общего с какой-то тридцатилетней женщиной?!

Нико!

Еда на столе. Подогрей сам. Умоляю, не груби отку. Хотя ты веди себя как полагается.

Я еду в сберкассу, оказывается, мы не платили за телефон. Видимо, поэтому не работал так долго.

Бабушка

Всем! Всем! Всем!

Мне на работу позвонила Мирца. Очень рассержена на вас, но готова все забыть. А теперь приготовьтесь... послезавтра она и Евгений расписываются. Сегодня я приглашен к ним. Уверяю вас, что это не детские игры, а очень серьезное дело. Хочу тут же напомнить, особенно тебе, мама, что Мирца уже давно вышла из детского возраста и просит внести конкретные коррективы в ваши родительские функции. После всего вышесказанного хочу высказать надежду, что вы проявите должную предусмотрительность и такт и будете вести себя так, как это подобает нашей высокообразованной и воистину грузинской семье.

С почтением, **Н. К.**

Р. С. Не ложитесь спать до моего возвращения.

(Вечер)

Диана!

Ты прочла записку Нико? Мирца выходит замуж. В пять часов заходил Кристефоре, грозился, что ноги ее не будет в этом доме. Не знаю, что делать. Понимаю, что Мирца поступила некрасиво, но и так тоже нельзя. В конце концов, девочка замуж выходит, ведь ничего плохого и постыдного не делает. Кристо сказал, что на нее он уже махнул рукой, что

сейчас собирается присмотреть за мальчиком, как бы он не натворил глупостей. Пошел на киностудию. Не знаю, что там нужно.

Дорогая, прошу тебя, постарайся убедить его помириться с Мирцей. Сил нет от этой ненормальной жизни. В чем дело, почему, в конце концов, мы не можем жить в согласии? Чего только я ни навидалась в ссылке, но даже там люди как-то уживались. Что же с нами произошло? Ведь вроде бы не в Сибири живем, нужды особенной не знаем...

Я иду в церковь, вернусь через час.

Мама

Р. С. Еда на балконе.

30 XII

(Утро)

Бабушка!

Не обращай внимания на их разговоры. Все будет отлично, вот увидишь. Ну помирятся они с Мирцей, что им еще остается делать. Если появится Мирца, передай, чтоб обязательно связалась со мной.

Н. К.

Р. С. Кто это копался в комнате Мирцы! Кто взял письма? Нет, в этом доме невозможно жить!

Мама!

Я и Лана идем к Мирце, хочу переговорить с ней, если только застану дома. Не волнуйся. Ты же знаешь — с твоим сердцем ты должна беречь себя. Если, не дай Бог, с тобой что случится, я определенно свихнусь. Не обращай внимания на то, что говорит Кристо. Он вспыльчив — иной разбрякнет что-то, а через минуту передумает. Он любит Мирцу как родную дочь.

Диана

(Полдень)

Ник!

Вы что, убить меня хотите? Только что прибежала Мирца, вся заплаканная. Укладывала свои вещи. Я сказала, что ты просил ее позвонить. А она вдруг как закричит: Слышать не хочу об этом сумасшедшем! Все вы тут ненормальные и этого несчастного тоже свели с ума! Не замечаешь, что твоего внука давно уже пора лечить — то на перила лезет, то истерики мне устраивает на улице!

Объясни, что ты натворил, что ты ей сказал такого — она, оказывается, всю ночь не смыкала глаз, чуть не покоилась с собой. Нико, дорогой, умоляю, не усугубляй и без того сложную ситуацию. Если ты меня любишь, то хотя бы ради меня будь умницей. Не уходи без меня, хочу поговорить с тобой.

Сейчас иду в сберкассу. Во второй раз прислали счет за коммунальные расходы. А ведь один раз мы уже платили. Совсем люди совесть потеряли.

Бабушка Анна

Нико!

Как мне быть, как доказать тебе, что я даже не входила в комнату Мирцы! Научи, что мне делать, и я сделаю так, как ты хочешь. Убей меня, — избавились бы от мук и я и вы все. Когда утром ты говорил со мной по телефону, у меня было такое чувство, будто кто-то вонзает мне нож в сердце. Даже заводелом спросил, не случилось ли что. Боль и несчастья преследуют меня в течение всей жизни. У меня ведь не было ни детства, ни молодости. Мирцин отец лишил меня последних иллюзий. Дети, что вам от меня надо? Разве я вам сделала чего-нибудь плохого? В конце концов, ведь и я человек, мне тоже можно что-то сказать. Как бы там ни было, я все-таки ваша мать, не забывайте этого.

Ты думаешь, между мной и твоей бабушкой полное взаимопонимание? Нет, дорогой мой: пока я была маленькая, до самоубийства деда она мне житья не давала своей церковью и розгами. Тебя, по крайней мере, никто не бил шлангом для вина, а я испытала и такое. Потом, тебе известно, что произошло — я осталась совсем одна. Тетя Лида нашла меня в детском доме больную и выходила. Еле-еле я оправилась, подросла, начала понемногу привыкать к своему новому дому, но в это время мама вернулась из ссылки. К тому времени я была уже студенткой с ярлыком «дочь вредителя». Как ты думаешь, легко мне было уйти от Лиды и начать новую жизнь с фактически незнакомой женщиной. Единственное, что помнила о ней со всей отчетливостью — это шланг для переливания вина. Но что делать, живем, как видишь, и любим друг друга.

Нико! Прошу тебя, объясни, может, я в чем-то и провинилась перед тобой, только объясни спокойно, по-человечески. Не доводи меня до того, чтоб я руки на себя наложила, ведь

тебе тогда самому будет стыдно людям в глаза смотреть. Не знаю, как быть, вроде все для того делаю, чтобы нам жилось хорошо, чтобы мы лучше понимали друг друга. Строю планы, возвожу замки, а потом какой-то глупый случай — и все рушится на глазах. Как будто какие-то страшные силы объединились против нашей семьи. Кто нас проклял?

И эти бесконечные письма тоже надоели. Давай как-нибудь сядем рядом и поговорим по-человечески. Прошу тебя, не пей сегодня и приходи вовремя.

Мама

Диана!

Хочу поговорить с тобой насчет Нико. С ним что-то творится. Он был у меня в редакции. Ты знаешь, на нем лица не было. Дело дошло до того, что он заорал на меня: «Плеть я на тебя хотел, тоже мне, Жермон нашелся!» Видно, он узнал о моем разговоре с Луизой, и рассвирепел. Кстати, она оказалась вполне нормальной женщиной. Сама заявила: «Не беспокойтесь, я давно чувствую, что ваш сын не любит меня, и я уже послала ему письмо с просьбой оставить меня в покое, т. к. не стоит продолжать такие фальшивые отношения». Я никак не смог убедить Нико, что Луиза послала ему письмо до нашей с ней встречи. Потом он заявил: «Хорошо, оставим это, теперь скажи, какую пакость сказал ты Евгению?» Я оторопел. Что я мог сказать, я ведь даже не видел того человека. «Нет, — сказал Нико, — ты наверняка рассказал Евгению какие-то пакостные вещи, иначе Мирца не выругала бы меня по телефону». Я говорю — ты что, я не знаю никакого Евгения, может, кто-то что-то ему наговорил, я то тут при чем? «Нет, это ты выдумал какие-то сплетни, думаешь я не помню, какие мерзости ты говорил о нас?» Диана, он сошел с ума! У меня нет сил говорить с ним. Может, ты сможешь вдолбить что-нибудь в его башку.

Если вдруг объявится Мирца, скажи ей, пусть позвонит мне на службу. Хочу узнать, что же все-таки сказали этому Евгению. Буду в семь часов.

Кристефоре

(Вечер)

Диана!

Ты ведь обещала прийти сегодня пораньше! Недавно убираала квартиру и нечаянно опрокинула дагестанский кувшин в комнате Мирцы. Оттуда посыпались эти письма. Я до-

го раздумывала, показывать их вам или нет. Наверное, вы все же должны это прочесть, несмотря на то, что письма десятилетней давности. Пусть и Кристо прочтет.

Мама

ПИСЬМА ИЗ ДАГЕСТАНСКОГО КУВШИНА

20 сентября 1970 года.

Мирца!

Как я обрадовался твоему письму. Как ты все хорошо придумала. Теперь мы можем писать друг другу. Ты же знаешь, единственное, что мне не противно, это писать письма. Теперь буду посылать их тете Лиде, и она передаст тебе. Ты умница, что прислала мне адрес тети Лиды. А то я его не помнил.

Я уже неделю живу тут. Из нашего дома видно море. Осенью море оказалось еще красивее. Вода спокойная и застывшая, как в озере. В ней отражаются разбросанные вдоль берега большие валуны. Моя комната маленькая и в ней стоит запах смолы. Когда дядя Саша ввел меня в комнату и я открыл окно, в комнату заглянула ветка, увешанная лимонами. Видно, упиралась в стекло. Знаешь, как запахло! Не так, как лимоны из магазина. Когда ночью я гашу свет, лимонные листья при свете луны блестят, как серебро. В моей комнате спит еще бабушкина сестра Эленэ. А так она все время на кухне. Она прекрасно знает грузинский, но со мной чаще говорит по-мегрельски, я ничего не понимаю.

Дядя Саша хороший, но все время молчит. Утром в семь часов он меня будит. Бабушка Эленэ к этому времени уже давно на ногах и кормит кур. Потом мы с дядей Сашей идем на море делать зарядку. Когда возвращаемся, на столе нас уже ждет горячий мчади, сыр и молоко. Я молоко не люблю, но что делать, приходится пить.

Тетю Флору видел только раз. Она очень больна, когда я вошел, она лежала в постели. Она подозвала меня и поцеловала в лоб. У нее большие черные глаза, и она очень худая. У нее очень смешная фамилия — Ксандопуло. Бабушка Эленэ сказала, что она гречанка. А вообще грузинский она знает хорошо.

Я не ленюсь! Получил уже две пятерки по грузинскому и истории. Здешние ребята знают меньше, чем тбилисские. И по геометрии отстают. Я думаю, здесь у меня отметки будут лучше. Видела бы ты, какая это смешная школа. Ма-

ленький деревянный домик с большим зеленым двором. Из окон видны лавровые деревья. Настоящая школа, оказывается, сгорела весной и сейчас ее ремонтируют. А мне кажется, эта деревянная избушка лучше всех школ в мире.

Мирца, папа ничего не говорит о моем возвращении? Я и сам виноват, учился бы хорошо, не отослали бы сюда. Ты ведь знаешь, нужен хороший аттестат. В этом папа прав. Оказывается, дядя Саша давно предложил нашим, что, мол, если Нико станет лениться, пошлите его ко мне, я его приучу к режиму. Ты ведь знаешь, он на войне был, майор.

Мирца, я все-таки очень сердит на тебя. Почему ты сказала маме и папе, что Нико ни при чем, что, мол, всю эту историю выдумала я сама и его вовлекла. Мама сказала мне, если и ты признаешься, что все выдумала Мирца, я отговорию отца посылать тебя в Сухуми. Но я отказался.

Что с тобой? Зачем ты такое на себя наговорила? И еще сказала папе, что ты, мол, мне не отец. Этого ты не должна была говорить. Сейчас я жалею, что сказал тебе про отца и ту женщину. Вы, девчонки, не умеете держать язык за зубами. Ну, до свиданья, скорее напиши мне письмо.

Твой брат Нико

1 октября 1970 года.

Мирца!

Здравствуй! Как ты? Я вовсе не хотел, чтобы ты плакала, зачем ты плачешь? Если тебе и правда некому слово сказать, ну и что, напиши мне письмо, а я же — вот он я! Ты думаешь, я вправду обижен на тебя, это я просто так тебе написал.

Я живу хорошо, только очень скучаю по тебе. Знаешь, у нас в саду дерево, которое ты любишь — магнолия, очень красивое, с большими белыми цветами. Оказывается, если оставить цветы магнолии в запертой комнате и уснуть, можно задохнуться и умереть. Бабушка Эленэ не любит это дерево, все время пристает к дяде Саше, мол, срежь, много места занимает, а вместо него посадим каштан.

Тете Флоре лучше. Она уже встает с постели и по вечерам выходит на балкон смотреть на закат. Она носит длинный белый халат. Очень любит украшения. Без серебряных серег и бус из своей комнаты не выйдет. И выглядит она лучше. Очень красивая и добрая женщина. Каждый вечер посылает меня за соседскими ребятами. Как только мы со-

беремся, бросает мне с балкона ключи от сада и говорит при этом: «Пока каждый из вас не съест по три апельсина, да не выйдет». А нам только того и нужно.

В саду лавровые и апельсиновые деревья. Ты когда-нибудь видела апельсиновое дерево? Оно небольшое и все увешано золотыми апельсинами. Сначала мы очень радовались, а сейчас уже немного надоело каждый вечер есть апельсины, но ведь не огорчать же ее. Эти апельсины она сама посадила до того, как заболела. А вообще сад очень красивый. Особенно на закате. Если встать лицом к морю и смотреть на сад, кажется, что тысяча солнц заходит одновременно. А тетья Флора глядит на нас с балкона и улыбается довольная.

Мирца, что происходит дома? Пиши подробнее, ты же видишь, какие длинные письма я пишу тебе? Как бабушка? Она не хотела меня сюда отсылать. Я слышал, как она говорила маме: сама справляйся со своим сыном. Мама все еще не разговаривает с тобой? Хочешь, я напишу ей, что ты ни при чем, что напрасно на себя наговорила?

Все-таки я не понимаю, зачем надо было так поступать. Почему ты сказала: «Я выдумала историю про папу и ту женщину», и добавила еще: «Плохие отметки тут ни при чем, вы отсылаете Нико в Сухуми, потому что боитесь, как бы он правду не сказал». Когда мама сказала мне, что, мол, так и так, я ответил — Мирца врет и наговаривает на себя, я все видел своими глазами. Не понимаю, почему мама верит твоей лжи, а мне не верит. То, что ты мне пишешь, мол, ты не должен был устраивать такой шум, правильно. Но откуда я знал, что это вызовет? Я больше не мог, одноклассники смеялись надо мной: «Твой отец ходит со службы на шатало¹ к одной женщине». Сколько я мог драться? А потом, когда я все увидел собственными глазами, мне уже нечего было сказать. Поэтому я не хотел больше ходить в школу. А они мне говорили: если еще раз прогуляешь уроки, отправим тебя в Сухуми. Все время ругали меня и били. И вот раз я не выдержал и выпалил прямо: «Если я прогуливаю школу, то и ты вместо службы ходишь в 11-этажный дом». С этого все началось.

Мирца, очень скучаю по тебе. Часто вспоминаю, как прятались на чердаке, когда родители не разговаривали с нами. Тогда мы решили, что будем все рассказывать друг другу.

¹ Шатало — на тбилисском школьном жаргоне — прогул уроков.

Но до сих пор не могу понять одной вещи. — когда нас нашли на чердаке, почему папа кричал: «Ты только посмотри, что им тут нужно в их возрасте, девочке и мальчику в темноте. Диана, мне это очень не нравится» Каждую ночь перед сном я думаю об этой истории и ничего не могу понять. Хорошо было бы поговорить с тобой, когда я говорю с тобой, мне легче разбираться во всем. Мирца, ты вот пишешь, «может быть, наш класс повезут на экскурсию в Кутаиси», а может, ты попросишь учительницу и устроишь экскурсию в Сухуми. Знаешь, сколько здесь всего? Обезьяний питомник, ботанический сад, Рица.

Вот такое письмо здоровое получилось. Не ленись и ты, напиши мне такое же. Меня интересует все. Ну, будь здорова.

Твой брат Нико

Да, чуть не забыл сказать, тетя Флора ежевечерне учит меня играть на мандолине. Я уже выучил четыре аккорда. Очень смешной инструмент, похож на половинку груши.

8 октября 1970 года.

Мирца!

Если бы ты знала, как я рад, что ты помирилась с папой. Ты ведь снова зовешь его папой? Наверное, скоро и мама помирится с тобой. Я не знал, что бабушка обижена на маму. Почему ты не написала мне подробно, в чем было дело. Наверное и это из-за меня.

Мирца, если бы ты знала, сколько мне нужно тебе рассказать. Во-первых, у меня новый друг — Роби. Он абхазец. В Сухуми он живет у тетки. Родители его — в деревне, тут же, близко, и на субботу-воскресенье приезжают. Раз его отец приехал и привез лук и стрелы. За короткое время мы с Роби так наловчились, что попадаем в консервную банку с десяти шагов. Недавно отец Роби приехал на лошади и сказал: будете себя хорошо вести, посажу на лошадь. Ну и мы, конечно, повели себя хорошо.

Отец Роби сначала посадил нас в седло позади себя и сам поскакал. Потом он поодиночке сажал нас на коня и медленно водил коня под уздцы. Роби сказал: ну-ка попробуем с коня стрелять из лука в консервную банку. Ни один из нас не попал, лошадь-то двигалась и невозможно было прицелиться.

Позавчера впервые пил вино. Дело в том, что за обедом тетя Флора была с нами. Дядя Саша пришел в хорошее наст-

роение, и ему захотелось вина. Бабушка Эленэ принесла в кувшине красное вино. Дядя Саша налил себе и поднял тост за тетю Флору, и все говорил, что наконец-то удалось вместе собраться за обедом. Потом посмотрел на меня и пошутил: «Уж не хочешь ли и ты, парень?» Тетя Флора сказала: «Хочет, конечно, он что, не мужчина разве?» Принесла мне стакан с водой и налила туда немного вина. Я сказал, что мол, и я хочу неразбавленное. А тетя Флора мне ответила: «Что ты на него смотришь, он варвар, греки пили только неразбавленное водой». Короче, я здорово попировал. К концу обеда дядя Саша объявил, раз Флора себя хорошо чувствует, на днях прогуляемся на катере в Пицунду и посмотрим, как ставят скульптуру Медеи. Я захлопал в ладоши.

Я много читаю. Перечитал заново древнегреческие мифы и «Айвенго». В школе дела мои идут хорошо. Благодаря этой нашей переписке я так наловчился в письме, что получаю сплошные пятерки. Контрольную всегда могу написать на свободную тему и легко отделаться. И на мандолине уже играть могу две мелодии. Тетя Флора рада. А сейчас до свидания, будь здорова. Поскорей напиши мне письмо.

Твой Нико

17 октября 1970 года.

Мирца!

Как давно я не получал от тебя письма. Не стыдно? Как вы там? Когда ты едешь на экскурсию? Напиши подробно. У меня есть один план. Пока не скажу.

Здесь все так же. Тете Флоре лучше. Врач разрешил даже прогулку на катере. Я очень обрадовался, но бабушка Эленэ сказала: эх, детка, это временное улучшение и еще что-то добавила по-мегрельски. Я спросил, почему она так больна? «А какое может быть здоровье у женщины, которая юность провела в Сибири!» Оказывается, семью тети Флоры в свое время сослали, как и бабушку Анну. Ну и там она заболела.

Короче, вчера мы совершили большое путешествие. Рано утром вышли из дома. Бабушка дала нам в дорогу мчади и сыр. На такси поехали в порт и сели на катер. Тетя Флора очень радовалась. За столько времени она первый раз вышла из дому на прогулку. «Тебя, парень, не укачивает на катере?» — спросил дядя Саша. А я откуда знал, я же первый раз на катере. Погода была прекрасная, море спокойное. Я перевернулся через борт и смотрел на воду. Вскоре показалась и Пи-

цунда, но вдруг мотор смешно забулькал и остановился. Капитан объявил, что в моторе повреждения и понадобится два часа на ремонт. Желающие могут выбраться на берег на лодках. Большинство пассажиров пересело в лодки. Мы попали в одну лодку с семьей русских. Мама, папа и трое детей: две девочки и один мальчик.

Такого я еще не видал: весь берег был посыпан белой мукой. Дядя Саша сказал, что это пемза. Пемза легко крошится от ветра и солнца. Кажется, ходишь по теплому снегу. Мы расположились тут же в тени у леса и вытащили из сумки мчади и сыр. Русские дети сразу ринулись в море. Мне тоже очень захотелось, но тете Флоре нельзя нервничать, и поэтому я даже не заикнулся об этом. Молча смотрел на детей, которые кувыркались в песке и потом, совершенно белые, вбегали в воду и словно оттаивали. Тетя Флора сказала мне: «Иди Нико, искупайся и ты». Я очень обрадовался. Быстро разделся и побежал. Взбежал по покрытому пемзой склону и глянул вниз. Весь склон сверкал белизной; и внизу, у самого берега, и даже под водой тянулась белая полоса. Там, где море переходило из голубого в синее, медленно раскачивались водоросли. Я не думал, что море так прозрачно, дно и водоросли были видны очень хорошо. Я побежал вниз по склону, ноги мои при этом почти до колен погружались в муку из пемзы. Знаешь, что было? Все время мечтал о тебе. Наконец мотор исправили, и мы на лодках добрались до катера. Пицунда очень красивое место. Сзади сосны, впереди море. Статую Медее уже поставили. Тете Флоре понравилось, дяде Саше — нет. Я не понял, понравилось мне или нет. Дети очень хороши, сама Медее какая-то странная, очень большая и страшная. В Пицунде мы оставались недолго, уже портилась погода, поднялся ветер и небо потемнело. Тетя Флора устала. Дядя Саша все время поглядывал на небо и говорил, как бы не пошел дождь.

На обратном пути у меня почему-то испортилось настроение. Вспомнил тебя. Вот что, Мирца, я все понял. Ты не хотела, чтобы меня отправили в Сухуми и сначала решила объяснить маме, почему я прогуливаю школу. Поэтому ты все и рассказала ей. Но получилось хуже. Мама не поверила и поссорилась с тобой. Потом, видимо, папа узнал и уже ни с кем не говорил. Мой отъезд в Сухуми был уже решен. Поэтому ты решила сказать неправду — как будто ты все сочинила. Конечно, ты отличница, тебя к дяде Саше выслать не

могли. Потом они, видимо, стали спрашивать, зачем же ты придумала такую мерзкую историю; если бы они не настаивали, и ты бы не сказала им: «Потому что Кристо мне не нравится», ведь так? Бедный папа, он, наверное, очень расстроился. Все равно в конце концов меня выслали сюда, я не согласился с маминым требованием извиниться перед папой. Они же думали, что ты виновата, и не разговаривали с тобой. Теперь папа с тобой помирился, но, наверное, все равно думает, что ты плохая. Я столько думал об этом, что у меня чуть голова не лопнула. Все из-за меня.

Мирца! Меня очень волнуют две вещи: не понимаю, почему они не верят мне и почему не догадываются, что ты взяла вину на себя, спасая меня? И еще — почему так рассердился папа, когда нашел нас на чердаке?

Я думал об этом, когда хлынул дождь. Дядя Саша укрыв пиджаком тетю Флору. Началось волнение. По морю ходили огромные волны. Катер страшно качало. Меня стошнило. Совершенно вымокшие вернулись домой. Бабушка Эленэ ужаснулась, увидев нас. Тетю Флору срочно уложили в постель. Ночью у нее поднялась температура. Сегодня утром ей было очень плохо. Пришел врач, осмотрел ее, потом он и дядя Саша долго говорили о чем-то по-мегрельски. Не знаю, как дальше пойдет дело. Ну, до свиданья, обязательно скорей напиши мне и думай и ты о том, что я тебе сказал.

Твой Нико

24 октября 1970 года.

Мирца!

Наконец-то дождался твоего письма. Очень скучаю. Почему отложили экскурсию на 29-ое? Очень жаль. Я уже собрал деньги на билет и приготовился тебя встретить. Две недели не ел чебуреков, все собирал и собирал двадцатикопеечные. Знаешь, что плохо: дядя Саша как раз 29-го едет в командировку в Очамчире. Должен проверить тамошний комиссариат. Я не хотел удирать в его отсутствие, чтобы он не подумал, что я этим воспользовался, но что делать, все равно придется. К черту все. Очень соскучился. Знаешь, что мне приснилось ночью? Что я проснулся во дворце Аэта. Это была огромная пустая комната с большим окном. Через темное стекло в окне было видно море. Я еще никогда не видел такого страшного моря — оно было коричневое и в то же время отвратительно блестящее. А морская пена была не белой, а скорее коричневатой, но значительно светлее, чем вода. И небо

было мутно-коричневое. И все это блестело, как поверхность металла. Я не видел ничего более страшного. На полу стоял таз с водой и в нем плавал цветок магнолии. Я встал на стели, почувствовал, что у меня кружится голова и не хватает воздуха. Объятый страхом, я направился к окну. Из всех углов мне грозила опасность. И в это время ты прошла мимо окна. И на твоём лице был невыносимый мертвый свет. Я бросился к окну, чтобы открыть, но никак не смог открыть его. Я уже задыхался и обливался потом. «Мирца! Мирца!» — кричал я изо всех сил, но тебя уже не было видно. Как расплавленный коричневый металл сверкало страшное море. Потом кто-то растормошил меня, и я проснулся. Надо мной стояла бабушка Эленэ. Оказалось, что я кричал во сне. «Что случилось, сынок, что с тобой? Как можно закрывать голову подушкой», — говорила она.

В Сухуми плохая погода. Каждый день с гор дует холодный ветер и гонит тучи. Бесконечно льет дождь. Я почти все время сижу дома и готовлю уроки или читаю. Роби теперь я вижу только в школе. Однажды я начал рассказывать ему о тебе, что у меня есть старшая сестра, такая, мол, и такая. Заметил, что это его не интересует. Тете Флоре плохо, она все время лежит и пьет тысячу разных лекарств. И на мандолине мы больше не играем. Дядя Саша вообще перестал говорить. Иногда я думаю, очень хорошо, что все это случилось. Если бы не это, мы с тобой так не подружились бы. Мирца, может, перед отъездом ты дашь мне телеграмму, где вы будете в Кутаиси, чтобы я знал точно: на турбазе или в гостинице. Только сюда не посылай, пошли на главпочтамт, до востребования.

Поцелуй от меня тетю Лиду. Очень ее люблю. Что было бы с нами, если бы не она. Ну, до встречи в Кутаиси. Целую.

Твой Нико

3 ноября 1970 года.

Мирца!

Этим утром я получил твоё письмо. А дядя Саша — от Крестэфоре. Что тебя напугало? Если начнут спрашивать, скажи, что ты ничего не знала, просто написала мне, что собираешься на экскурсию, а я взял и приехал. Интересно, что сказала Диане мама твоей приятельницы Люлю? Действительно, я помню, она все подсматривала за нами. А так хорошо было, правда? Что бы ни случилось, этот один день в Сатаплиа

стоил будущих неприятностей. Знаешь, я уже не боюсь неприятностей. Мне кажется, я привык.

Когда после нашей встречи я возвращался в Сухокум, я думал, что на меня очень рассердится. Никто ничего не сказал. Лишь бабушка Эленэ покачала головой. Только после обеда дядя Саша заговорил: «Уезжая в командировку, я думал, что оставляю в доме мужчину, если будет в чем нужда, он там. А ты бросил женщин и, ничего не сказав, удрал в Кутаиси». Я бы предпочел, чтобы он кричал и наказал меня, когда он говорил так спокойно, я был сам себе противен. Хотелось провалиться сквозь землю. Потом ночью, перед сном, бабушка Эленэ спросила у меня: «Что, мальчик, очень любишь свою сестру?». Да, сказал я. «Это хорошо, что ты любишь свою сестру, но, детка, слишком не годится ничего».

Мирца! Объясни, чего от меня хотят. Все смотрят на меня подозрительно. Бесконечно сплетничают о нас. Когда дядя Саша прочел папино письмо, он как-то странно на меня посмотрел. Я думал, он что-нибудь скажет, но он не проронил ни звука. Мне не хотелось оставаться в доме, но на улице такой ветер и дождь, куда я мог уйти?

Здесь все время плохая погода. «Фрукты у нас остаются не собранными». — говорит бабушка Эленэ. В саду перезревшие апельсины падают с деревьев, но дядя Саша и не думает их собирать. Он в ужасном настроении. Тетя Флора вообще не встает с постели. Вчера вечером она позвала меня, усадила на кровать, поцеловала и спросила: «На мандолине играть не разучился?» «Не разучился», — ответил я. Глаза ее наполнились слезами, и она сказала: «Ты ведь будешь приезжать к дяде Саше? Кроме тебя, у него уже никого нет». Я немного удивился, но пообещал, слезы у нее текли уже безостановочно. Я чуть сам не заплакал. Ей с каждым днем все хуже. Если с ней что-нибудь случится, я сойду с ума. Я чувствую себя виноватым.

Мирца, будь здорова, пиши мне почаще. Мои письма не храни. Могут найти и еще что-нибудь сказать. Целую.

Твой Нико

31 / XII

Кристо!

Значит, ты считаешь, что все нормально и естественно? Значит, Мирца действительно серьезно влюблена и ее не обманывают чувства? Значит, тот человек принес ей счастье? Тот облысевший и разведенный с женой комедиант? Нет, ни-

когда не соглашусь с тобой! И, пожалуйста, не надо видеть что-то возвышенное в наглом поступке глупой девчонки с ее стороны это просто бессовестно.

Приходи сегодня вовремя, я кое-что придумала.

Диана

Диана!

К сожалению, в этом мире так заведено, что все возвышенное иначе и не мыслится, как в мантии и со шлейфом. Благородство поступков становится зримым только в чадутой, высокопарной форме. Люди никак не возьмут в толк, что великое и возвышенное является лишь самым чистым и самым истинным проявлением естественного, и именно поэтому не выставляется напоказ, как цирковая афиша. Судить об истине нельзя исходя только из того впечатления, которое она производит на нас. Впечатление всегда ошибочно, или же относительно. Короче — по отношению к Нико ты была права, а по отношению к Мирце — нет.

Кристефоре

(Полдень)

Диана, Кристо!

Разве сейчас время разводить философию — девочка выходит замуж. Разве мы не обязаны купить ей хоть бы простенькое платьице! Что скажут люди? А вы набрали воды в рот и молчите. Скоро плавать будете, как рыбы. Разве это дело? Давайте вечером соберемся и все хорошенько обсудим.

Анна

Тетя Лида!

Милая, опять ты должна меня выручать. Разыщи Нико и передай ему этот голубой конверт, очень тебя прошу. И только ему, в руки.

Завтра в пять, как договорились.

Мирца

ПИСЬМА ИЗ ГОЛУБОГО КОНВЕРТА

Мирца!

Сам не знаю, чего хочу. Ты счастлива и этого мне достаточно. Это главное, а все остальное утрясется. Не думай обо мне. Честно говоря, у меня все нормально. Диана и Кристо присмотрят за мной. И с Луизой покончено... Сейчас у меня будет больше времени для подготовки к экзаменам. Сдам,

поступлю и буду жить себе спокойно, обыкновенно, как все, как все. Потом буду работать. А потом мы состаримся и умрем, и нас съедят черви.

Вчера был на нашем чердаке. Сидел и вспоминал тот детский побег. Внезапно у меня мелькнула мысль встать и порыться в нашем чайнике, авось найду твое письмо. Конечно, это было глупо, сколько лет ты даже попросту не заглядывала сюда. Да и с чего тебе взбрело бы в голову лезть в такую пыль и грязь. Но подлая мысль меня не оставляла, она пилила и зудела до тех пор, пока я не раздвинул ящики и не сунул руку в тот старый чайник. Мирца! Представь мое смятение, когда пальцы коснулись бумаги! Но вместо твоей записки я увидел собственное письмо. Оно было пыльным и поблекшим от времени. Не мудрено, я положил его туда четыре года тому назад, будучи пьяным, а потом начисто забыл о нем. Сам не знаю, почему я так поступил — ведь тогда мы уже давно не пользовались нашим старым, добрым чайником... И тогда, на том диком чердаке я решил послать тебе это письмо, которое в течение четырех лет ждало своего адресата. Надеюсь, что оно позабавит тебя. Вот это письмо (вернее, пьяный бред).

Нико

Р. С. Прости, я совсем забыл, поздравляю со свадьбой, целую крепко, крепко.

Мирца... Мирца?! Мирца:

нет, я не хотел, я не хотел. Зачем мне было делать тебе больно... зачем мне твоя боль, тем более — что может изменить боль? Помнишь ежевику, плоды, плоды? Как нещадно палило и я уже второй раз провалился и не попал, зачем? Для кино... чтобы кино... чтобы снимать: да черт с ним, ежевика... ежедневно ежевика ... плоды, плоды. Это первый был день, это впервые без головной боли... и в этот, как раз в этот же день умерла Флора шесть лет тому назад. Нет, не шесть, нет, вру, тогда был не август. Осень, холодно, потом я ем ежевику прямо с твоей ладони, прямо, плоды, плоды с почерневшей лиловой от сока ладони. Как это было противно, если бы ты знала! Я глотал еле-еле, неразжеванные. Наконец твой крик... пронзительно: «Чего ты от меня хочешь!» А я: «Чтоб ты умерла. Умерла. Я так ненавижу тебя, что не могу смотреть на твое лицо и так люблю, что хочу твоей смерти... смерти! Ты поняла, ты ничего не поняла, ведь не поняла. Я не хочу ничего от тебя, ежевики плоды, плоды.

Но как ты можешь в такую жару, как тебя не беспокоит, как тебе не противно...

Я несу чепуху, чепуху, ведь правда? Но эта чепуха святая правда. Это от вина и не от вина... неразбавленного грамиками вина... Вина.

Я пишу сейчас и представляю, как ты, потная и усталая, крадешься на цыпочках в свою комнату — чтоб не услышали, чтоб не прознали. Увидишь этот лист, прочтешь и испугаешься (а что, если и они прочли, И ОНИ ПРОЧЛИ!) и услышишь стук сердца в висках.

Помнишь — вбегаешь в реку с криком, а на том берегу — поезд дигин-дигин дигин-дигин. А ты: чего тебе надо, чего! Убей меня, если хочешь, а мне стыдно, потому что меня душат слезы. Зачем ты делаешь это, это, ЭТО, хочешь свободы? Но вот, ты свободна, и чего же достигла этой свободой? Того, что стоишь по колено в воде и реवेशь?

А ты, не плачь, прикажи слезам течь обратно. Разве есть на всей земле хотя бы один человек, который смог бы объяснить, почему он делает так, а не этак. Не плачь, потому что после будешь вспоминать, что я видела твои слезы, и ты возненавидишь меня. Вы, мужчины, ненавидите тех, кто видел ваши слезы.

У меня нет больше слез, теперь я хочу ударить тебя ногой в живот.

— Ударь, если это нам поможет.

Вот ежевика, плоды, плоды. Вот и эти ежевичные пятна добавим на твоем платье и эти, и эти, и эти, еще, еще, еще! Как страшно холодит речная вода.

— Есть ли Бог, Нико, Нико?..

Вот и эти плоды раздавлю о твое платье. Ведь можно. Ведь можно с тобой. Ведь все можно. Что, вспомнила о Небе, уставшая и потная? Бога нет, и даже если бы он был, я бы плюнул ему в лицо, ты слышала, ты слышишь? что может изменить боль во всей этой чепухе, чепухе, в этой уборной, в этом грязном борделе, в этом дворце, где некогда царствовали Аэты, сыны солнца... думали, что царствуют, а на самом деле царствовали постели, и кровать с грязным бельем. Кто же нас проклял так страшно и навсегда, кто, кто, КТО!

Выйди. Выйди из воды, не лежи в этой реке, она не так быстра, чтобы тебя унести, не так глубока, чтоб тебя утопить, и не так прозрачна, чтобы отмыть грязь, приставшую к тебе. Выйди, это кровавая река. Она не очистит, не вымоет

твое тело. Выходишь из воды и дрожишь, дрожишь, насквозь промокло твоё платье, запачканное соком ежевики... над которым с писком кружатся комары. Я хочу, чтобы ты сняла и выжала его, чтоб не простудиться. Вот видишь, у меня два языка — один, чтобы разговаривать с ними, а другой — с тобой, с тобой и о тебе...

Нико спятил, Нико напился и пишет безумные вещи. Но ты все же не порвешь этот лист, а спрячешь его вместе с остальными, предварительно аккуратно сложив, и все эти письма ты перевяжешь целомудренной розовой ленточкой, чтобы не увидели, чтоб не узнали, чтоб не оплевали. А я... ну меня к черту, пускай я узнаю, пускай я оплую — ну и что? Я ведь тот зловонный ящик, куда бросают накопившийся сор...

Нико!

Как ты мог выдумать такое?! И эту глупость ты хранил четыре года! Зачем ты вообще послал мне это письмо? Нико, ты садист. Чего тебе надо? Хочешь свести меня с ума?

Я сделала все, что могла. Думала, наконец-то все страшное позади, что я вырвалась из нашего затхлого прошлого на свежий воздух, и вдруг — все сначала.

Как же ты мог поверить Диане и Кристо? Ты ведь сам отлично знаешь, что ничего не было? Никакая грязь нас не коснулась. Мы ни в чем не виноваты! В зарослях ежевики, на берегу реки мы просто ели спелую ежевику, и ты спросил: «Почему они боялись нашей близости?» Я ответила: «Не нашей близости они боялись, сами отлично знали, что ничего порочного в этом не было, но ведь надо же было как-то объяснить причину твоей высылки в Сухуми?» Я хотела еще что-то сказать, но тут прогремел поезд, и пока стих этот грохот, ты уже успел прыгнуть в воду. Я все же надеялась, что сумею объяснить тебе все до конца, а ты... Мой бедный, глупый Ник! Зачем ты обрек себя на такую пытку? Теперь я понимаю, почему все изменилось с того дня. Но тогда я не догадывалась о причине твоей замкнутости и желания скрыться от всех, а в особенности от меня. Ты вдруг перестал делиться со мной своими секретами и прятал глаза, как преступник. Я только теперь понимаю, откуда идет традиция этой страшной и бесконечной переписки в нашей семье — это твоё изобретение, не правда ли? Это ты начал писать записки, а наша семья, наша великолепная грузинская семья сразу же последовала твоему примеру. Мы как утопающие ухватились

за твою идею. Так бывает всегда, когда люди боятся глядеть в глаза друг другу.

Ник! Ты сходишь с ума. Я возвращаю обратно ~~твое письмо~~ твоё письмо. Прочти его на свежую голову, а потом порви... Хватит глупостей, успокойся и приходи к нам. Ты понял? Обязательно приходи. Мы с Евгением ждем тебя. Вот увидишь — ты сам будешь смеяться над этой чепухой. Ну разве не смешно испытывать муки совести из-за несовершенного преступления? Целую в глупую башку.

Мирца

1/1

(Утро)

Диана!

В общем решайте, что нам делать. По-моему, все же надо устроить что-то вроде небольшого стола, как-никак мы ведь обязаны исполнять свой долг. Поговори с мамой и позвони мне в редакцию. Если понадобится машина для покупок или для рынка, я могу прислать. В ящике моего письменного стола немного денег, можете взять. Кольцо я сам куплю.

А вообще-то было бы неплохо хотя бы по телефону услышать ее голос.

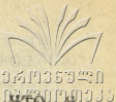
Кристэфоре

Диана. Кристэфоре!

Я прямо уже не знаю, как добиться разговора с вами. Когда вижу очередную записку на столе, мне становится дурно. Как вам не стыдно, как вы могли уйти из дому, так и не сказав мне ни одного слова и, главное, в такой день. Вот так вы собираетесь выдавать свою дочь замуж? Это же позор — что она, беспризорница, что ли? Я тоже работала всю свою жизнь, но идти на службу в день свадьбы дочери. 1-го января — это просто сумасшествие, побойтесь Бога.

Только что звонила Лида, ровно в пять нужно быть в ЗАГСе. Мы с Лидой обязательно там будем, хотя бы цветы подарим девочке... и еще, у меня старая фамильная сахарница из серебра. Приходите и вы, я уверена, Мирца будет рада, хотя и не приглашала вас. Что поделаешь, ситуация была такая. В конце концов и вы не во всем правы.

Анна

Почему ты не подождала меня, ты ведь знала, что я скоро вернусь. Утром мне было не до разговоров. Вчера ночью Нико не пришел домой. Я не смыкала глаз. А еще эти письма... они доконали меня. Мама, по-твоему, мне легко было все это перенести? Я ведь тоже не каменная. Ты думаешь, я не знала тогда, что Нико говорит правду? Но что мне было делать? Меня обуял страх! Если бы мы не отправили его в Сухуми, тогда бы все разрушилось. А из-за чего? В конце концов ничего особенного и не было. Ты ведь знаешь мужчин, они с ума сходят именно в том возрасте, и Кристо тоже не исключение. Но как мне было объяснить все это Нико. Безобразным скандалам и разрушению семьи я предпочла отъезд мальчика в Сухуми. И наша семья выстояла.

Но, мама, я понимала, что Нико никогда не простит нам этого. Знаешь, когда я поняла это? Когда приехала на похороны Флоры и увидела лицо мальчика. Он стоял рядом с Сашей, как настоящий мужчина. Оба были одинаково бледны. При виде меня у него задрожал подбородок, и он выбежал на балкон. Я вышла вслед за ним и увидела, что он плачет, прислонившись лбом к деревянной стойке. И тогда, лаская и утешая его, я подумала: а будет ли он плакать на моих похоронах? Потом, на обратном пути, в поезде я не смогла заснуть. Нико и Кристо спали. А я вспомнила мысль, промелькнувшую в голове, тогда, на балконе, и вдруг мне стало противно и стыдно за себя. Даже тогда я думала в первую очередь о себе. С той ночи начала меня преследовать эта страшная бессонница.

Мама, почему получилось все так ужасно? Что за проклятие надо мной, что я всю жизнь стараюсь делать добро, но получается зло? Я думала, что мои дети будут не такими. А они выросли издерганными и безжалостными. Я не умею разговаривать с ними, я их боюсь. Мама, неужели это тоже моя вина? Это я их уродовала или они родились такими? Не знаю... я уже ничего не знаю. Я не скажу больше ни слова. Буду только молчать и делать то, что вы мне скажете. Вот пришел шофер Кристо и принес ящик шампанского, за всякий случай. Скажите, что мне делать? Я пойду на базар, и готовить тоже буду я сама, только мне надо знать — нужно ли это кому-нибудь... Только найдите мне Нико; я обзвонила всех его друзей и нигде не могла найти его. Спросите у

Мирцы, она наверняка знает, он с детства доверял ей свои секреты, а от меня всегда все скрывал.

941935320
81270000000
Диана

(Ночь)

Диана, Кристо!

Уже три часа, а вас нет. Куда вы пропали? Как вам не стыдно. Бедная девочка звонила вам беспрерывно. Нико тоже бессовестный. Кому только ни звонила Мирца, наконец нашла его где-то. Он был пьян. Пообещал непременно прийти и не пришел. Что с вами? Неужели хоть в такой день не можете все вместе собраться?

Евгений мне очень понравился, видный мужчина, правда, с небольшой лысиной. Ни за что не отпустил нас с Лидой. Привезли нас к нему домой. Квартира типовая, двухкомнатная, с большой лоджией. Стол был великолепный. Оказывается, все это сделали жены его друзей. Знала бы ты, какие у него образованные друзья.

Выпили за ваше здоровье, а меня и Лиду вознесли прямо до небес. Было очень неловко за вас, как вы могли не прийти?

Ну что ж, поздравляю с Новым годом и замужеством дочери.

Анна

2/1

(Утро)

Анна!

Это что за Божье наказание, что за черный Новый год для нас!!! Я ничего не знала, только этим утром мне сообщили. Я думала, меня хватит удар. Не посмела идти прямо в больницу и приехала к вам домой. Диана открыла дверь. Боже, что я увидела! Бедная девочка, на ней лица не было. Увидев меня, она вдруг страшно закричала и заплакала! Я говорю ей: успокойся, детка, не кричи, главное, что он жив. Нет, тетя Лида, сказала она, ты, верно, что-то знаешь и не говоришь мне, ты ведь из больницы. Еле ее убедила, что ничего не знаю и сама пришла узнать подробности.

Анна! Присмотри за Дианой. В таком состоянии нельзя ее одну оставлять. Да и ты тоже не ходи двадцать раз на день в больницу, тебе тоже надо поберечь себя. Вы с Дианой будьте дома, а Кристо и Мирца присмотрят за ним. Дай Бог здо-

ровья Евгению — Диана сказала, что он поставил на ноги всю реанимацию, достал все, что было нужно и утром привез ее домой.

Анна! Скажи, ведь есть надежда? Сообщи, как только вернешься, а то я сойду с ума.

Лида

3/1
(Полдень)
Диана!

Любимая, прошу тебя, успокойся. Не надо так убиваться. Это не твоя вина, а простая случайность, тебе же объясняли. Он всегда, оказывается, так глупо шутит, как только выпьет лишнего, сразу на перила. Что поделаешь? Главное, что нет перелома позвоночника. А ну-ка, выше голову, я думал, что ты у меня сильная.

Кристэфоре

8/1
Диана!

Дорогая, нельзя так, мальчику нужен уход, а ты не выходишь из своей комнаты, не ешь. Благодарю Бога, что повреждены только зрение и слух.

Что делать? Не случись этого, было бы хорошо, но ведь могло быть и хуже. Все же он будет жить, ходить, думать и разговаривать. И на том спасибо. К тому же тот молодой врач, оказывается, сказал Евгению, что со временем и слух частично восстановится.

Что делать, детка, не убивать же себя? Успокойся, соберись с силами и помоги Мирце, зачахла девочка от этих бессонных ночей. Ей тоже, бедной, не сладкий выпал медовый месяц. Я и Лида видали на своем веку и не такое горе, но, как видишь, все-таки живем. Пойду-ка я сейчас в церковь, свечки поставлю.

Мама

Переписано 27—29 января

Перевод автора

Из переписки фронтовых друзей

РАССКАЗ

Я всего лишь рассказчик и в ход событий не вмешиваюсь. Для начала — письмо:

«Уважаемый, дорогой Иван Фомич! Милый мой Ваня! Узнав, что ты меня разыскиваешь, я был бесконечно рад. После стольких лет, после всего пройденного и пережитого вновь окунуться в вихрь тех огненных лет.

Воистину, забыть перекрестки фронтовых дорог невозможно. Вот пишу я тебе письмо, а на глазах у меня слезы радости.

Спросишь, что делал, чем занимался, как жил все эти годы. По правде говоря, я уже не надеялся, что хоть кто-то из наших ребят остался жив. Думал, навсегда остались мои фронтовые друзья на многострадальной белорусской земле. Часто вспоминаю те тяжелые дни... Сколько лет прожито, а кажется, что все было еще вчера. Отвоевались все-таки...

У меня все по старинке, живу одиноко. Моя жена, Елена, с которой я прожил почти 35 лет, скончалась в позапрошлом году. Дочь замужем и живет в Краснодаре. Больше никого у меня не осталось. Вот так и живу, получаю пенсию и вспоминаю минувшее. Да и здоровье особенно не балует, старые раны часто дают знать о себе.

А как ты? Чем занят? Где работаешь? Есть ли семья?

Прости за краткость письма, очень уж волнуюсь. Человеку в моем возрасте трудно пережить такую неожиданную радость.

Жду ответа.

Мой адрес: г. Тбилиси, 380015, ул. Иосебидзе, 44, кв. 20.

Обнимаю и крепко целую, твой Шалва.

1 июля 1984 г.»

* * *

А сейчас я познакомлю вас с главными действующими лицами:

Шалва Тогонидзе — род. в 1915 г. в Амбролаурском районе ГССР, грузин, член партии с 1941 г., образование среднее, строитель. В 1941-44 гг. сражался на 3-м Белорусском фронте, в 1944 г. был тяжело ранен и демобилизован. Имеет правительственные награды. Скончался в январе 1984 года в Тбилиси.

Иван Климов — род. в 1914 г. в Воронеже, русский, член партии с 1941 г. Образование среднее-техническое, слесарь высшего разряда. В 1941-44 гг. сражался на 3-м Белорусском фронте. Имеет правительственные награды. В настоящее время на пенсии, проживает в Перми.

Еще один главный герой: Важа — молодой человек.

* * *

История эта началась июльским воскресным утром. В телепередаче для воинов Советской Армии под рубрикой «Отзовитесь, ветераны!» была передана просьба Ивана Фомича Климова, ветерана войны из Перми. Вот отрывок из его письма:

«Шалву Тогонидзе не видел почти 40 лет. Мы расстались летом 44-го в Белоруссии. При форсировании одной из рек он был ранен. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Наши пути разошлись, и сейчас прошу помочь мне отыскать фронтового друга...» Иван Климов уже несколько лет прикован болезнью к постели и писал, что радость встречи с однополчанином могла бы скрасить его жизнь.

* * *

После того дня Важу долго мучала совесть. Зачем он написал это проклятое письмо, кому нужна такая ложь? Добрый самаритянин, дед Мороз! Старика пожалел!

Посмотрел передачу и что-то екнуло в груди, встревожилось и сжалось от боли сердце. Шалву похоронили еще в январе. Пасмурным, слякотным днем еле подняли гроб на подъем. Хоронили соседи. Дочь смогла приехать лишь на следующий день. Эх, Иван Фомич, где ж ты был прошлым летом, когда был жив еще твой фронтовой приятель...

Важа жил рядом с Шалвой Тогонидзе, на одной лестничной площадке. Старик всегда охотно и вежливо здоровался, расспрашивал о жите-бытье. Часто, сидя во дворе у тополя на своей деревянной табуретке, рассказывал мальчишкам про кровопролитные бои, в которых участвовал, давал наставления. Весной, когда светило набирало силу, старик выхо-

дил во двор, опираясь на трость, садился на излюбленном месте и часами грел кости, наблюдая за игрой детей, обсуждал с соседями последние новости.

Важа все еще стыдился своего поступка. Дон Кихот, сентиментальный обманщик. А если кто-то сообщил Климову о смерти Шалвы Тогонидзе... Исключается. Дочь в Краснодаре, — не видела передачи. Близких и знакомых у покойного нет, соседи не напишут, кому такое в голову придет? И сослуживцы, теперь уже бывшие, не станут беспокоиться... Слово бес в душу вселился, угораздило написать... Теперь сиди на иголках и жди ответа от Климова.

Долго не мог заснуть — мешал стыд. Скажем, взял да приехал Климов, решил повидать однополчанина... Что тогда? По спине побежали мурашки. Позор, срам. И адрес свой сообщил, да и номер квартиры его. Важи. А вдруг захочет Климов приехать в гости к своему фронтовому другу. Открывается дверь, а там стоит при орденах и медалях, улыбаясь, с тростью в руке Климов, — «Здрасте, я к Шалве Тогонидзе!» Нет, нет, если Климов тяжело болен, то в такую даль поехать не сможет.

Важу преследовали ночные видения. В них Климов был поразительно, как две капли воды, похож на Тогонидзе. И тот и другой были одеты в старые, потертые гимнастерки, в галифе, на головах — каски и оба держали в руках ППШ. Важа хотел скрыться от них, но какая-то неведомая сила удерживала его.

А потом... Ну а потом почтальон принес письмо. Авиа. Разумеется, из Перми, и конечно же от Климова. «Хотя оно для Тогонидзе, но номер квартиры ваш, и я подумал все же показать...» Важа с еле скрываемым волнением выхватил конверт и обещал передать письмо родственникам Тогонидзе.

Климов на восьми страницах, вырванных из школьной тетради, мелким, чуть наклоненным вправо почерком, описал всю свою послевоенную жизнь. Письмо начиналось так:

«Дорогой Шалва!

Верный мой друг!

Я уже потерял всякую надежду найти тебя, когда...»

Дальше Климов с волнением вспоминал прошлое. Ветеран из Перми в письме рассказывал о своей послевоенной жизни. Он трудился на восстановлении заводов в Запорожье.

где женился на простой, доброй русской женщине — Евдокии. Многие годы жил и работал в Ленинграде, Туле, а в конце 60-х обосновался в Перми. Последние три года был постоянно болен и практически не вставал с постели. Шалва был единственным из оставшихся в живых боевых соратников Климова.

* * *

Для Важи наступили трудные дни.

Ну, скажем, напишет он Климову, попросит прощенья, постарается объяснить, что лишь жалость побудила его написать письмо, что хотел радость старику доставить, что розыгрыша никакого не было. Поймет ли все это тяжело больной человек?

Мысленно возвращаясь к своему первому письму, Важа решил написать Климову правду. В тот же день написал короткое письмо, точнее просьбу о прощении. Просил Ивана Фомича не гневаться за опрометчивый поступок, попытался объяснить, что так необдуманно поступил лишь из жалости, но теперь понял свою ошибку.

Письмо вложил в конверт и спрятал в нагрудный карман.

* * *

Письмо Важа не отправил ни в тот день, ни на следующий день. Сначала помешали какие-то дела, ну, а потом вновь замучила совесть. Старик, наверное, с нетерпением ждет письмо из далекого южного города. Приносит свежую почту (в дом) Евдокия Васильевна, с трудом поднимается со скрипучей кровати Иван Фомич, надевает стоптанные тапки, подходит к столу, перебирает почту, ищет письмо. Потом с недовольным лицом выходит на кухню, достает из настенного шкафчика пузырек с коричневой жидкостью, капают в граненый стакан лекарство, доливают водой из крана и залпом, морщась, выпивают его. Все еще хмурясь, на пальцах начинает считать дни. Пять — туда, пять — обратно, там дня два-три на непредвиденные обстоятельства, итого — тринадцать, плюс неповоротливость почты — дня два, получится пятнадцать. Прошло только двенадцать дней. Ну, подожду еще немного.

Важа достал из кармана письмо и изорвал его в клочья.

* * *

Важа написал Климову второе письмо. В отличие от первого оно казалось более продуманным и конкретным.

Он постарался вложить в письмо все чувства, перепол-

нявшие его. Представил себя на месте ветерана. Война... Война, которая оставила неизгладимый след на всю жизнь. Военная часть у белорусского полесья, костер, пот, кровь, слезы раненых, теплая, невкусная вода из металлической фляжки, табак в газетной бумаге, винтовка, с которой почти не расстаешься, пар с болота, смешанный с запахом пороха, далекий гул артобстрела и тоска, непреодолимая тоска по дому.

Важа, неожиданно для себя, затронул в глубине своей души доселе незнакомые струны. Жалость уступила место глубокому уважению и еще чему-то новому.

Важа понял, что у этих седых усталых стариков тоже когда-то была юность. Свои лучшие годы отдали они светлomu делу защиты Отчизны. Слово «ветеран» приобрело для него новое, особое значение.

* * *

Протянулась нить переписки между двумя городами. Старик сразу по получении письма писал ответ. Важа тоже не запаздывал с письмом. Так потекли дни, недели.

Перед Важей открылся новый, ранее почти незнакомый ему мир. Парень стал размышлять о том, о чем раньше даже не задумывался.

Он узнал, что Грузия в последней, самой кровопролитной войне в процентном отношении потеряла больше своих сыновей, чем многие другие большие народы.

Каждое письмо к Климову давалось с трудом. Трудно, очень трудно писать о том, что не пережил сам и о чем знаешь лишь понаслышке.

Так шли месяцы.

* * *

В Тбилиси пришла зима. С гор подул холодный ветер, потом посыпал снег. Слякоть, грязь... Поредели толпы туристов. Воздух наполнился ароматом предновогодней суеты.

От Климова больше месяца не было известий. Важа забеспокоился. Он полюбил этого человека, такого далекого, но ставшего неожиданно таким близким и дорогим. Волновался, письмо запаздывало. В конце концов можно поехать в Пермь, найти дом № 49 по улице Строителей. Дверь непременно откроет Евдокия Васильевна, из глубины комнаты мужской голос спросит «Баб, кто пришел?» — поздоровается, представится, все объяснит. Иван Фомич все услышит, опираясь на трость,

выйдет в прихожую, лицо у него покраснеет, схватится за грудь и...

Нет, нет! Не надо.

После долгого ожидания Важа получил письмо из Перми. Старик поздравлял с Новым годом и, как всегда, с нетерпением ждал ответа.

Важа успокоился, обрадовался. На Новый год послал Ивану Фомичу маленькую посылку: сушеную хурму, чурчелы, сладости, тщательно упакованную бутылку домашней красной «Изабеллы»...

Потом очень скоро все закончилось.

Стоял строптивый март.

Важа получил письмо.

«Дорогой Важа!

Я знаю, Вас удивит мое письмо, но не могла не написать Вам. Это было одним из последних желаний Ивана, и я считаю это его завещанием. Вы поняли, нет более среди нас Ивана Фомича, моего верного супруга, доброго отца, деда, а для Вас... Я не знаю, кем он был для Вас.

Он очень Вас полюбил и ценил. Не удивляйтесь, мы знали, кто Вы на самом деле. Прошлой осенью с телевидения нам сообщили, что Шалва Тогонидзе скончался полтора года назад. Сообщили нам и его домашний адрес. После этого нам ничего не стоило установить Вашу личность. Очень уж тогда волновался Иван Фомич. Сначала хотел написать Вам на работу, потом, пересмотрев Ваши письма, успокоился и продолжил эту игру.

За искренность, доброту, сердечность полюбил он юношу из Тбилиси.

Я хочу поблагодарить Вас за поддержку, за душевность, которую Вы проявили по отношению к моему покойному мужу. Вы смогли скрасить ему последние годы. Он в мыслях часто был с вами, радовался и переживал за Вас. Хотел писать так, чтоб Вам было интересно.

Вот таким человеком был мой Ваня. Да и Вы его хорошо узнали за эти годы. Простите старую женщину за откровенность.

Будьте счастливы, дорогой Важа, да хранит Вас Бог!

Оставайтесь таким добрым, какой Вы есть.

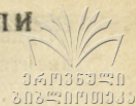
Евдокия Васильевна Климова-Бычковская

8.III.85 г.

Если судьба забросит Вас в наши края, прошу считать нас друзьями. Двери дома Климовых для Вас всегда открыты.

В тот день могилу бойца Шалвы Тогонидзе украсил букет алых гвоздик.

Перевод автора

МЫ И ДЕРЕВЬЯ

Возможно, мы схожи друг с другом —
 живыми корнями,
 кряжистыми телами,
 немymi ветвями,
 которые кто-то ломал,
 срезал,
 разорял...

Возможно, мы схожи друг с другом —
 весенними почками,
 листьями, строчками,
 следами нашими,
 мечтами нашими...

Возможно, мы рядом будем стоять —
 и все же останемся
 одиноки,
 с собою наедине...

ТРАВИНКА

Пускай вы всю землю
 бетоном зальете,
 покроете грязью
 вражды и измены, —
 я буду на небо глядеть,
 пробиваясь
 сквозь эти тюремные
 мертвые стены!

Перевод Наталии ГЕНИНОЙ

Ираклий ЧАРҚВИАНИ

* * *

Что рассказать тебе?
 Прошлое — велосипед
 Со спущенной шиной.
 Мы поедem
 Сквозь пустые комнаты,
 Где растут миллионы стаканов
 Недопитого красного чая.

Через сто световых чайников
Мы окажемся в маленькой кухне
Вдали от сегодняшних
Наших гостей.
Как только в чайниках
Кончится свет,
Я расскажу тебе все.

ЗЕЛЕНый ЦВЕТ

В небе разлита медовая
Пасха.
Крыша течет бирюзовой волной
В сад, где цветут бледно-синие розы.
Жизнь, как чужое письмо, открываю,
Дрожа, в абрикосовом цвете ночном читаю
Всевышнего сон: знаки знакомы,
Но мне не понятно ни слова,
Лишь запахи Пасхи,
Да несколько звезд
В акварельной реке.

ОКНА

Окна с цветами и без
Музыки звуки оттуда где спят
Кашляет кто-то
Там где давно
Не живут
Курят и крутят
Во тьме рок-н-ролл
В окнах других
Свет зажигают
И гасят окурок
На подоконник рассыпав
Светлые волосы
Машут рукой
И скрываются вдруг в глубине
Лишь распахнется одно
Другое закроют
И шторы опустят навек
Может ли быть

Чтобы настежь
Открылись вдруг
Все?

* * *

Ночь, ты не пишешь стихов.
Ты лишь касаешься листьев
Шепотом ливня,
Пьешь тишину из шатров
Перепуганных тьмою деревьев,
Купаешься в замерзших лужах..

Научи исчезать
Так загадочно,
Как ты умеешь
Под утро...

* * *

В день моего рождения
Все улетели в космос
Да и зачем
Я
Там, где есть
Мы?
И меня оставили там,
Где нас уже нет...
Довольно пустынное место:
Здесь даже трава не растет,
Только автобус
Стоит без колес,
Да иногда собираются души
Пионеров тринадцатого отряда.
Тихо поют они песню
Про этот автобус,
Который привез их сюда,
И столько в их песне
Правильных слов,
Что я умираю
От скуки.

Перевод Аркадия ТЮРИНА

* * *

Во времени, как честный скульптор, лепит
страданье наши сумрачные лица,
и если на Земле от слез ослепнут,
то в Вечности глазам дано открыться.

Когда, запутываясь в паутине зла,
упорствуя, мы шли вперед — по кругу,
пришла пора признаться и признать,
кто протянул тогда во тьме нам руку.

Страданье, наша любящая мать,
как поздно поняли вину мы пред тобою,
прости, что прочь хотели мы бежать,
когда ты нас к себе звала, к покою.

ВЕРШИНА ОДИНОЧЕСТВА

С вершиной одиночества, тоскою
утоптанной, весной прощался снег.
И чист он был тогда перед собою,
судьбой назначенный, свершая свой побег.
Со скалами, как с замком каджей встарь,
вступив в единоборство, черпал силы
и к морю нес себя — как на алтарь,
спешил, подобно паладину,
он в жертву принести себя и вместе
с морскими гордыми волнами
за аргонавтами, за их высокой песней,
за стянутыми ветром парусами
спешит..

Все реже вспоминают эти волны,
что снега друг в горах остался где-то,
друг тихий, друг безмолвный,
и равного ему на свете нету...

А он, прикованный таинственным грехом,
все бредит снега стаявшим теплом.

Перевод Екатерины ЛЕБЕДЕВОЙ

* * *

Паоло Иашвили

Голос
Из прошлого...
Голос
Из прошлого...
Словно лучом
Откровенья и боли,
Отблеском правды,
Как вестью тревожной,
Мне освещаешь
Забывтое поле —
Черное поле.
Что хорониться
Спокойствия ради?
Слышу
В бездне
Набат сердец.
Вот я вижу
Фигуру дяди,
Рядом с дядей
Стоит отец.
Нет, наверное,
Большой утраты...
Ветру навстречу
Открою лицо,
Сердцем впитаю
Правду тридцатых —
О времени трусов
И подлецов.
День последний,
Как солнце,
Гаснет,
Красным зарделся
Далекий сад.
Кайся, душа,
В ожидании счастья —
Это последний
Кровавый закат!

КЛЯТВА

Сердце усталое
Мне изменило,
Долго любя.
Ты не сердись,
Я давно износила
Сердце свое
в ожиданьи тебя.

Если решил
На судьбу замахнуться —
Лейся, вино,
Пусть бокалы звенят!
Ни у кого меня нет,
Чтоб вернуться,
Чтобы любить —
Никого у меня...
В дальнюю землю,
Что горем зовется, —
долг мой путь.

Было — любила,
Прошло — позабыла,
И ты — позабуди.
Лжец — для обмана,
Вор — чтобы красть.
Выведи, Боже,
Не дай мне пропасть...

.....

Если телу и душе
Вместе не ужиться —
Пусть летит моя душа
В небо вольной птицей.

Перевод Олега БОБРОВА

ЧТО ОБ ЭТОМ...

Я с рожденья была отмечена
Божьим знаком, волшебным светом,
И в молитвах с утра до вечера
Я росла... Ну, да что об этом!..

Злые всадники ночью лунною
Налетели однажды летом
И в Стамбул, привязав к седлу меня,
Увезли, ну, да что об этом!..

И в змеиную клетку бросили,
И пыталась уйти — да где там!..
И со змеями вместе продали
Азиату... Да что об этом...

Днем — одна... Только небо ясное,
Только птицы над минаретом...
Ночью — турку с глазами красными
Отдавалась... Да что об этом!..

И подушка — навеки мокрая...
И Месхети — виденьем, бредом...
Знаю, скоро умру, как многие
До меня.. ну, да что об этом!..

Свет от пламени — гиблый, трепетный...
И к вершинам, в туман одетым,
С южным ветром несчастный пепел мой
Улетит... Ну, да что об этом!..

Перевод Юрия ЮРЧЕНКО

ПОРАЗМЫСЛИВ ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

РАССКАЗ

Человек закрыл за собой дверь и неторопливо спустился по лестнице. На дворе было почти темно. Вокруг белел снег. Колючий мороз шершавой ладонью провел по его лицу. Он кашлянул, поднял воротник и пошел вниз по узкой улочке.

— Папа! — У подъезда появилась худенькая фигурка девочки.

Человек шел, не оборачиваясь. Глубокие следы на утреннем снегу по пятам следовали за ним.

— Папа! — Фигурка в легкой кофточке погналась за ним, попадая красными ботами в следы отца.

Человек повернулся. Его умное лицо выражало и удивление и раздражение одновременно.

— Что такое? Ты что, простудиться хочешь?!

— Мама сказала, чтоб после работы ты пошел прямо к тете Марине! — пропел звонкий детский голосок.

— Хорошо, хорошо. Иди домой, простудишься!

Девочка помчалась обратно. Отец повернулся. И вновь по снегу зашагали глубокие следы...

Улица молчала. Ничто не тревожило ее спокойствия. В это раннее утро она казалась какой-то фиолетовой. То ли от первого выпавшего снега, то ли от поздней осенней зари... Под покровом снега низкие домишки казались еще ниже. Словно съжившись от холода, они с надеждой смотрели на Человека светящимися окнами, точно провожали его в стан больших домов...

А Человек шел по спуску, гордо поднимая голову. Его черные глаза сосредоточенно смотрели вперед. Внизу, где улица упиралась в другую, на большом дереве с обрубленными сучьями сидела какая-то птица, похожая на ворону. В переулке Человек заметил ее и невольно остановил на ней любопытный взгляд. «Что это за птица?» — невольно прошептал он

и тут остушился, неожиданно шагнув с тротуара на проезжую часть. Птица замахала крыльями и полетела в ту сторону, куда направлялся Человек...

На остановке толпились люди. Потом женщина спросила, который час. Услышав ответ, успокоилась: «Еще рано». Какой-то небритый парень попросил сигарету... Все поглядывали туда, откуда должен был появиться автобус... На главной улице, у подножия громоздких зданий Человек стал ужасно похжим на всех остальных...

Подъехал автобус. Ожидающие суетливо бросились к дверцам. Человека стало невозможно найти среди сгрудившихся людей...

Там, у многоэтажного дома с широкими стеклянными дверями, его начали замечать знакомые. Обычные невыразительные слова приветствия, дежурные улыбки при рукопожатиях, холодные кивки головой. Все это сопровождало его каждое утро и сегодня так же, как всегда...

У лифта стояло человек семь или восемь. Опустив глаза, все молча ждали. Один нервно стучал пальцем о папку, другой дергал нитку у петлицы, женщина лет сорока поправляла прическу.

— Сегодня тридцать первое?

— Да.

Посмотрели сначала на того, кто спросил, затем поискали глазами ответившего.

Наконец дверцы раздвинулись. Уступая друг другу дорогу, сотрудники вошли в кабину. При тусклом освещении все были точно на одно лицо. Вздрогнув, лифт остановился. Человек ступил через порог и попал в тесные объятия длинного коридора. У его рабочей комнаты стоял парень лет двадцати семи с некрасивым лицом.

— Здравствуйте, — кивнул Человек.

— Здравствуйте, — угодливо улыбаясь, сказал тот и подал ему руку, — как диссертация?

Человек пожал плечами.

— Работаю, — потом усмехнулся, — у вас, наверное, просьба ко мне?

— Да, — немного растерявшись, парень опять заулыбался и последовал за ним в комнату. Там была только одна немолодая женщина, которая при их появлении поспешно спрятала зеркальце и сделала вид, будто погружена в чтение.

— Ну, в чем же дело? — В его голосе чувствовалась снисходительная готовность помочь.

— Тут... М-м... — Парень показал ему папку. Словом, я написал статью и...

— И хотите, чтоб я ее посмотрел?!

— Да, — точно выдохнул он слово.

— Давайте! — Человек взял у него рукопись, — сегодня у меня не много дел, так что... Загляните ко мне во второй половине дня, думаю, что успею.

Зашли двое, громко разговаривая и смеясь. «Привет!». Как-то сам по себе состоялся короткий ритуал приветствия.

— Значит, во второй половине? — пятясь, переспросил парень. — Хорошо, — кивнул и растянул губы в угодливой улыбке.

Не зная, чем закончить беседу и заранее выразить благодарность, он слегка замешкался у дверей, искал нужные слова, но затем, почувствовав, что пауза слишком затянулась, совершенно невольно вдруг попрощался: «До свидания».

Человек проводил его добрым взглядом, на минуту о чем-то задумался и, вздохнув, принялся за дело.

Двое по-прежнему громко разговаривали. Время от времени в беседу вступала и немолодая женщина...

В комнату то входили, то выходили, но к Человеку редко кто обращался, а если и заводил разговор, то только о работе...

Дверь открылась в очередной раз. В комнату ступила модно одетая симпатичная девушка. В руке она держала пестреющий цветными иллюстрациями журнал и ручку. Бросила взгляд на всех присутствующих и с нарочитой уверенностью, смущенно сдерживая улыбку, подошла к ним.

— Слушайте, что такое? — она лукаво наклонила голову набок и прочла в журнале. — Мнимое спасительное вещество, якобы помогающее во всех случаях?

— Цитрамон! — не задумываясь, выкинул слово тот, что был помоложе, — моя бабка глотает эти таблетки даже тогда, когда проголодается!

И девушка и другой рассмеялись.

— Нет, я серьезно! — она хотела показать, что рассердилась, но опять заулыбалась. — Мы кроссворд решаем. Тут семь букв, вторая — «а».

Двое задумались. Пожимая плечами, вопросительно погля-

дывали друг на друга. Немолодая женщина тоже оторвалась от дел.

— Не знаете?

— Панацея. — точно слетело с губ Человека.

Девушка повернулась и недоверчиво посмотрела на него. Потом пересчитала клетки.

— Подходит! А что это такое? — Видимо, она впервые слышала это слово.

— Мнимое спасительное вещество, якобы помогающее во всех случаях. — передразнили ее.

Она поспешно вписала слово. Какая-то детская радость и нетерпение чувствовались в ее движениях. Человек, отняв от бумаг глаза, улыбаясь, как улыбаются детям, следил за ней.

— А это... — Она поискала нужный ей номер, — вот! Административная единица в Швейцарии? Шесть букв. — Она посмотрела на тех двоих, но ответа ждала от Человека.

— Кантон! — Не дав им возможности подумать, тут же сказал он.

Девушка посмотрела на него не без восхищения.

— И еще. — она подошла к столу, став к тем двоим спиной. — супружеская неверность. — Сделавшись серьезными, ее глаза ждали ответа.

— Как это? — Человек поднял брови.

— Тут так написано. — оправдалась она, но потом, засомневавшись, заглянула в журнал. — Да, супружеская неверность. Восемь букв.

Человек задумался.

— Это должно быть... М-м... — Его умные глаза сосредоточенно смотрели куда-то вниз. — Адюльтер. — вспомнил он.

— Не подходит, одной буквы не хватает! — После паузы, с оттенком огорчения сказала она и опять вопросительно уставилась на него.

— Не может быть! Адюльтер. — Крупно написал он на чистом листке бумаги. — Восемь букв.

— Верно, верно! — смутилась она, — я мягкий знак пропустила.

Шурша журналом, она вписала буквы.

— Все, спасибо! — Девушка даже не посмотрела на тех двоих, улыбнулась ему и поспешно вышла из комнаты.

Один из тех, что громко разговаривали, с какой-то враждебностью разглядел Человека и, украдкой указав на него

пальцем, одними глазами спросил: «Кто он?» Другой, постарше, посмотрев на того, о ком спрашивали, поднес к губам ладонь и пренебрежительно прошептал: «Головастик».

Они опять рассмеялись. Хихикнула и немолодая женщина. Ее симпатии явно на их стороне...

В комнату по-прежнему то входили, то выходили...

— Мне пора идти, — с нарочитой деловитостью, точно отделиваясь от назойливых посетителей, сказала немолодая женщина.

Тот, что был постарше, усмехнулся и, ожидая очередное объяснение ее отлучки, с любопытством глянул на нее.

— Я должна идти, уже полпятого, — вполголоса сказала она, — меня сестра ждет. Сегодня она возвращается в деревню. — За яркой помадой поблескивал золотой зуб. — Должна же я ее проводить?!

Те двое разразились беззвучным смехом. Женщина стояла к ним спиной, поправляла воротник. Затем, еще раз посмотрев на часы, шагнула к двери и как бы между делом добавила:

— До свидания.

В дверях с ней столкнулся парень с некрасивым лицом.

— До свидания, — подражая ее голосу, попрощался он и с наигранной деликатностью уступил дорогу. Дверь закрылась. Парень мгновенно изменился. Сделался серьезным, важным, что ли. Но, тем не менее, подойти к рабочему столу Человека не решался. Видимо, его смутило, что тот не заметил его. Тут же сообразив, как привлечь его внимание, он шумно пододвинул стул и поставил рядом с собой. Человек оторвался от чтения и посмотрел на парня.

— А-а, это вы. Садитесь, садитесь! — Он покопался в бумагах и, наконец, нашел нужную папку. — Я прочел вашу работу, — папка раскрылась, — вы знаете...

Опустив голову, автор исподлобья настороженно смотрел на него...

— Вы знаете... — повторил Человек, листая рукопись, — мне кажется, статья требует доработки... Нет, сама по себе проблема интересная, это бесспорно, но... — Он тянул слова, делая между ними длинные паузы, видимо, не хотел его огорчать. — Тут и грамматических ошибок многовато... Вообще статья так не пишется, — вдруг сорвался он, — это не работа, нет! Вы только перечислили все то, что должно быть тщательно проанализировано... И еще...

— Вы исправили...

— Что?

— Вы исправили ошибки?

— Да... — Человек растерялся от такой прямоты, сколько это было в моих силах.

— Спасибо! — Парень грубо выхватил у него свою папку и, хлопнув дверью, вышел из комнаты.

Человек усмехнулся. Он сразу понял, что оскорбило молодого автора. Те двое сочувственно смотрели на него, но в их глазах тоже ощущалось недружелюбие.

— Неужели вы еще кому-нибудь отредактируете статью? — спросил тот, что был постарше.

Человек с минуту помолчал, казалось, он даже не слышал вопроса. Потом, как бы про себя, не поднимая глаз на собеседника, вполголоса проговорил:

— Если будет нужно, почему бы и нет?!

Это было произнесено так просто и уверенно, что тот не нашелся, как возразить ему. Так и замер, уставившись на него. Однако ж в его взгляде чувствовалось затаенное уважение и, может быть, зависть... Но уже минуту спустя он предложил другому сыграть в шахматы.

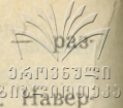
— Сыграем партию и пойдем домой.

Человек не отвлекся от работы даже тогда, когда в ящике загрохотали фигуры...

Темнело. На вешалке висело только одно пальто. В коридоре громко разговаривали. Вдруг дверь открылась. Кто-то заглянул. Человек поднял голову. Чьи-то глаза нагло обшарили комнату и опять скрылись за дверью.

Он встал, подошел к окну. Выглянул. Снег таял. Лишь на покатых крышах кое-где виднелись белые пятна. При неоновом свете, сквозь мокрые ветви огромного клена, земля показалась ему далекой и чужой. Человек долго стоял, всматриваясь в сумеречный город. Вдруг на голой ветке клена он заметил крупную черную птицу. Нахохлившись, она сидела на толстом суку совсем рядом с окном. Человек постучал по стеклу, хотел вспугнуть ее, но птица даже не шелохнулась. Еще с минуту он стоял, ожидая, пока она улетит, потом не спеша вернулся к своему рабочему столу, спрятал в ящик рукописи и книги...

...Дверь открыла его жена. На пустую лестничную площадку, точно из замкнутого пространства, вырвалось тепло и веселье. Человек молча переступил через порог.

— А-а, это ты! — В холле появилась хозяйка, дайся!

Из гостиной выглянули чьи-то любопытные глаза. Гаверно, ждали другого.

— Поздравляю, Марина! — Человек протянул ей цветы.

— Спасибо! — Она была искренне рада ему, — проходи!

Он прошел в хорошо обставленную просторную комнату и тут же оказался в окружении разглядывающих его глаз. Те, которые его знали, приветливо заулыбались, другие — с любопытством рассмотрели с ног до головы. Он чуть смутился.

— Добрый вечер! — Человек вежливо кивнул головой.

— Здорово!

— Здрате!

— Добрый веч...

...посыпались слова в его адрес. В эту минуту ему показалось, что все лица были удивительно похожи друг на друга.

— Садись сюда, рядом с женой. — услышал он за своей спиной.

— Марина, в прошлом году ты мне сказала то же самое, — вполголоса проговорил он, чуть откинув назад голову.

В ответ та только улыбнулась и указала пальцем на свободный стул. Через минуту пришла жена и села рядом.

— Почему опоздал? — спросила она без особого интереса.

— Да так... Статью писал.

— Написал? — пробубнила она, разжевывая кусок мяса.

Он раздраженно посмотрел на нее.

— Пока нет!

Жена не заметила этого взгляда.

— Попробуй баранину! Очень вкусно!

— Именно это ты сказала в наш предыдущий приход и потом переложила мне...

Она уже перекладывала ему на тарелку жареное мясо.

— Ешь, сегодня я ничего не успела приготовить!

— Не хочу! — негромко, но резко отрезал он.

Супруга удивленно посмотрела на него... За столом один из гостей увлеченно рассказывал о чем-то. Кто-то уронил вилку. «Гости идут!» Хозяин вышел из комнаты. Человек усмехнулся.

— Чего смеешься? — спросила жена.

Он наклонил к ней голову.

— Когда он войдет, обязательно подойдет ко мне и спросит, что я предпочитаю пить.

— Откуда ты знаешь?

— Смотри!

Хозяин вернулся. Не спеша обошел стол, приблизился к Человеку и, опустив руки на его плечи, наклонился к нему.

— Как жизнь?

— Ничего! — улыбнулся тот в ответ.

— Ничего — это не плохо. Что будем пить?

— Как всегда.

— Ну, давай, догоняй! — хозяин дружески похлопал его по плечу.

Женщина изумленно смотрела на своего супруга.

— Не удивляйся! Так он подходит к каждому и спрашивает почти одно и то же.

За столом было слышно, как в соседней комнате плакал ребенок... Высокий мужчина стоял и, держа в руке стакан, вдохновенно произносил очередной тост... Ребенка никак не могли успокоить...

...Человек ключом открыл дверь и, пропустив вперед жену, вошел к себе в квартиру. В холле горел свет.

— Снимай туфли, а то наследишь по всем комнатам! — шепотом сказала она.

Человек молча разулся.

— Фу-у, устала! — она открыла дверь и заглянула в детскую. Завернувшись в одеяло, девочка спала безмятежным сном. На другой кровати приподнялась старая женщина.

— Мама, она все уроки сделала?

— М-гм...

— Ну хорошо, спи!

Дверь осторожно закрылась.

В спальне Человек сидел на кровати и листал книгу.

— Только не начинай сейчас читать, я устала и хочу спать! — Это было сказано таким безапелляционным тоном, что от неожиданности он даже растерялся. Потом закрыл книгу, отложил. Жена была уже в постели.

— Туши свет!

Он сидел не шелохнувшись, думая о своем. Затем вдруг резко поднялся, дотянулся рукой до выключателя и вышел из комнаты.

В гостиной Человек развалился в уютном кресле и долго

сидел в темноте. Сверху доносилась музыка и топот танцующих ног. Он встал и зажег свет. Яркие лучи во все стороны раскинули широкие крылья. Тут ему показалось, что у окна кто-то встrepенулся. Он всмотрелся, привыкая к свету. По ту сторону шевельнулось темное пятно. Человек чуть замешкался, но, овладев собой, подошел к окну. Это была птица, черная птица, похожая на ворону. Вся мокрая, она жалась к стеклу. «Что это за птица?» — в недоумении прошептал он. Затем, словно догадавшись в чем дело, недовольно нахмурил брови и раздраженно, почти гневно начал стучать по стеклу. Птица как-то неестественно задергалась. Видимо, была ранена. Он понял это, когда она, чуть отойдя от стекла, споткнулась и, еле удержавшись на краю оконного отлива, замерла, беспомощно опустив одно крыло. Человек пристально посмотрел на нее. «Все-таки, что это за птица?» Вдруг его интерес сменился необыкновенной жалостью. Он ощутил желание как-нибудь помочь ей. Однако, не зная что предпринять, в первую очередь решил было открыть окно, но как только щелкнула задвижка, птица вздрогнула и, неуклюже замахав крыльями, с трудом удержала равновесие. Человек замер. Опасаясь вновь испугнуть ее, осторожно нажал на раму и вернул задвижку в прежнее положение... А на дворе сыпал мокрый снег. Снежинки таяли прямо в воздухе, превращаясь в мелкие капли воды. Человек посмотрел наверх, в черное брызгающее серыми снежинками хмурое небо. Затем опустил голову и опять остановил взгляд на птице. На стекле, точно прыщи, сидели капельки воды. Он провел ладонью по стеклу, но растаявшие снежинки, естественно, не стерлись. Их становилось все больше и больше. Человек усмехнулся, устало отошел к стенному шкафу. Достал из ящика листы бумаги и две книги. Разложил все это на столе. Сел, откинулся на спинку стула и отчужденными глазами уставился на чистый лист бумаги. Опять встал. Вернулся к шкафу и достал потрепанную тетрадь. Стоя, долго читал исписанные мелким почерком страницы. Не спеша, делая неточные движения, подошел к столу и, усевшись на краешек стула, словно в беспамятстве начал писать...

31.X. ...

Кончается октябрь... Если уже не кончился. А мне чудится, что у меня жизнь на исходе. Больно думать о себе и своих. Слово душа съежилась в маленький твердый комочек и сердцем бьется под ложечкой. Куда же дальше? Меня угнетает мой завт-

рашний или уже сегодняшний день. А на дворе сыро, так сыро,
как бывает только в стихах...

Тут он словно очнулся. Отбросил ручку и, повернув голову, посмотрел в окно. В мокрое стекло глядело тоскливое утро. Человек встал, подошел к выходу на балкон и, настежь открыв дверь, вышел. Тотчас на его плечах и в волосах заблестели снежинки. Опершись руками о перила, он посмотрел вниз. На земле, вернее, в мелкой блестящей луже валялась мертвая птица, похожая на ворону...

ВЕРШИНА

Посвящается Рейнхольду Месснеру,
человеку, который сумел покорить
все наивысшие пики Земли —
«восьмитысячники».

Ранним утром взгляни — бесконечная лазурь. И хребты,
Чьи, белей молока, необъятные выгнуты спины,
Зачаруют, и скажешь в любовном признании ты:
«Я — ваш верный поклонник, ваш доблестный рыцарь, вершины!»

Снимет снежную шляпу, тобой побежден, исполин,
Это — первый. Прощай. Восхожденья закончены разве?
(Помню, в детстве я мнил высочайшей из горных вершин
Мой любимый Метехи и мной покоренный Варази).

Вот рычанье обвала: «Назад, муравьишка, назад!»
И беззвездное небо упрямые руки морозит,
И отвесные скалы кривыми клыками грозят;
Нужно силы собрать... одолеть... не поверить угрозе...

И второе дыханье нахлынет; и дань поднесут,
И тебя великаны на пиках своих коронуют.
Ты — кумир их единственный, ты — их единственный суд;
Ведьмы-вьюги — и те голубями смиренно воркуют.

Ты могуч. Доползти никому не хватило бы сил
До твоих рубежей. Они взору невидимы даже,
Отчего ж ты печален? Зачем ты огонь погасил,
В ночь победы твоей неусыпно стоявший на страже?

НА КАРТИНУ «ШОПЕН НА СМЕРТНОМ ОДРЕ»

Восковое лицо озаряла свеча восковая,
Над челом неподвижным оплывок слезою застыл,
Лютый призрак могилы явился, глаза застывая,
И свечу победил, и прогнать его не было сил.

Но безмолвно горела бессмертно-безмерная нежность,
Пальцы клавишей ждали, уста не хотели молчать.
«Это — музыка!» — колокол грянул, звон канул в безбрежность,
Канул звон погребальный, но музыка будет звучать...

Перевод Владимира САРИШВИЛИ

МАМА

Мама моя,
В каждой женщине — твоя частица;
Они твоим голосом и слезами
Оплакивают мертвых;
Торопливыми твоими шагами
Устремляются на помощь попавшему в беду сыну.
Ты в каждой женщине обрела пристанище,
И когда вдруг дует ветер сочувствия, —
Это только и только твое дыхание.
И даже в чужих краях
От женщины иного племени слышу,
Как губы твои произносят
Слова упрека или же наставления.
Мама, когда я остаюсь один,
Меня успокаивает ощущение верности,
Идущее от женской природы.
Ведь ты всюду, во всем —
В верных, подобно тебе, горах,
В глубочайших, как твои глаза, водах,
В мягкой, как твои волосы, траве,
В щедрой, как твои дела, земле,
В каждом гене и в каждом атоме,
В воздухе, в огне, в Богоматери,
Во всех словах и в самом первом из слов,
И там, где до сих пор не бывал никто
Из живущих на этой земле.
А когда ты покидаешь меня,
Мне кажется, что ты произошла от меня,
Чтоб вновь родить весь мир,
В котором мы уже не умрем.

Перевод Виктора ШИРОКОВА

ПОМНИШЬ МЦХЕТА!

— Помнишь Мцхета?
Над Курой туман, а у дороги
тополя стоят, что лани, гонконоги...
День осенний...
Слезы падают, как листья...
Речь крестьянина,
подобно песне, длится...
— Помню этот день и нашу тропку,
как мы шли в раздумье и печали,
и луна, уставшая от слезки,
вдруг уснула, и погасли дали...

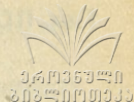
Перевод Наталии ГЕНИНОЙ

Эка БАКРАДЗЕ

* * *

Я пристально гляжу на незнакомку —
в живом зеркальном отражении
любая мелочь, словно на ладони...
Я в незнакомом городе брожу
и, вглядываясь пристально в прохожих,
вдруг открываю для себя,
что долго
я здесь не выдержу...
Я вглядываюсь в себя,
как в зеркало,
и своей дорогой иду..
Когда же необъяснимая тревога
вкрадчиво приближается ко мне,
словно чужой и пристальный взгляд,
я оглядываюсь
и для себя открываю,
что нечто важное
вдруг пробуждается в нас,
когда мы остаемся
с собою наедине —
как с отражением в зеркале
или как в городе,
нам совсем не знакомом.

К. Г.

Знаю:

больнее всего
сделаю я тому,
кто любит меня больше жизни...

Прошу Вас, простите:
моя любовь к Вам
так велика,
что мною был бы прощен
любой Ваш грех.

Перевод Наталии ГЕНИНОЙ

Давид ТАКИДЗЕ

* * *

При взгляде
на тусклые звезды ненастного неба
грусть оживает —
и мама невесела,
но от забот неотступна.
Еще один день отошел,
бесшумный и молчаливый..
Возможно, забота о будущем —
это и есть жизнь.
Ступай осторожным шагом —
сегодня проселок опасен:
неровен час, оступишься где-нибудь
об изгородь, что повалена непогодой.
Протяжным собачьим лаем
сопровождается сон
деревни, уставшей от вечных тягот...

Перевод Наталии ГЕНИНОЙ

Два рассказа

Дважды...

В своей жизни я дважды поднял руку на женщину. По-моему, с женщиной, заслужившей такое, больше не нужно искать встреч...

Разумеется, я говорю с позиции мужчины, который презирает физическое насилие над слабым полом да и насилие вообще.

За всю свою жизнь я дважды поднял руку на женщину... В первый раз... Что касается первого случая, я и до сих пор не раскаиваюсь... Вернее, тогда я был прав!

Во второй раз... У каждого человека есть такие воспоминания, которые он предпочел бы забыть. Забыть потому, что не дает покоя стыд... Во второй раз... Тогда я был в пылу азарта, вошел в роль, которую попутно сочинял и исполнял... Роль ревнивого влюбленного. Посмотрел бы тогда кто-либо мне в глаза и без труда заметил бы холодное равнодушие. Но мои действия свидетельствовали совсем о другом...

И наконец, сцена с пощечиной врезалась в память, напоминая финал трагедии, хорошо поставленного спектакля — покорную мольбу женщины и «безмерно трагичный» отказ мужчины. Я часто задумываюсь, неужели этим актером был я, или...

...Нет, сегодня я хочу рассказать о первом случае. Возможно такое настроение возникает от одиночества и какой-то светлой безграничной печали. Вероятно, такое находит и от тоски по родным, близким, друзьям...

Казалось бы, в той истории нет ничего особенного, многое может показаться банальным, но в моей жизни она оставила неизгладимый след и каждый раз, когда я ее вспоминаю,

мне кажется, что это было вчера, и я заново переживаю все, что тогда случилось.

Я переходил в пятый класс. На лето мы сняли комнату в Цхнети. Родителям она показалась дороговатой, но тем не менее...

...Как мне рассказывают, я с самого рождения любил бодрствовать по ночам, а по утрам высыпаться. Представляю, каких нервов стоила моим родителям эта вредная (?) привычка. И сегодня каждый раз перед сном слышится одно и то же: «Погаси свет, спи...»

...Было, конечно, дороговато, но вряд ли подешевле можно было подыскать такую светлую и так хорошо расположенную комнату. Тогда меня мало волновала отдаленность кухни, проблема воды... Я ведь не стирал, не мыл посуды, не готовил обеда... В мои обязанности входило только нянчить брата. Все остальное я воспринимал как должное.

Итак, мы с братиком поселились в Цхнети. Я говорю мы с братиком потому, что родители представлялись мне тогда чем-то неотделимым от меня, необходимым, как «любимая игрушка». Только не подумайте, что я их не любил. Просто ребенок побаивается своих родителей, уважает их, любит, но никогда не задумывается над чувствами, доверяется во всем инстинктам. И только уже с возрастом начинает все понимать и переживать.

Брат... Ну, а брат, конечно же, был для меня совсем иным, первым, единственным существом, которое мне доверили, о котором я заботился, которое опекал и безгранично любил.

Приехав, мы сразу принялись изучать все вокруг. Первое, что я установил еще в пути, «наш дом» находился в Верхнем Цхнети. Прежде чем попасть к нам, нужно было пройти двор, который принадлежал брату нашего хозяина. Поначалу мне это здорово понравилось. Радовало то, что они любили друг друга так же, как мы с братцем. Вот только одно промелькнуло в мыслях: «Почему разделяет дворы узкая канава?..» Просто промелькнуло... Неловко стало и оттого, что мама предупредила: «Если кто тебя спросит, сколько мы платим, отвечай, что в день по рублю». Суть предостережения я понял позднее, когда нашего хозяина посетил «фининспектор».

Я, как обычно, отыскал уединенное местечко и принялся обозревать окрестность: фруктовые сады, стоянка машины, два дома, двое братьев, беседующих с моим отцом, стоящие

напротив друг друга две женщины в пестрых фланелевых халатах, хлопчущая мама и...

I. Ну что ты стоишь как вкопанный, присмотри за ребенком!..

II. Перестань общипывать живую курицу, иди-ка, что я тебе покажу...

III. Mamочka, сегодня я приготовлю обед... Ааа, пустыи, я больше не буду-уу. Пусти, я не хочу спать, а-а-а-и-и-и-и...

IV. Бессильно произнесенное мое имя со всхлипом «помоги».

Вечером я уже познакомился с племянниками «нашего домовладельца»: старше меня на два года — Сосо, и на год — Нино. У наших хозяев детей не было. Как я узнал от пьяницы-соседа, «хозяин»-кобель в молодости подцепил что-то...

Я был рад знакомству с Сосо и Нино, мне казалось, что я обзавелся хорошими друзьями, но вскоре мне пришлось разочароваться. Сосо все время пытался обвести меня вокруг пальца. Так, например, он обменял свой негодный, спущенный мяч на мою настоящую подкову, причем он так бессовестно и не переводя духа перечислил мне все достоинства мяча и произвел на меня такое энергичное физическое «давление», что я даже рта не успел раскрыть.

Второй причиной моей антипатии было обнаружение в нем самолюбивого хамства и преклонения перед силой. Тогда я имел покладистый, спокойный характер. Меня надо было очень разозлить или же обидеть моего братишку, чтобы я поднял руку. Ну, а Сосо этим бессовестно пользовался, то обманывал меня, то насмеялся, а то и вовсе меня не замечал. Нино была двойником своего брата — такой же самолюбивой и невоспитанной. При всем том у них была одинаковая «отвратительная» черта — они никогда не помогали мне нянчить братишку...

Кто-то может усомниться в том, что пятиклассник мог бы окрестить своих сверстников такими «эпитетами», но мне сегодня кажется, что они уже тогда были вполне сформировавшимися людьми... А, может, я до сих пор не могу простить им и себе...

...Проходили дни. Я постепенно привыкал к окружающему, обзавелся новыми друзьями и знакомыми. Отец приезжал три-четыре раза в неделю, а иногда за продуктами, когда он уезжал в командировку, в Тбилиси ездила мама. И тогда я оставался единственным и полновластным «опекуном» своего

УЗИМ 57-20
3 02 00100000

брата. Я кормил его, раздевал, укладывал в постель и строго настрого запрещал ему вставать. Убедившись, что он бежал играть, но он оказывается, всего лишь прикидывался спящим, и стоило только выйти мне из дому, как он увязывался следом и, стыдливо потупив глаза, говорил при всем честном народе: «Гня, скорей, ни-ли хочу».

В одну из таких поездок мама попала в автоаварию. В такси, в котором она сидела, врезались «Жигули». Маму в тяжелом состоянии отвезли в больницу. Когда мне это сказали, я даже не смог себе представить и воспринять случившееся... Шли дни, а мама не приезжала. Но у меня было такое чувство, что у нее грипп, и она не хочет с нами встречаться, чтобы не заразить... Мой братец по утрам и вечерам закатывал концерты, плакал, звал маму, но я и приехавшая из деревни бабушка быстро успокаивали его.

Всеми силами я пытался понять, что же такое произошло с мамой. «В тяжелом состоянии, бедняжка...» «Несчастливая ее мать, горе какое... А она все держится, детей бережет... По ночам плачет...», «Осиротели ребятишки». Все это я слышал, но не мог себе представить...

В один из вечеров меня нарядили в выходной костюм, старательно пригладили волосы... Бабушка непрерывно причитала, и я вконец ошалел...

Когда меня ввели в палату, я принялся разглядывать больных. Я искал маму... Хотя знал, что должен был ее увидеть... У окна заметил ее глаза. Все тело и лицо ее были перебинтованы... Я даже не думал, что так хорошо знаю материнские глаза... А может, мне подсказал инстинкт?.. Мама не привстала, не приласкала... Она только слегка шевельнула ресницами... Я смотрел на постель и ничего не мог понять... Это была моя мама, добрая, красивая, нежная... Это была моя мама?.. Я боялся приблизиться к ней, дрожал и впервые ощутил жуткий страх утраты. Горячий жар охватил все тело, ноги подкашивались, и я с ужасом почувствовал, что не могу издать ни звука...

Кое-как я добрался до ее койки. Она смотрела, не отрывая от меня взора и... глаза... глаза... Такого беспокойного, ласкового и жадного взгляда я больше никогда ни у кого не видел...

Я проплакал всю ночь. Встал, вышел во двор, чтобы никого не разбудить, и, даже не ощущая прохлады ихнетской ночи, плакал, плакал... Вспоминал, мысленно ласкал ее и пла-

кал... Не помню, каким образом я очутился в постели и уснул, я ведь сказал, что прохлады не чувствовал, а может, все-таки почувствовал... а может...

Уч.
061935940
8032-0110330

На третий день я узнал, вернее, почувствовал, что мама выживет. Взрослые стали бодрее и энергичнее. Все постепенно входило в свое русло. Такая атмосфера в доме продержалась неделю, а потом у папы опять потускнели глаза. Бабушке он сказал: «Я сделал все, но... Она больше не встанет, будет прикована к постели...» Опять меня нарядили в выходной костюм, старательно пригладили волосы и повезли в Тбилиси.

...Как только мы вошли в палату, я сразу же устремил взгляд к койке. Я больше не боялся. Я знал, что она будет жить, будет жить... Мама сначала ласкала меня взглядом, потом с трудом протянула руку и положила на мою...

На следующий день мама присела в постели, потом встала, потом сделала шаг... Каждый вечер я с нетерпением ждал новостей... один, два, три, четыре, пять, шесть, семь считал я, и мечтал о новых шагах, о том дне, когда она откроет дверь и свободно войдет в эту комнату, приблизится к моей постели и приласкает, обнимет. Я постепенно оживлялся, по-прежнему стал замечать, что творилось вокруг... Словно из тумана выплыли друзья, знакомые. Опять я заметил Сосо, Нино, и опять меня стала задевать их заносчивость. Но теперь я смотрел на все иначе, переносил все гораздо легче.

Однажды утром я сорвал яблоко во дворе Сосо и Нино. Нино увидела и выругала меня матом... обругала матом!.. Никто так не ругал меня... Никто и никогда!.. Никто и никогда! Да еще маму... Маму, которая чудом осталась жить и училась заново ходить... Не буду врать, я не помню тех чувств, которые охватили меня тогда. Я бросился за ней, спасаясь от меня, она влетела в свой дом, я ворвался следом. За столом чаевничали ее родители и Сосо. Я даже не обратил на них внимания. Она в испуге бросилась на диван и принялась размахивать руками. Я метнулся к Сосо, выхватил застывшую в его руках эмалированную кружку, подлетел к Нино и что было сил размахнулся, метя ей в голову. К счастью, кружка выскользнула у меня из рук. Я схватил лежащий там же веник, задрал ей платье и принялся неистово ее колотить... Никто меня не остановил, не издал ни единого звука... Я испуленно колотил ее, совершенно не заботясь, куда попаду. Вдобавок ко всему, вцепился ей в волосы и вырвал клочок...

Может, вы и не поверите, но я до сих пор содрогаться при воспоминании о моем нечеловеческом бешенстве... при вспоминании о моем нечеловеческом бешенстве... при вспоминании о моем нечеловеческом бешенстве...
помощного трепыхания Нино...

Никто мне ничего не сказал. Не знаю, может, ее родители все слышали... Может, она сама все рассказала и... А, может, попросту пожалели, не веря в выздоровление мамы...

Как потом я провел время в Цхети, уже не помню. В памяти остался только день моего отъезда... Вернее, то помню, что, садясь в машину, я увидел Нино. Она стояла в дверях, на лице у нее проступали синяки.

За всю свою жизнь я дважды поднял руку на женщину. Вообще, я думаю...

Хочу добавить, что когда мама вспоминает ту аварию, говорит: «Как вспомню, так схожу с ума, как они без меня жили...».

Валерка

В вагоне стояла невыносимая вонь, вонь, которая знакома всем, кто когда-либо путешествовал плацкартой: запахи пота, вина, водки, грязи, в общем, всего того, что неизменно сопровождает человека в пути. Ведь плацкарта, со своеобразным беспорядком, разнородными людьми, агрессивными и спокойными, добрыми и злыми это микро модель мира.

Хаха курил в тамбуре. Уставший, сбежал сюда от сперттого воздуха и бестолковой суеты. Он почти никого вокруг не замечал, разве что машинально протягивал кому-то спички или сигареты и так же машинально отвечал: «Не за что»...

Кутаиси... Сколько всего связывало его с этим городом: воспоминания детства, друзья-товарищи, родственники... На этот раз город показался ему неприветливым, мрачным, пасмурным. И словно исчезла куда-то неповторимая красота здешней природы. Угрюмые, дождливые улицы, слякоть... Возможно, Кутаиси показался ему чужим потому, что он увидел другой, совершенно не знакомый ему город. Грязный автозавод, несметное количество одинаковых грузовых автомобилей... И

люди другие, не доброжелательные и приветливые, как прежде, а монотонно-деловые, нервные.

Преддипломную практику он проходил на автозаводе. Приехал с опозданием, напелл руководителю что-то в свое оправдание. Тот, в свою очередь, выслушал его с многозначительным видом и предупредил, что надо серьезней относиться к делу.

Ребята его успокоили; ничего страшного, главное, достать чертежи для диплома... Заза напишет отчет и все у него сдут... И добавили, что фактически они ничего не делают. С утра идут на завод, пройдутся по цехам взад-вперед и все... Некоторые укатили в Тбилиси, разумеется, с разрешения руководителя.

Для Кахи это не было новостью. Он понимал, что в конструкторском бюро, к которому была прикреплена его группа, никому нет до них дела. Во-первых, им назначили нового директора, а во-вторых, уже целый месяц телевидение вещало, что Кутаисский автомобильный завод приступает к выпуску автомобилей новой марки. Так что практиканты полностью были предоставлены самим себе... Каху это ничуть не волновало, тем более, что к своей будущей профессии он был абсолютно равнодушен. На вопрос же, почему он поступил на этот факультет, не смог бы дать вразумительного ответа, скорей всего здесь решающую роль сыграла семья... И вот уже пятый год он мучительно тянет эту лямку. Разумеется в группе все учились по-разному, но тем не менее каждый так или иначе интересовался автоделом, часто говорили об автомобилях, связанных с ними проблемах... А Каха слушал их разговоры и только завидовал. Вернее, не завидовал, а сожалел, что его это мало волнует.

Чертежи он достал в тот же день. Надо сказать, у него была одна отличительная черта: он мог сразу входить в напряженный рабочий ритм. С приближением сессии из нерадивого, прогуливающего занятия лоботряса он превращался в усердного студента, бегал в поисках конспектов и лабораторных. В одну-две недели успевал перечертить и переписать материалы всего семестра, и никто не догадывался, что двигало им отвращение к делу, которым он занимается, и... слабоволие. Отвращение вынуждало как можно скорей отделаться от «любимых» предметов. А слабоволие помогало избежать конфликтов с родителями. Да нет, он их не боялся, просто не хотелось им перечить и поэтому он ленился сделать решительный шаг.

Каха обегал много кабинетов, кого просил, у кого требовал, а кого просто обмалывал, что он, мол, от такого-то таким-то чертежом. К концу дня он был взвинчен до предела почти все, с кем ему пришлось столкнуться, и не только руководящие работники, подвержены «столоначальническим» привычкам. Такие люди, как только почувствуют, что ты от них зависишь, начинают смотреть свысока. Возможно, они и помогут, но зато изрядно помучают. Каха не мог понять, откуда у этих людей такое бессмысленное, необъяснимое, тупое стремление к власти: одни стремятся таким образом к материальному благополучию, другими движут амбиции, третьим это необходимо для престижа... А этим... Власть, даже самая мизерная, им нужна для того, чтобы хоть как-то унижить, осмеять человека и тем самым подняться в собственных глазах, самоутвердиться. Большинство из них с детства представляет некую среднюю массу, беспокойная жизнь лидера их не привлекает. Они жаждут лишь на мгновение окунуться в лучи славы и многозначительно произнести: «Если я захочу...»

В глазах защипало, он снял очки. В тамбуре он был один... Кое-где на небе мерцали далекие звезды... Тишину нарушал монотонный стук колес...

...Отец уже год работал в Кутаиси. Еще в Тбилиси Каху начинили нужными анекдотами, историями и он во всеоружии приехал в не знакомый ему город. С самого же начала решил завоевать авторитет, держался насколько мог высокомерно, почему-то сидел на первом уроке с приподнятыми бровями, стараясь напустить на себя излишнюю строгость. На втором уроке его вызвали к доске и, как только он открыл рот, услышал смешки. Украдкой оглядел себя, не прицепили ли чего-нибудь к одежде, ничего не обнаружив, продолжил рассказ — и опять смех... Позднее понял — их сместило его тбилисское произношение.

С самого начала же он сблизился с тремя ребятами — Вахо, Шахро и Валеркой. Вахо был отличником и вел себя на уроках примерно. Хорошист Шахро, изрядный циник, так и сыпал афоризмами и поговорками в беседах с учителями. Валерка, круглый двоечник, был занят в основном высаживанием стекол. Если Вахо, по заведенному порядку, был всегда в опрятной школьной форме, Шахро являлся в школу в джинсах и цветной майке, то Валерка появлялся в спортивных потрепанных штанах и, как правило, на велосипеде... Вахо был

самым высоким в классе, Шакро тоже нельзя было назвать низким, зато Валерку можно было принять за карлика.

Класс находился прямо над учительской, и, наверно, как раз из-за этого происходили различные инциденты. У школьников было пять видов развлечения:

I. Буфет.

II. Двор.

III. «Выдворение агрессоров» — у Валерки был брат, на год старше (всего их было трое), он влетал в класс со своими друзьями — и начиналось «сражение».

IV. Класс, разделившись на две группы, завязывал «Крцанисскую битву».

V. Запиралась дверь, включался принесенный украдкой из дому магнитофон и начинался концерт. На возвышении стояла вооруженная линейками, веником и шваброй рок-группа, а внизу неистовствовала толпа поклонников.

На третьей неделе пребывания в школе Каха получил боевое крещение, в драке с Кобой расквасил нос. Так что завоевание авторитета дорого ему обошлось...

Каха не наябедничал, Коба сам признал себя виновным перед «следственной комиссией» учителей. На следующий день весь класс навестил «раненого льва». Пришел и Коба. Они помирились. Во-первых, потому, что были детьми, во-вторых, что класс просто отмечал крещение, и в-третьих, потому что у Кобы и Кахи были общие друзья. Все, казалось бы, уладилось и...

На следующий день после примирения Вахо вызвали в кабинет директора и, по его же словам, спустили с него шкуру за подстрекательство к драке. Подозрения пали на Каху, хотя достаточно было простой логики для установления беспочвенности этого обвинения, впрочем, а на кого бы могли тогда подумать... Вообще-то эту мысль подкинул Вахо, остальные вынуждены были ее подхватить, так как он пользовался авторитетом в классе.

Поначалу Каха ничего не знал, никто не давал ему этого почувствовать. Первым демонстративно «отвалил» Шакро. Каха даже не спросил, почему, не хочет дружить и не надо, подумал он. Вторым — Валерка. Вот тут уже Каха растерялся. Но на одной из перемен Валерка отвел его в сторону и все рассказал, добавив при этом, что уверен в его невинности, что поссорился с ним для отвода глаз. Попросил он только об одном, чтобы Вахо ни о чем не догадался, а он со

временем разузнает, кто наядбедничал. «И если Каха не во-
ражает...»

В конце концов через месяц Валерка выяснил, кто был «источником информации», и того хорошенько поколотили... Если бы не Валерка...

...Кончились сигареты, Каха вернулся в вагон, все спали. Запах стал еще невыносимее... Он продрог, натянул на себя куртку, взял сигареты и опять вернулся в тамбур.

...И курить он начал там. Как-то ребята предложили ему закурить, но он отказался, намекнув, что курит только «Марлборо». Валеркин брат отбывал срок, и Валерка, пользуясь этим, выуживал у его щедрых дружков самые лучшие фирменные сигареты.

Часто они удирали с уроков. Маршрут был привычный: известная «кебабная Викентия», кинотеатр «Коммуна» и парк. Следующий день, как правило, начинался в кабинете директора. Лучшего развлечения нельзя было и придумать. Их выстраивали и читали нотации. Однажды, после их очередного побега, директор привычно выстроил их в своем кабинете и целый урок рылся в полках, второй — в шкафу, наконец, в начале третьего урока он вытащил какую-то толстую книгу, подсел к столу, достал очки и изрек: вот, что писал Макаренко о таких как вы...

Помнится, как-то они с Валеркой смылись с уроков и, изменив привычному маршруту, направились к Театральной площади, где, как поговаривали, открыт филиал «Вод Лагидзе». Около одного из магазинов сидела старая, вся в черном нищенка, рядом лежали костыли. Она как-то робко и немело, явно стыдясь, протягивала для подаяния руку.

Валерка, увидев ее, остолбенел, лицо исказила гримаса, на глаза навернулись слезы... Каха никогда еще не видел своего друга таким мрачным... Они не сговариваясь, молча подошли к старушке, старательно вывернули свои карманы и осторожно насыпали мелочь в протянутую ладонь.

Валерка рассказал, что невестка выжила ее из дому, а затем семья сына, погнавшись за длинным рублем, переехала куда-то в Сибирь, оставив мать без присмотра. Она попала под машину и лишилась ноги... Каха даже не сообразил спросить, неужели у несчастной нет родственников, соседей...

...Всю ночь он избивал сына, внука, невестку старушки. Избивал беспощадно кулаками, палками, костылями... Отре-

зал им носы и уши... Показывал их голыми по телевизору, водил по улицам... Покупал старушке лакомства, возил на собственной машине по заморским странам... Все видели доброту, мужество Кахи и восхищались его поступками...

На следующий день они начали собирать деньги. Отца у Валерки не было. Старший брат сидел в тюрьме, и семья нуждалась. Каха же каждый день клянчил дома деньги то на «коллективный поход в кино», то на «членские взносы», то на покупку «занавесей для класса». Родители ему доверяли, зная, что он никогда не просил больше необходимого... Ему доверяли, и он воспользовался этим, воспользовался впервые в жизни... К этой сумме прибавлялись деньги, «скинутые» на кебабную, кино и карусели. Валерка нашел еще один источник дохода. Начал играть в карты, шахматы, нарды, домино, футбол, «минус пять»¹. Если до сих пор Валерка спорил разве что на бутылку лимонада, то сейчас соглашался играть только на деньги.

Наступил условленный день. Деньги решили отнести сразу же после уроков. У Кахи было тридцать рублей, у Валерки же... Шестьдесят... Откуда? Каким образом?..

Мальчишка из параллельного класса предложил Валерке сыграть в «минус пять» на сто рублей, но получил отказ. На следующей перемене Каха отыскивал его... Игра по взаимному уговору должна была продолжаться до «минут тридцати», а вручение проигрыша — сразу же после уроков.

Каха до этого никогда не играл на деньги. В случае поражения он должен был взять деньги у Валерки и достать где-нибудь «червонец»... Поначалу он проигрывал. Он уже достиг минуса десяти, а противник сидел на нуле. Азарт захватил все его существо, напряглись до предела нервы, пот лил с него градом. В случае поражения... Нет. Победа, только победа. Его душило, терзало самолюбие. Не существовало больше одноногой, несчастной попрошайки, он играл... Играл на победу...

После уроков Каха с победоносным видом протянул Валерке деньги. Валерка отказался их взять и пошел прочь с опущенной головой. Лицо Кахи стало пунцовым; теперь он

¹ Игра, в которой соперники бросают баскетбольный мяч в корзину. В случае точного попадания противник должен повторить бросок с того же расстояния, с какого был заброшен мяч.

понял, для чего играл, для чего поставил под угрозу с таким трудом накопленные сбережения... Оказывается, он считался с Валеркой... А старуха... Он сгорал со стыда, слезы застилали глаза... Чем, чем он был лучше сына той попрошайки, чем...

Не по-мужски он поступил, не по-мужски!.. И тем более перед Валеркой, решил «поднять марку» перед Валеркой, который в самые тяжелые минуты не оставил его одного... Игра... Ведь и Валерка играл, однако... Да, но ведь он играл для старушки... Но он позабыл, что добро делается незаметно, без лишнего шума... Так, как делает Валерка, не для показухи... Ведь когда играл, он даже не помнил бедную старушку...

Каха направился к площади. У ближайшего поворота за углом его ждал Валерка, веселый, улыбающийся Валерка...

Они вместе подошли к старушке и стали пихать ей деньги, смущенно оглядываясь вокруг, словно боясь быть кем-то застигнутыми врасплох.

Старушка удивленно взглянула на них и вдруг заплакала. Затем вцепилась ребятам в руки и принялась истинно их целовать. И при этом плакала, плакала жалобно, с причитанием... Ребята растерялись, оторопели, затем кое-как высвободились из цепких рук и отодвинулись. Старушка достала из-за пазухи какую-то бумажку, развернула и протянула им. В ней лежали три старые, замусоленные конфетки...

К концу учебного года отца Кахи вновь перевели в Тбилиси. Большинство ребят были на отдыхе. Провожал его Валерка. В укромном месте они покурили «Приму», чтоб устранить запах, пожевали лавровый лист, заели конфетой и попрощались. Валерка пообещал приехать через неделю, но... В Тбилиси он, возможно, бывал, только к Кахе никогда не заглядывал. Каха знал, что причиной была Валеркина стеснительность. Даже когда Каха жил в Кутаиси, ни разу не побывал у него дома, все время выискивая какие-то причины... И сегодня Каха зашел к нему, но он, оказывается, уехал по каким-то делам в Москву.

...Возвратившись в Тбилиси, Каха там же на перроне злобно скомкал все чертежи и бросил в мусорный ящик...

Перевод Ирины ЗУРАБАШВИЛИ

* * *

Я вижу свою тень,
Распростертую с тротуара на мостовую.
Она лежит недвижно.

Женщина, рожденная для одиночества,
Зажигает в комнате свечу.

Кто же, кто же, интересно,
Стоит с удочкой в темноте
На противоположном берегу Куры?

Вернись, зову я себя
Из своей же комнаты...

Была ночь — и не будет ее никогда,
Ведь не все же ночи одинаковы,
Протяните и мне свечу одиночества.

Шум паровоза, как опиум, пропитавший воздух,
Задувает свечи
И в темных комнатах проявляет силуэты
Бродячих отшельников.

Кто-то вызвал меня из комнат
С освещенными окнами,
Но моя свеча погасла,
И зов поспешно утонул в темноте.

Возле электростанций
Деревья похожи на электрические столбы...
Это я, это я, я чувствую себя,
Но никого не зову
На помощь.

В черные лавины Куры
Фонари опускают понурые головы
И плывут...

Перевод Виктора ШИРОКОВА

НЕОБЫЧНЫЙ МАРТ

Вновь под дождем тебя встречает кто-то,
 И мысль, как март, изменчива опять;
 Предоставляю право быть правдивым
 Тебе, простым, но в пошлость не владать.

Твой зов давно в себя впитало небо,
 День рядом шел, чужой, глухонемой;
 И мокрые одежды встречных улиц
 Казались декорацией сплошной.

Дождь перестал на время, вышло солнце,
 И так хотелось мне понять ясней:
 Твое молчание — предупрежденье
 Иль подтвержденье сухости твоей?

И хватит шуток, легкости игривой;
 Не стоит жизни красное слово,
 Ведь где-то есть не маска, не обличье,
 А подлинное честное лицо.

И ты, устав от горестной бравады,
 Придешь к себе открытым до конца;
 Весна тебя осилит непременно
 И снова старца превратит в юнца.

Пусть под дождем тебя встречает кто-то,
 И мысль, как март, изменчива опять;
 Ты все играешь, роль твоя понятна,
 Как просто ты умеешь предавать!

Перевод Виктора ШИРОКОВА

ОСЕНЬ

Я тебе подарю
 по платанам растекшийся
 июль
 и пальцами чуть прикоснусь
 к изнемогшему августу.

А потом напишу о любви —
за слезами уж не разглядеть
ничего, кроме лета.

Я не здесь,
насовсем
я осталась в тех днях,
чтоб сумела тоска
отыскать в них тебя,
и ты вспомнил меня.

ЗВЕЗДОПАД

Поделили небосвод созвездия,
месяц между ними вперевалочку
все расхаживает — будто без толку,
а на деле призывает и влечет меня..
И вокруг все трепетом охвачено —
чьи-то звезды вниз скатились в тихом холоде...

* * *

Мы себя друг в друге потеряли..
Сколько времени прошло!..
Давай начнем сначала
тот поиск,
ведь иначе мы возненавидим
друг друга.

ГОРОД НА ЗАРЕ

Другу — литовскому поэту

В твоём городе я не была —
и не видела крыши в тумане,
что всползет на них с каменных плит
под таинственный звон утром ранним..

Колокольцем своих каблучков
под лучами процокают звонко —
белогривы, стройны и горды —
по тем плитам глухим амазонки.

Но доспешно — пред тем, как сквозь тьму
новый день свои веки размежит, —
кто-то шепчет: „As myliu tave“¹,
чтобы этим кого-то утешить...

А лучи, словно солнца жрецы,
преломясь, преклонили колена.
Уходящим тревогам ночей
день неведомый всходит на смену.

В твоём городе я не была...

¹ «Я люблю тебя» (лит.).

Перевод Левана БЕДЖИЗАТИ

Мальвина ТОИДЗЕ

* * *

Мама, распахивай двери!
Тучи идут к нам в гости.
Видишь? — тени гостей задели
зеленые склоны наших отрогов.
Скорее, мама, огонь в пещере!
Чужие гости у нас на пороге.

* * *

Ночью вчерашней сон мне привиделся, мама,
Будто в нашем саду с птицами шутит высокий,
кто-то высокий крутит длинною палкой.
Был он прекрасен, как сказочный рыцарь, мама.
Из-за угла я незаметно смотрела,
Как наполняется сад крыльями и щебетаньем.
Сердце кружилось от радости.
Мама, открой,
что означает мой сон,
кто этот птичий угодник?

* * *

Рисует весь день
коней темно-красных
со вздыбленной гривой.
Кто рассердил ребенка?

Перевод Марины ГЕОРГАДЗЕ

Лия ДЖАКЕЛИ

* * *

Знаю, смерть, ты всемогуща, —
и кто я, чтоб ты предо мной спасовала?
И все-таки — слышишь? —
пускай с тобою обручена
я с колыбели,
любовь моя — жизнь.
Каждый день
я с нею тебе изменяю...

СЛЕЗА

Давай-ка припишем
иным причинам
твое гостеванье...

* * *

Внезапная улыбка,
что раскрылась на твоём лице. —
радужный зонт в ненастье.

Перевод Наталии ГЕНИНОЙ

Александр ГАБУРИ

* * *

Я мечтаю вновь о небе,
О чохе волшебной Бога...
Ложь и правду время терпит,
А счастливых так немного.

Ты самим собой задавлен,
А другой разведал космос...
Жаль, приняв луну за данность,
В ней ты видишь только косность.

Стану на пороге жизни,
Дождь сменяет снег недаром...
Время смотрит с укоризной...
Все равно я... благодарен!

Жизнь пускай — кусок шагрени,
Ты пришла! В такое время!

Перевод Виктора ШИРОКОВА

Михаил ЕЛИГУЛАШВИЛИ
Натела ХАЛАТЯН

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

Сейчас уже не вспомнить, кто из наших собеседников произнес эту фразу. Мы встречались с десятками людей, узнавали новые факты, записывали воспоминания. А эти слова даже записывать не стали. Они прозвучали так хлестко, произнесены были с такой болью, что забыть их невозможно. «Если все это действительно и нужно было бы для строительства коммунизма, то коммунизм такой ценой нам не нужен». «Нам...» Если бы в это местоимение вкладывался обобщающий смысл, имелась бы в виду, к примеру, вся страна, весь народ, было бы проще — человек высказывает свой взгляд

Сегодня все мы с особым пристрастием всматриваемся в нашу историю, изучаем документы, вслушиваемся в свидетельства тех, кто пережил лихолетье. Историки и социологи оперируют цифрами жертв — миллионы, десятки миллионов. Но ведь за каждой единицей в этом скорбном мартирологе — судьба живого человека, сломанные биографии его родных, близких, знакомых. Поэтому то, что происходило во всей стране в те роковые годы, что произошло по Грузии жесткой смертоносной бурей — это не «графа» в учебнике истории, а наши боль и страдания. В предлагаемых материалах о деятельности Берия говорят не просто жертвы беззаконий, а бывшие земляки, знавшие его по родному селу, по учебе в Абхазии, по первым годам «государственной деятельности», что придает им еще больший интерес.

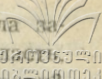
на некие процессы, пытается выйти на какой-то социальный, или там философский уровень анализа. Но в данном случае подразумевались абсолютно конкретные люди, конкретное поколение. И самое страшное то, что речь шла о поколении, которое действительно искренне верило в светлые идеи борьбы за коммунизм, было готово на любые жертвы ради торжества святых идеалов. На любые жертвы, кроме таких, нет, не массовых, хотя это правда, не жестоких, хотя и это правда. НЕ-СПРАВЕДЛИВЫХ. Преодолеть можно все что угодно — боль, страдания, утраты... — но предательство тех, кто является для тебя святыней, в кого беззаветно веришь, может сломить кого угодно. Ведь крах веры в конкретных людей означает крах веры в идею, с которой имена этих людей отождествляются. Неужели мы никогда не отучимся отождествлять явления с людьми? Так было тогда, в тридцатые годы. Так, порой, происходит и сейчас. Проще ткнуть пальцем в кого-то и сказать: «Виновен!» Но, когда речь идет о процессах, искать их истоки нужно все же в объективной реальности, а не в личностях, которые стали ее проводниками. Был Ягода, был Ежов, был Берия, были другие палачи. Но на их месте вполне мог оказаться кто-нибудь другой, и вряд ли что-либо изменилось бы.

Небольшая деревушка неподалеку от Сухуми — Мерхеули. Живет своей жизнью, работают в поле колхозники, учатся в школе дети... Так же, как и пятьдесят лет назад. Здесь родился на исходе прошлого столетия Лаврентий Берия. Обычный сельский мальчишка, которому суждено было стать одной из самых зловещих фигур в истории нашего государства.

Его фигура постоянно будет появляться в нашем материале. Это неизбежно. Потому что судьбы людей, о которых мы рассказываем, так или иначе пересекаются с Берия, оказываются втянутыми в мутный водоворот, в центре воронки которого — он. И еще. Мы пытались ответить на один вопрос: что несло людям, лично знакомым Берия, это «преимущество».

Меги Алексеевна СЕМЕРДЖИЕВА-КАЧАРАВА:

— Мой муж, Константин Григорьевич Семерджиев был известен как один из основоположников абхазского и грузинского комсомола. Потом он долгие годы находился на партийной работе. В период революционной борьбы трижды приговаривался к смертной казни, но каждый раз ему удавалось спа-

стись. А вот в четвертый раз, когда борьба-то уже была за-
вершена, цель — достигнута, установлена Советская власть, мужу избежать расстрела не удалось. За что его арестовали!
Брат Константина, Иван Григорьевич Семерджиев был народ-
ным комиссаром здравоохранения Абхазии и личным врачом
Нестора Лакоба. В декабре 1936 года Берия вызвал Нестора
в Тбилиси. А через несколько дней нам стало известно: Ла-
коба умер. Он был любимцем Сталина, а с Берия отношения
были очень плохими. Они не верили друг другу, собирали друг
на друга компрометирующий материал, чтобы потом передать
его Сталину. И вот Лакоба скончался. Мы еще ничего не
знали, от чего, как все произошло. Лишь позже стало из-
вестно, что вечером, перед самой смертью Нестор обедал у
Берия. На второй день тело привезли в Сухуми, сотни людей
встречали поезд уже на въезде в город. Нестора очень лю-
били в Абхазии. Привезли домой. Когда вечером все разош-
лись, Иван осмотрел труп. Потом он сказал нам, что над ним
еще в Тбилиси кто-то основательно «поработал». Были выре-
заны язык, гортань, другие органы. Явно пытались что-то
скрыть. Но характерный запах миндаля, который четко ука-
зывал на отравление цианистым калием, Иван явственно уло-
вил. На следующий день Константин, который в то время ра-
ботал наркомом местной промышленности, пришел на работу.
Там сидели трое сотрудников. Он сказал: «Нестора отрави-
ли». Кто-то из тех троих не преминул воспользоваться таким
случаем. Прошло около месяца. В начале февраля мужа аре-
стовали и вскоре расстреляли. А в декабре 37-го арестовали
меня. Пришли трое, вечером, часов в одиннадцать, забрали в
чем была, в домашнем платье и легких туфельках, даже без
чулок, а ведь была уже зима. Ночь продержали в НКВД. Нас
там было тридцать человек. Все женщины, среди них, кстати,
и мать Нестора Лакоба. В шесть утра нас перевезли в тюрь-
му в Дранда. Забили в три камеры. Маленькие, тесные. В на-
шей камере, когда мы ночью лежали, приходилось с боку на
бок переворачиваться всем одновременно. Там нас уже в одной
камере сорок человек было. И в остальных, наверное, столько
же. Ведь привозили новых и новых женщин. А за что — мы не
знали. На допросы нас не вызывали, объяснений никаких в
первое время не было...

Лишь позже Меги Алексеевна и ее подружки по несчастью
узнали, что это были варфоломеевские ночи для женщин
Грузии. Их забирали десятками, сотнями, без суда и след-

ствия. Вслед за мужьями, сыновьями. Тогда им не была еще известна аббревиатура ЧСИР — член семьи изменника Родины. Тогда они еще не могли — да и пытались ли, — понять, что происходит. Они видели только, что один за другим объявляются врагами народа люди, которых они любили, кого еще вчера считали кристально честными.

Мариям Хузуевна КОЛБАЯ: — Мы тогда были совсем другими, иначе смотрели на жизнь. Нам казалось, что вокруг существуют только исторические процессы обновления и люди, наши боги, которые их вершат. Все остальное представлялось настолько мелочным и незначительным, что не должно было просто иметь место. Мы были убеждены, что комсомолец должен жить только сознанием того, что он носит это высокое звание, а другое его волновать не должно. Любовь — глупость, женитьба — не до нее. Я работала в женском отделе Гальского райкома партии. Естественно, и влюбилась, и замуж вышла. А после свадьбы, буквально через день, на мое имя пришла телеграмма, сообщавшая, что я должна ехать в Манглиси на курсы уездных партработников. Можно было бы, наверное, объяснить руководству обкома ситуацию, уверена, поняли бы. Но мне это тогда казалось невозможным — как же, раз посылают, значит, так надо для дела, а муж подождет. Почему я все это рассказываю? А вы послушайте, как я через восемь месяцев домой возвращалась. Нестор Лакоба — он тогда уже председателем ЦИКа Абхазии был — приехал в Тбилиси по своим делам, а к нам в Манглиси специально человека прислал, чтобы забрать нас. Кто мы для Лакоба были? Он — лидер. Мы — мелкие партийные работники районного масштаба. А вот не забыл, проявил внимание. И ехали домой мы вместе, в его вагоне. Всю дорогу Лакоба расспрашивал нас о нашей жизни, о работе, об учебе в Манглиси. И о семье, конечно, тоже. Узнал мою историю. И когда до Ингури доехали — тогда поезда дальше не ходили — и пересели в его машину, он вдруг говорит: «А давай, когда через Гали проезжать будем, к тебе заедем, с мужем познакомишь. Если он не такой, как ты рассказывала, знай, разозлюсь. Не должны быть у наших девушек плохие мужья». В гости он тогда, правда, не зашел, но внимание запомнилось на всю жизнь. Они вообще очень внимательными к нам были, все наши руководители, и Лакоба, и Ладария (работавший в то время секретарем Абхазского обкома КП(б) Грузии — прим. авт.), и Инал-Ипа (нарком внутренних дел —

прим. авт.), и многие другие. Умнейшие, образованнейшие люди. Но главное качество, которое мне запомнилось, интеллигентность. Ничем они не давали нам почувствовать разницу ни в возрасте, ни в служебном положении. И преданность делу социализма у меня, моих знакомых из того же поколения — тоже от них...

Из обвинительного заключения. Октябрь 1937 года.
Подлая свора врагов народа, руководимая Н. Лакоба, «...ставила своей целью свержение советской власти, отторжение Абхазии от Советского Союза, восстановление капиталистического строя и создание независимого абхазского государства под протекторатом одного из иностранных государств.

Для осуществления этой задачи контрреволюционная организация проводила подрывную диверсионно-вредительскую работу в народном хозяйстве Абхазии, особенно в области сельского хозяйства, готовила террористические акты против руководителей ВКП(б) и советского правительства, вела подготовку к вооруженному восстанию против советской власти в момент нападения капиталистических держав на СССР и проводила шпионско-разведывательную работу в пользу одной из капиталистических стран».

Нестора Лакоба к тому времени уже не было в живых, но суд шел и над ним, его имя постоянно фигурировало в выступлениях на процессе, в «признаниях» подсудимых. По делу проходили тринадцать человек — М. И. Чалмаз, М. А. Лакоба, К. П. Инал-Ипа, Д. И. Джергения, В. Д. Лакоба, В. К. Ладария, А. Ф. Энгелов, С. С. Туркия, П. А. Сейсян, М. А. Кишмария, С. Е. Эбжноу, Х. П. Чанба, К. Д. Ахуба.

Маруся Колбая присутствовала на суде. Из Гальского района было предписано прислать пятьдесят человек. Свои разрядки были и у других районов. Процесс должен был стать хорошо отрежиссированной показательной акцией. Кто был режиссером?

Говорят, за ходом процесса приехал следить лично Берия, хотя документального подтверждения этому мы обнаружить не сумели. И все же это вполне возможно, вполне соответствует образу садиста, приезжающего взглянуть на расправу со своими непосредственными врагами. Личные враги объявлялись врагами народа. «Народ — это я» — монархически проскальзывало в высказываниях и подразумевалось в действиях тогдашних лидеров.

Рассказывает директор мерхеульской средней школы Отар

Бесарионович КАНТАРИЯ, долгие годы интересующийся личностью Берия и собирающий материал о нем:

— Наша школа стоит в том дворе, где находился раньше дом Берия, здесь он родился. Но тогда средней школы в Мерхеули не было. И мать, Марта Джакели, увезла Лау учиться в Сухуми. Жили они очень бедно, Павле, по рассказам, считался вообще самым бедным крестьянином на селе. Постоянной работы у него не было, ходил по дворам, помогал кому что сделать надо было, тем и перебивался. И Марта шла, тоже приработок — от случая к случаю. А детей у них пятеро было. Но трое — от первого мужа Марты, Дмитрия Кварацхелия, который рано скончался. Его семья и помогала впоследствии семейству Берия, материально поддерживала. Даже в Сухуми деньги посылали, когда Марта с детьми туда уехала. А Павле остался в Мерхеули.

Учился Лау очень хорошо. Я с его одноклассником когда-то познакомился, Чагунава его фамилия. Он рассказывал, что Лау как одержимый был. Поставил перед собой цель: «Я должен выйти в люди!» — и потом с завидной целеустремленностью ее добивался. Сверстники играли в футбол, носились по улицам, ходили к морю... Лаврентий сидел за учебниками. И не приведи Господь в этот момент кому-нибудь громко заговорить, отвлечь его чем-то посторонним. Гнев был страшным, он мог наорать, забиться в истерику, швырнуть чем-нибудь в наглеца.

Что ж, надо отдать ему должное. Лау умел не только ставить перед собой высокие цели, но и не жалел себя ради их достижения. Первую «высоту» он взял играючи. По рассказу того же О. Кантария, после окончания школы Берия, как один из лучших учеников, не располагавший в то же время необходимыми средствами, был за государственный счет отправлен в Бакинский горный институт.

М. А. СЕМЕРДЖИЕВА-КАЧАРАВА: — Когда меня забирали, дочки были совсем маленькими. А когда выходила, они уже вуз закончили. Их родственники вырастили. Я вместо положенных пяти лет восемь отсидела. А до этого еще около года суда ждала. Нас сначала девять месяцев в Дранда держали, ничего не объясняя. Только один раз на допрос вызвали за все время. Причем почему-то очень хотел допросить меня один следователь — Паратиди его фамилия — о котором по тюрьме кошмарные слухи ходили. Но в итоге допрашивал другой, думаю, ненамного лучше. Расскажите, говорит, о контр-

революционной деятельности мужа. Я, естественно, отказалась, не могла же я придумывать то, чего не было, да еще о любимом человеке. Следователь страшно разъярился: «Зря ты раешься! Убивать мы тебя не станем, но сделаем так, что ты пожалеешь, что жива осталась». Примерно то же самое говорили и другим. Но я знаю точно, ни одна женщина, несмотря на все пытки, угрозы, унижения, не стала наговаривать на своих близких. Тяжело было. Один раз, когда нас выводили на оправку, Шура, жена Василия Лакоба, остановилась, прислонилась к дверному косяку, охнула: «Все, я больше не могу...» — и начала медленно оседать. К ней подскочила Тамара Абашидзе, помогла подняться... В тот же вечер Шуру и Тamarу вывели из камеры с вещами. Позже мы узнали, что под утро обеих расстреляли в районе Гумисты. Больше из наших тогда никто не погиб. Нас этапировали в Тбилиси, здесь мы пробыли еще три месяца, пока, наконец, та самая «тройка» не определила нам меру наказания за несовершенно преступление. Приговоры были поразительно похожи — пять лет. Но это была уже хоть какая-то определенность. До этого тяжелее всех невзгод была неизвестность, непонимание того, что происходит. Тоскливо текли сутки за сутками, страшно угнетали мысли о доме — как там наши, что с ними. Однажды ночью девочки не выдержали. Забыв про все тюремные режимы, сначала запела одна из них, потом подхватила вся камера. В дверь забарабанил дежурный: «Староста (а это была я), немедленно успокой камеру!» Девочки продолжали петь. Меня вытащили в коридор. Надзиратель, толкая в спину, всю дорогу презрительно так цедил: «Вы все подонки, троцкисты поганые...» И мат через каждые два слова. Я от обиды разревелась. За все время ни разу не заплакала, а тут... Затолкали меня в карцер. Села на пол, больше не на что было, и думаю про себя: «Не дай Бог, здесь крысы окажутся». Сажу, плачу, по сторонам озираюсь испуганно, вот сейчас появятся. А тут второй надзиратель заглянул и неожиданно добрым голосом вдруг говорит: «Успокойся, милая, все образуется». Среди них тоже порой люди попадались. Помогло. А просидела я недолго. Оказывается, подруги по камере бунт подняли, мы, мол, все пели, почему одна Меги должна за все страдать!

М. Х. КОЛБАЯ: — В тридцать седьмом году я работала помощником прокурора Грузии по кадровым вопросам. У нас коллектив дружный был, общались мы не только на работе,

ходили друг к другу в гости, хорошо знали сотрудников. Тогда арестовывали и работников прокуратуры. Одного за другим забрали около семидесяти человек, буквально в считанные дни весь состав почти полностью сменился. Мы и работать по-человечески в те дни не могли. Только прощаться ходили. Из старых сотрудников нас человека три осталось. Вызывали в НКВД и меня. Я, как водится, тоже с друзьями распрощалась, оттуда ведь до сих пор никто не возвращался. Допрашивал меня следователь Кадагишвили. Вопросы были общие — кто? что? как долго работаю? кто родители? — ничего страшного не было. Отпустил домой.

Мне моих друзей, которых забирали, очень жалко было. Но я знала и другое. Тогда ведь действительно много вредительства было, мне с этим приходилось сталкиваться. Я ведь раньше еще и судьей работала в Гали. Знаю, что бывали случаи, когда вырезали на плантациях кукурузу и высеивали табак. Разве это не вредительство? И с чаем много «химичили», тоже чтобы урожай похуже взошел. Врагов у нашей страны немало было, с ними необходимо было бороться...

О. Б. КАНТАРИЯ: — Репрессии тех лет Мерхеули тоже коснулись. Я еще молодой был, когда председатель нашего колхоза Гварамия рассказывал, как его в тридцатые годы арестовывали. Обвинили в том, что по его указанию на колхозных плантациях был высажен вареный чай, то есть, специально испорченный, чтобы не дал урожай. Гварамия продержали в тюрьме восемь месяцев. Ровно столько понадобилось, чтобы появились первые всходы — здоровые...

Из поздравления Л. Берия от Центрального Комитета КП(б) Грузии, Совета Министров Грузинской ССР в честь его пятидесятилетия. «Возглавляемые Вами в самый ответственный период сталинских пятилеток партийные организации Закавказья на основе неуклонного осуществления указаний великого Сталина обеспечили создание мощной социалистической промышленности, передового социалистического сельского хозяйства, укрепление дружбы между братскими народами Закавказья, возрождение и расцвет их культуры.

Под Вашим руководством партийные организации Закавказья разгромили злейших врагов советского народа — национал-уклонистов всех мастей, троцкистско-бухаринских и других агентов империализма.

Исключительно велика Ваша роль в строительстве социалистического хозяйства и культуры грузинского народа,

С Вашим именем связано все, чем гордится Советский Грузия — ее передовая индустрия и многогранное цветущее сельское хозяйство, снабжающее Советский Союз чаем, цитрусами и продукцией других ценных технических культур».

М. Х. КОЛБАЯ: — На том процессе мы действительно верили, что имеем дело с врагами народа, с врагами наших вождей. Мы ведь знали о том, что было покушение на Сталина, которое провалилось. О том, что готовилось второе покушение, но и его удалось предотвратить. Кроме того, на суде-то обвиняемые во всем признались. Ладария, например, просил простить его за ошибки и не присуждать высшую меру наказания, учитывая его молодость. А лидерам государства мы верили безоговорочно и безмерно уважали их. Я одно время работала в сельскохозяйственном отделе ЦК КП(б) Грузии, тогда мне нередко приходилось общаться с Лаврентием Павловичем Берия. И сегодня мне, честно говоря, странно читать, что у него был какой-то очень холодный, циничный, страшный взгляд, который выдержать было невозможно. Со всеми сотрудниками он был очень вежлив, предупредителен, интересовался нашей жизнью, помогал, если что-то нужно было.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КВАРАЦХЕЛИЯ, двоюродный брат Берия, вернее, его сводный брат, потому что родственниками они были по линии первого мужа Марты, немногословен:

— Берия? Я его почти не помню, маленький был (разница в возрасте между двоюродными братьями — чуть больше десяти лет — прим. авт.). Если что-то знаю, то только по рассказам. Так, говорили, что Лау приезжал несколько раз в Мерхеули, когда учился в Сухуми. Односельчане смеялись, что он, родившийся в деревне, о крестьянском труде представление очень слабое имел. Приехал однажды, зашел к Кварацхелия, они там виноград собирали. Он вызвался помочь. Залез на самый верх и оттуда начал гроздья рвать. Все село веселилось тогда. Виноград-то с низа лозы собирать начинают по всем законам. Бывало, приезжал бычков ловить, любил очень. А вот когда отец его умер в 1927 году, Лаврентий уже был большим человеком и на похороны не приехал. Марта приехала, хотя в последние годы они с Павле вместе и не жили, он другую женщину привел, когда она с детьми в Сухуми переехала. Жена Лаврентия приехала, она в то время ребенка ждала. А сам Лаврентий — нет.

Почему? Коля Кварацхелия не решился давать оценку

этому, прямо скажем, неординарному эпизоду из жизни Берию. Никакие дела не могли воспрепятствовать человеку приехать на похороны родного отца. Значит, причины кроются в чем-то другом. Догадок ходит много. Есть даже легенда, что Лаврентий был не родным сыном Павле, а появился на свет в результате «похождений» его матери. Более того, отцовство приписывается вполне конкретному человеку, достаточно богатому и влиятельному, с княжеской фамилией, к которому якобы Марта даже впоследствии обращалась за помощью, когда юному Лаврентию нужно было какое-то содействие. Но это не более, чем версия. Вполне можно предположить и другой вариант. В блестящую карьеру новой политической звезды, восходящей на трон, никак не вписывалось темное пятно в лице бедного побирушки. Но и это — не более, чем догадка. Холодное отношение Лаврентия к отцу, которое не сгладила даже его смерть, судя по всему, так и не получило пока фактического подтверждения, как и многое в биографии Берия.

Из речи государственного обвинителя на «абхазском процессе» прокурора Абхазской АССР Владимира Шония: — «...Выродки, подонки человечества, презренные враги абхазского народа пытались вырвать абхазский народ из братской семьи народов Советского Союза и надеть на него ярмо империализма. Эти предатели и изменники родины покушались на жизнь человека, который дал трудящимся Абхазии и всем народам Великого Советского Союза свободную и счастливую жизнь, — великого вождя народов — товарища Сталина.

Оголтелые враги народа готовили террористический акт против руководителя большевиков Грузии товарища Берия.

Подсудимые совершили чудовищные преступления. Я требую от пролетарского суда применить к презренным, подлым и коварным врагам народа высшую меру наказания — расстрел!»

На судебных процессах того времени не принято было не соглашаться с мнением прокурора. Суд под председательством председателя Верховного суда Абхазской АССР Т. Антия и в составе членов Т. Бганба, К. Коява приговорил десять человек к расстрелу и еще троих к десяти годам заключения.

М. А. СЕМЕРДЖИЕВА-КАЧАРАВА: — Мы уже знали, что страдаем за мужей, но за все годы, проведенные в лагере, мне ни разу ни от кого не доводилось слышать ропот, упреки в адрес близких людей. Нас отправили в Акмолинск,

это в Казахстане. Женщины там сидели со всего Союза. С нами была жена Тухачевского, мать Плисецкой, много других «известных родственников».

Вначале всех комиссовали. Врач определил степень тяжести труда, которым могла заниматься заключенная. Я попала в группу ТФТ — тяжелый физический труд. Врач заявил, что с моим сердцем летать можно. И меня назначили сначала бригадиром грузчиков, а потом в группу ассенизаторов. Мы собирали экскременты в бочки и вывозили их в поле. За «вредность» работы нам выдавали молоко и лишний кусок хлеба. Но эти подачки мало утешали. Запах от нас шел такой, что даже подруги по бараку умоляли: «Девочки, заходите пореже, мы дышать не можем...» Но отказываться от любой работы считали невозможным. Если не мы, значит кому-то другому придется этим же заниматься. Мне предлагали на швейное производство перейти, но я не захотела. Так и жили. И еще, чтобы совсем не захиреть, пытались развлечения себе придумывать. Своими руками клуб построили, лагерную самодеятельность организовали. Хотя какая это самодеятельность была?! В лагере профессионалов из любой области можно было найти, в том числе и искусства. Ну и меня туда затащили, когда узнали, что я раньше танцевала. Костюм из марли сшили, папаху из ваты соорудили, усы наклеили, кухонный нож, как кинжал, повесили; у меня номер был — абхазский танец.

Поддерживали себя, чем могли. Иначе и невозможно было бы. Труд тяжелейший. Грузчиками когда работали, тюки, бывало, по восемьдесят килограммов таскали. Женщины!

М. Х. КОЛБАЯ: — Я, когда жила и работала в Тбилиси, часто в оперу ходила, любила музыку, да и друзей у меня там много было. Директором театра был Чкония. Вокруг него и закрутилось «дело». Собрали бюро Орджоникидзевого райкома партии по приказанию тогдашнего первого секретаря РК Мирцхулава. Обвинение было традиционным — член троцкистской группировки. Чкония отрицать не стал. «Да, но это было давно, в 27-м году. Мы тогда не знали, что троцкисты вынашивают антисоветские планы. Мириан (Мамаладзе, секретарь парторганизации оперы, также присутствовавший на заседании бюро — прим. авт.), помнишь, ты же тоже тогда с нами был? Мы ведь ничего плохого не замыслили?» Какая судьба ожидала после этого Мамаладзе, предположить было нетрудно. Вечером того же дня в здании оперы Мириан из

пистолета застрелил Чкония. Потом он пошел сдаваться в органы. На первом же допросе подробно рассказал о своих друзьях, с кем контактировал сам, с кем — Чкония. Среди названных людей была и я. Меня снова вызвал Кадагшвили. Сначала в лоб ни о чем не спрашивал. Интересовался, с кем общалась в последнее время, к кому ходила в гости. Я перечислила. Про Мамаладзе просто не вспомнила, потому и не назвала. Но когда он наорал на меня, что я скрываю связь с врагом, я рассказала и о Мамаладзе. Скрывать-то мне нечего было. У Мириана я часто бывала, и ни о чем противозаконном никаких разговоров не бывало. Потому и о других наших друзьях, которые тоже заходили к Мамаладзе, я подробно рассказала следователю. Он меня отпустил, но взял подписку о невыезде...

Алексея Константиновича ЛАДАРИЯ, одного из первых комсомольцев Абхазии, знают во всех сухумских школах. Председатель Совета ветеранов комсомола, он охотно рассказывает о своей юности, совпавшей с первыми годами становления Советской власти в Абхазии, своем брате, Владимире Ладария, которого называли «абхазским Дзnelадзе»: — После репрессий 37-го из многочисленного семейства Ладария уцелел один я. Владимир проходил по «абхазскому делу», был расстрелян вместе с «лакобовцами». Двоюродные братья погибли кто где. Моя «контрреволюционная деятельность» начинается, очевидно, с конца 34-го года, когда я по путевке ЦК ВЛКСМ был направлен на комсомольскую работу в Таджикистан. Работал в Осавиахиме, в 36-м меня избрали вторым секретарем Сталинабадского горкома комсомола.

Какое это было время? Когда я вспоминаю о тридцатых, многие, особенно молодежь, воспринимают их как полуполюгенду-полубыль. Да, мы верили в светлые идеалы, в светлые цели. Там, в Таджикистане я и мои товарищи были полны надежд. Ради этого мы готовы были идти на лишения, работать круглые сутки, забывая о личном. Это были очень счастливые годы. Строили парки культуры и отдыха и боролись за раскрепощение женщин, создавали театр рабочей молодежи и звали комсомольцев в аэроклуб. Мы жили ясной, наполненной жизнью. Связей с Грузией я, конечно, не прерывал, приходили письма, газеты... С братом увиделся буквально накануне его ареста. Мы и не подозревали, что это — наша последняя встреча. Я приехал к нему в Люксембург (нынешний Болнис), куда Владимир был направлен по рас-

поряжению Берия секретарем райкома партии. Брат был по-
давлен, предчувствовал недоброе. Вокруг уже происходило
что-то непонятное, людей перемещали с должностей, Берия
окружал себя своими приспешниками, удалял старых партий-
цев. Но мы тогда многого не понимали.

Об аресте брата я узнал в Таджикистане, из письма его
жены. А вскоре арестовали и меня. К этому времени разгром
ЦК ЛКСМ Таджикистана уже начался (чистка в партии про-
изошла раньше). На пленуме ЦК все бюро было... исключено
из комсомола. У здания ждали машины. До сих пор не по-
нимаю, почему мне дали отсрочку на две недели. Главное
обвинение, которое мне смогли предъявить, — связь и конта-
кты с врагом народа, первым секретарем ЦК ВЛКСМ А. Ко-
саревым.

Так нас и повезли в одном вагоне, все бюро ЦК, по
спецрасписанию на Колыму. Ребята невесело шутили: «Нас
здесь столько членов партии, что можно свою партиячку
создать...»

А до этого меня год продержали в сталинабадской
тюрьме. Мучали, издевались, требовали признаний в том, что
я — член троцкистской группы. Каждого из моих бывших
сотрудников, видимо, соответственно обрабатывали, заставля-
ли наговаривать друг на друга.

Самым тяжелым испытанием было, когда грозились аре-
стом жены, иногда я слышал в коридоре детский плач (у нас
была девятимесячная девочка)...

О том, что в Абхазии был сфабрикован процесс, на ко-
тором в числе других в контрреволюционной деятельности об-
винялся и мой брат, я узнал позднее. Как и о том, что в
клане Ладария я оказался «счастливчиком», вот, дожил до
этих дней. Рассказывают, что «ладарневцев» арестовывали
всех подряд, только за то, что они носили эту фамилию. Как
в фильме «Покаяние», помните, когда согнали и посадили в
прузовик ни в чем не повинных людей, только лишь за то, что
они были Дарбаисели...

Баджгур Иснатович САГАРИЯ, заведующий отделом ис-
тории Абхазского института языка, литературы и истории име-
ни Д. Гулия Академии наук ГССР, доктор исторических наук:
— В Абхазии по так называемым делам «О контрреволюци-
онной, диверсионно-вредительской, террористической, повстан-
ческой, шпионской организации в Абхазии» и «Об антисовет-
ской националистической организации в Абхазии» были реп-

рессированы тысячи граждан из числа партийных, советских работников, деятелей науки и культуры, рядовых рабочих и крестьян. Только за один год и четыре месяца, начиная с июня 1937 года по октябрь 1938 года, было арестовано 2 186 человек, из них 794 расстреляны. Цифры эти, конечно, далеко не полные, чтобы их упорядочить, дополнить, потребуется немалый труд. Ведь сюда не вошло, судя по всему, число репрессированных, сосланных и расстрелянных членов семей «врагов народа». Аресты после этого единственного судебного процесса продолжались, но все происходило гораздо скромнее. Приговор выносили «тройки» или «особые совещания», созданные по постановлению ЦИК СССР от 10 июля 1934 года.

О. Б. КАНТАРИЯ: — Всякое рассказывают о Лаврентии Берия. Легенды ходят о его мстительности, злопамятности, чудовищном самомнении. Но я слышал о таком эпизоде. После войны это было. Приезжал Берия в Абхазию, в Гаграх отдыхал на своей даче, и в Сухуми, конечно, наезжал. Многие связывало его с Сухуми, здесь прошла его юность. Жилось семье тяжело, но были люди, которые старались помочь им. Как отец, опекал Лау некий Миха Гвазава, он в той школе, где учился Берия, преподавал детям священное писание. Чем-то выделял он среди своих учеников Лаврентия, нравился ему способный мальчишка, его усердие, исполнительность. Уважаемый был в городе человек Миха Гвазава, образованный, видный, и, как полагается священнослужителю, ходил с окладистой бородой. И вот очевидцы рассказывали, что наблюдали однажды такую сцену. Останавливается возле тротуара, где Миха прогуливался, черный автомобиль, выскакивают из него дюжне молодцы, затаскивают Миха в машину и увозят. Да, забыл сказать, что в те годы борьбы с церковью ношение бороды приравнивалось к самым тяжким преступлениям. Все и решили, что за нее-то священника и забрали. А Миха привозят напрямиком... на дачу к Берия. Гвазава, наверное, уже и с жизнью распрощался, приготовился к самому худшему. Встречает его сам Лаврентий: «Не узнаешь меня, учитель? Это я, Лау! Не бойся ничего. Перестарались мои ребята, но ты — не бойся. Ты ведь не обычный священник, — Берия пристально посмотрел ему в глаза и, сделав ударение на слове «тебе», продолжил. — Тебе бороду носить можно». С тем и отпустили Миха.

А. К. ЛАДАРИЯ: — Я верил до конца в абсолютную невиновность моего брата. Понимал, что дело, по которому про-

ходил Владимир, было от начала до конца сфабриковано. Кому это было нужно и кто стоял за всем этим, в те годы разобраться было трудно. Каждый верил в то, что лично близкие репрессированы безвинно, а по газетам тех лет выходило, что вся страна была опутана «шпионско-диверсионской» сетью.

Тогда, в 37-м, в Таджикистане, мне казалось, что жизнь кончилась, я шел по литерной статье, за КРД мне присудили 10 лет, оторвали от семьи (дочка отказалась от фамилии Ладария), лучшие годы прошли в лагерях. Сначала на Колыме, потом, когда в 49-м году началась повторная волна репрессий, попал в Красноярский край, на вечное поселение. Почему так сложилась жизнь у меня и моего поколения, как ни парадоксально, у многих из тех, кто пламенно боролся за новую жизнь? Меня арестовали не за то, что я — брат Владимира Ладария, а за какие-то мифические связи с троцкистами. Бессмысленно было доказывать, что ни в моих, ни в его помыслах не было ничего враждебного. Дотошно изучались письма брата ко мне. Не находя ничего компрометирующего, требовали, чтобы я признал его вину. Я все отрицал, терять мне было уже нечего.

Дело было не во мне и не в нем. Нужно было всех вокруг тотально сделать врагами, чтобы в борьбе с ними утверждать свою власть, власть аппарата, превращавшего всех в безропотных рабов.

Из приговора специального присутствия Верховного суда Абхазской АССР. «Ладария Владимир Константинович обвиняется в том, что а) является активным участником контрреволюционной, диверсионно-вредительской, шпионско-повстанческой организации в Абхазии, ставившей себе целью свержение советской власти и отторжение Абхазии от СССР, б) был в курсе и принимал активное участие в диверсионно-вредительской и повстанческой деятельности контрреволюционной организации в Абхазии, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 19—58², 58⁷ и 58¹¹ Уголовного кодекса Грузинской ССР».

М. Х. КОЛБАЯ: — Семь дней материалы с процесса, с судебных заседаний по радио передавали. Семь дней и сухумцы, и гальцы, и вся Абхазия были ни живы ни мертвы. Приходила с заседания домой, и те, кто знал, что я все видела своими глазами, и «врагов», и судей, заставляли все заново рассказывать, как кто себя вел, что говорил. Не-

давно почитаемые и любимые люди признавались в преступлениях. Трудно было не верить в эти признания, мириться с тем, что люди напраслину на себя возводили. Все перепуталось, перемешалось, кто на самом деле вредителем был, а кто зря пострадал. Когда предателем становится тот, в кого веришь, как дальше жить? Мы, мое поколение, я так думаю, сейчас наполовину мертвы. Где наши идеалы? Где наша вера?

Б. И. САГАРИЯ: — Полное игнорирование законных прав граждан, фальсификация фактов и т. д. — характерная черта политических процессов того времени. Путем угроз, насилия и обмана обвиняемых вынуждали давать ложные показания, оговаривать себя и других. Попытки были самыми жестокими. Именно таким путем Владимира Ладария заставили сознаться в своих «чудовищных преступлениях».

М. Х. КОЛБАЯ: — Известие о смерти Нестора Лакоба свалилось как снег на голову. Буквально накануне вечером видела его и Берия с женой в опере. Все было так красиво, празднично, мы еще долго с мужем обсуждали эту встречу. А утром — звонок, директор гостиницы в трубку взволнованно кричит: «Нестор умер!» У всех, кто только узнал эту страшную новость, сразу промелькнула мысль о том, что Нестор умер не своей смертью. Помчалась в больницу на Камо, куда, говорили, отвезли Лакоба. Честно говоря, не верилось, что его уже нет. Грешным делом думала, что сгубила его одна маленькая слабость — до перцовки был охоч, с собой постоянно бутылочку маленькую в кармане носил. В больнице под белой простыней и увидела его в последний раз. А потом по городу слухи поползли, что отравил его Берия, когда они вечером у него дома ужинали. Не верилось. А потом многое прояснилось, когда Берия не приехал на похороны Нестора, хотя по всем официальным протоколам полагалось бы.

Трудно было жить без веры. Люди себе не доверяли, друг на друга кидались. Сейчас легко обвинять. Сталин, Берия, мол, всю несправедливость эту вершили. А каково было нам тогда? Да, был процесс по «абхазскому делу». А потом, в 38-м, состоялся пленум ЦК ВКП(б), на котором говорилось о «перегибах, имевших место...» и т. д. Берия по радио выступал. Мы друг друга поздравлять бросились, на улицах праздник был, «смутное время», казалось, кончилось.

А. К. ЛАДАРИЯ: — Сколько в лагерях отсидел, семью потерял, близких, сколько человеческого горя пришлось уви-

деть, примерно таких же, как моя, историй выслушать, и все равно, был уверен, что если узнает о народных страданиях великий и мудрый вождь, вмиг все образуется. Сколько Сталину писал, справедливости искал. В последний раз, в 49-м; как раз в Москве тогда был, принес заявление на Лубянку, в котором всю свою историю рассказывал, хотел, чтобы до Берия оно дошло. Полковник в приемной прочитал его, и, разорвав на мелкие кусочки, посоветовал поскорее ноги уносить, пока цел. Он-то знал, что делает. В то время лучше было не высовываться, не напоминать вообще о своем существовании. Я, видите ли, реабилитации захотел. Да меня могли посадить по третьему кругу только за то, что я произношу фамилию Лакоба (моя двоюродная сестра была замужем за младшим братом Нестора, всю семью репрессировали за это родство). За то, что высовываюсь. С сыном Нестора, Рауфом, произошло примерно то же. Когда отца убили, его кто-то из родственников увез в Россию. Через несколько лет он дал о себе знать, и его не пощадили.

М. А. СЕМЕРДЖИЕВА-КАЧАРАВА: — Порой даже не верится сегодня, что человек способен столько вынести. Но мы не ожесточились, не озлобились. Мы вернулись домой постаревшие (в 25—30 лет), больные, никому не нужные, даже спустя годы после официальной реабилитации мы несли на себе клеймо «врагов». И это происходило не только на бытовом уровне («мало вас резали» — могла бросить в лицо иная соседка), многие не могли найти работу, мыкались, просили, обивали пороги. Кстати, на поклон приходилось идти к тем людям, кто чинил в тридцатых над нами расправу. Что помогло нам выжить в те годы? Нет, сверхъестественного здесь ничего не было. Я не имела права умирать, потому что тогда мои девочки никогда не узнали бы правды обо мне, об отце. Только ради этого я должна была выжить. Откуда силы брались, сама не знаю. Помню, перекинули меня на новую работу экспедитором, продовольствие для лагерей возить, сырье всякое ссыльным для работы. Но надо было еще боевое крещение пройти, доверие оправдать. Ох, не забуду до смерти эти «испытательные» поездки. В первый раз отрядили меня в Долинку, кожу везти. Дали хлеба ломоть, кусочек сала, посадили в товарняк вагоны сопровождать. Едем неделю, морозы под сорок, все окоченело, даже есть не могу. Чувствую, еще немного, и погибну. Залезла в тюки с кожей — часа не вынесла, вонь страшная. Под конец так худо стало, что не вы-

держала, кинулась к машинисту, дай, говорю, погреться. Впустили, без чувств упала, всю ночь в беспмятстве пролежала. Так и добралась. Похуже пришлось, когда за сахаром на завод поехали. 600 килограммов надо было загрузить и привезти, а нас-то двое всего. И подруга, что со мной поехала, еще слабее меня, тоже из арестованных. Да кляча в повозку запряженная. Приехали в Долинку, только загрузились, видим, пурга начинается. Не хотели нас отпускать. Завскладом из наших мест был, грузин (тоже срок отбывал), отговаривал ехать. Но мы стояли на своем, ничего, мол, с нами не случится. В лагере нас ждали к определенному сроку, и опоздание могли как побег расценить. Только выехали, через полчаса такое началось!.. В двух шагах ничего не различишь, к тому же лошадь с дороги сбилась, куда бредем, сам черт не знает. Наташа держит лошадь под уздцы, а сама вся трясется от страха. За несколько дней до этого волки в степи кого-то из арестованных разорвали. Возвращаться на базу, бросив лошадь и груз. — еще пять лет заработаешь. Решили, будь, что будет, бредем дальше. Ночь, кажется, никогда не кончится. Вдалеке вдруг огоньки какие-то мелькнули и — в сторону. Наташа замерла как вкопанная, волки, говорит. Я — словно каменная, ну ничего не чувствую, ни страха, ни холода, ни боли. Прошли еще немного — исчезли огоньки, видно, Бог миловал. Лошадь еле тащится, от снега груз наш отяжелел, словно свинцом налился. Если повозка перевернется, и лошадь погибнет, груз нам не поднять. Не знаю, какая сила нас вперед толкала. Под утро замаячила сквозь снежную пелену длинная цепочка огней — на железную дорогу вышли, по ней и добрались до лагеря. А там уже, оказывается, паника, команду собирают на наши поиски отправлять: побеги случались. Конец почти всегда плачевным был.

А. К. ЛАДАРИЯ: — Как я уцелел в ГУЛАГе? Часто ко мне обращаются с этим вопросом. Не знаю, человек, видимо, способен многое переносить, даже то, что кажется выше его сил. А самое тяжелое для нас было, когда, казалось, все кончилось, к жизни можно возвращаться и вдруг — снова проходить (как мне пришлось в 49-м) через допросы и обвинительные заключения, где, как в кошмарном сне, слово в слово повторялась прежняя ересь, будто вновь на двоих 37-й. Опять — ссылка, опять — все сначала. Только в 1960 году смог вернуться на родину. Позвал меня тогдашний предсовмина Абхазии А. Лабахуа. И в партию я вступил во второй

раз лишь в 1958 году, в Свердловской области, хотя по моему стажу мне должен идти с 30-го, но те мои документы затерялись. А сколько еще моих ровесников (и тех, кто и тех, кого уже нет), кто так вообще и не восстанавливается в партии, кто не сумел вернуть себе имя честного партийца. Только сейчас эта работа начинается.

У нас окружены всеобщей заботой и вниманием ветераны партии, Великой Отечественной, это все, безусловно, правильно, очень нужно. Но, скажите, по чьей вине, когда вся страна с врагом воевала, миллионы здоровых и физически крепких людей в вечной мерзлоте ковырялись? Сколько полегло в братских могилах тех, кто прокладывал потом и кровью своей шоссейные дороги в Сибири, осваивал земли в Казахстане?

Из постановления бюро Абхазского обкома КП Грузии от 17 марта 1988 года. О посмертной реабилитации Какучая Николая Степановича (член партии с 1918 года по сентябрь 1936 года, партбилет № 0874339 образца 1926 года). «Решением бюро Сухумского горкома партии от 3 сентября 1936 года т. Какучая Н. С., председатель Верховного суда Абхазии, был исключен из рядов партии как двурушник, скрытый троцкист, обманным путем оставшийся в рядах партии и на руководящей работе. Это решение было подтверждено постановлением бюро Абхазского обкома КП Грузии от 4 сентября 1936 года и бюро ЦК КП Грузии от 21 декабря 1936 года. Закрытым судебным заседанием выездной сессии Военной коллегии Верховного суда Союза ССР в г. Тбилиси 30 октября 1937 года Какучая Н. С. был осужден к высшей мере наказания.

Постановлением пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1961 года вышеуказанный приговор отменен и дело Какучая Н. С. прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления».

Идет реабилитация. Для иных — посмертная, для других — прижизненная. Запоздалые извинения за чужие ошибки. Они нужны, хотя бы как моральная компенсация. Не исчерпывающая, не искупающая. «Вечная мерзлота» — промелькнуло в рассказе Алексея Константиновича Ладария. Нет, это не географическая координата, но координата человеческой боли и страдания. Холод тех страшных лет навечно сковал их сердца, заморозил душу народа. Этот лед не растопить ни одной реабилитацией. Каждый из этих людей мог ска-

зять о себе: «...я насквозь промерз, на века. Я подковой вмерз в санный след, в лед, что я кайлом ковырял, ведь ^{идеологом} двадцать лет протрубил по тем лагерям».

М. А. СЕМЕРДЖИЕВА-КАЧАРАВА: — Когда умер Нестор Лакоба, жена его, Сария, собрала все материалы, по которым можно было судить о взаимоотношениях Нестора и Берия, и о причинах этого конфликта, и повезла их в Москву, Сталину. Понимаете, при всем том, что происходило, мы, жены, не проклинали наших вождей, верили им. Но Сталин Сарию не принял, материалы были переданы сначала Андрею (о его деятельности сегодня в публикациях прессы открывается много «интересного»), а потом от него пошали к Берия. Нетрудно догадаться, какой была его реакция. Допрос Сарии Берия не доверил никому. Впрочем, то, что происходило на «приемах» у Берия, «допросом» назвать нельзя. Попытки были самыми изощренными. У Сарии были вырваны ногти, волосы, тело было похоже на сплошную рану. На труп было страшно смотреть. Палач владел своим искусством отлично.

О. Б. КАНТАРИЯ: — Трудно сказать, легенда ли эта история или правда. Но известна она довольно хорошо. К кому-то из писателей на дачу в Гульриши в шестидесятых годах приехал друг, довольно высокий чин Комитета госбезопасности, и они вместе решили съездить отметить встречу в мерхеульский ресторан. Выпили, как водится, разморяло гостя — время летнее — и он решил в речке искупаться, которая здесь же, рядом с рестораном, течет. Разделся, нырнул... Пара секунд прошла, он с диким воплем выпрыгивает обратно. Народ к нему — что случилось?! Сначала слова вымолвить не может, дрожит, как на морозе, руками машет, глаза таращит. Потом пришел в себя, наконец, и тихо так другу на ухо шепчет: «Слушай, там... Берия!» Выяснилось, когда приказ был по всей стране памятники Берия снимать, директор ресторана его выполнил вполне прилежно, выбросив каменное изваяние, стоявшее во дворе, в реку, но на всякий случай цепью к валуну привязал, кто знает, вдруг времена изменятся, пригодится еще памятник — не новый же заказывать.

Может, и легенду поведал учитель. Но эта история из тех, которые, «если бы их не было, нужно было придумать». Времена могут измениться. Уродство и ужас былых явлений еще не гарантируют того, что они не повторятся. Мы знаем, что они не должны повториться. Но знать — недостаточно. Об-

щество, которое могло допустить такое санкционированное зверство, нужно лечить.

М. Х. КОЛБАЯ: — Сегодня не стреляют первого под руку подвернется, но и порядка-то тоже нет! Первое, с чего нужно начинать перестройку, всех взяточников разоблачить, тех, кто нетрудовыми доходами живет. Я бы прямо по домам пошла, посмотрела, кто как живет. Сейчас, чтобы к высшей мере присудили, нужно на сотни тысяч госимущества награть, гуманнее закон стал. А раньше по знаменитому указу 1931 года за хищение государственного имущества независимо от размера присуждали минимум десять лет, а нередко и расстрел. Жестоким закон был, зато люди красть боялись. Гуманность, кстати, нам тоже не чужда была. Я однажды за нее даже поплатиться могла, но, слава Богу, пронесло. Я судьей тогда в Гали работала. Мне пришлось судить человека, который украл три килограмма кукурузы. Проступок, по закону, серьезный, должна была десять лет, как минимум, присудить, но пожалела человека, видела, что раскаивается — дала только пять. И что вы думаете? Родственники осужденного поехали в Тбилиси, к адвокату Ольховскому, жаловаться: «Как это так. За какие-то три кило целых пять лет!..» Ольховский их отправил обратно, вы, говорит, ноги этой женщине целовать должны...

Из статьи «Мерхеули», опубликованной в газете «Заря Востока» 29 марта 1949 года, в день пятидесятилетия Л. Берия: «Село своим внешним обликом напоминает городок. Ярко выделяются белые здания сельсовета, школы, больницы, кооперативного магазина.

Отсюда, словно на ладони, видны здания восьмилетней школы, электростанция, лесопильный завод, животноводческие фермы. Вокруг раскинулись яблоневые сады, цитрусовые рощи, виноградники, тунговые леса, плантации благородного лавра, табака, кукурузные поля.

Обладателем всех этих богатств является колхоз имени Берия, объединяющий 124 хозяйства. Он славится своими обильными урожаями.

В Мерхеули сегодня шесть колхозов. Все они живут богатой, культурной жизнью, быстро идут вперед.

...Старая жизнь ушла в прошлое безвозвратно, навсегда. Над Мерхеули ярко горит заря новой жизни. И струи реки Мачары поют сегодня о торжестве социализма».

Н. Н. КВАРАЦХЕЛИЯ: — На моей памяти Лаврентий приезжал в родной Мерхеули всего лишь раз, во время войны, когда немцы подступали к перевалу, и этот участок фронта поручили Берия. В один из дней по селу в сторону перевала промчалась вереница черных автомобилей. На обратном пути они сделали в Мерхеули остановку. Вокруг собрались люди. Берия многих узнавал, хотя и маленьким совсем был, когда отсюда уехал. Вечер, вероятно, выдался относительно свободный. На берегу реки пообедали. Даже порыбачили потом недолго. Лаврентий после ребятью мерхеульскую собрал, раздал каждому по рыбине. И с каждым еще словом перекинулся — чей сын? как живет? — всем интересовался. К ночи уехали.

О. Б. КАНТАРИЯ: — А еще рассказывали, что во время войны Берия проезжал однажды мимо мерхеульской развилки, увидел свой памятник и поморщился — зачем, мол, нескромно это. Даже вскользь оброненное его слово, сами понимаете, было законом. Памятник сняли. А вообще, не счесть, сколько его памятников в Мерхеули и по всей Абхазии в те годы стояло. И школа наша имя Берия носила, и в ее дворе стоял памятник.

...Сегодня во дворе стоит бронзовая фигурка аккуратного мальчика-пионера с горном. О существовании Берия не должно напоминать ничего. Понятие «Берия» выкорчевывалось с корнем. По одной из версий, которую нам тоже рассказали в Абхазии, Берия был «казнен» даже не так, как это подавалось официальными источниками. В ГДР, где в то время находился Берия, позвонил его помощник. Диалог шел на мегрельском. Шария сказал: «Не прилетай, в Москве туман, нелетная погода». Берия намек понял, но самоуверенно заявил: «Все будет в порядке, со мной ничего не случится». Едва самолет приземлился в аэропорту, его обстреляли, разнесли буквально в клочья. По той же версии, во всех дальнейших событиях участвовал двойник Лаврентия Берия, похожий на него, как две капли воды. Единственная разница — он не говорил по-мегрельски. На суде один из людей, ранее знавший Берия и заподозривший подмену, встал и вроде бы обратился к суду: «Пусть он что-нибудь по-мегрельски скажет». Подсудимый промолчал. А человека того вывели из зала суда, и больше он там не появлялся. Но, снова повторяем, это только версия. Зато достоверен другой факт. Ни в одном из изданий Большой Советской Энциклопедии статьи «Берия» нет.

Том второго издания БСЭ, в котором по алфавиту ей полагалось быть, подписан к печати в 1950 году! Расцвет карьеры. Даже, если принять во внимание треня последних лет со Сталиным, — факт беспрецедентный. Зампредсовмина страны в энциклопедии должен быть. Люди со стажем свидетельствуют. Статья и была. Но позже, в 53-м, уже давно подписанный и начавший распространяться тираж был вновь собран, а затем отпечатан заново.

Если бы так же, одним взмахом руки, можно было бы изъять страницы из жизни народа. Если бы вместе с фамилиями исчезали бы болезни общества, но ведь болезни это не фамилии.

А. К. ЛАДАРИЯ: — Нас выпускали из лагеря и выдавали каждому по 150 рублей. В первый же вечер я и восемь моих друзей по заключению собрали эти деньги вместе и прокутили их в одном из свердловских ресторанов. Это было через несколько дней после смерти Сталина...

Этим отрывком из воспоминаний наших героев мы и хотим закончить. Страна оплакивала вождя. Она еще не успела осознать всего, что пережито. Страна пьяно кутила в ресторанах. Она хотела забыть, что пережито. Осознание и осмысление придут позже. Вместе с ними придет отвреждение. Через тяжелое, горькое похмелье.

Тбилиси—Сухуми—Мерхеули—Гали—Тбилиси.

Акакий МИНДИАШВИЛИ

В ЛАБИРИНТЕ

«Суетен человек, и дни проходят, как тени»

Псалом.

О новом альманахе «Сатаве» («Истоки»), перефразируя слова Максима Горького, можно сказать следующее: возможно, те критики, которые невооруженным глазом видят на солнце пятна, найдут в нем немало недостатков. Это их профессиональная обязанность. Во всяком случае, они уверены, что именно в этом смысл их ремесла. Я же в каждом новом литературном явлении ищу положительные стороны, в каждом новом человеке — достоинства...

Моей целью и было выявление прежде всего достоинств альманаха, которые безусловно оправдывают его появление в нашей литературной жизни.

В альманахе представлено творчество тридцати четырех молодых авторов, вышедших на арену нашей литературы в восьмидесятые годы, в том числе — шести прозаиков.

Предмет особого внимания молодых, судя по «Сатаве» — проблема современной грузинской семьи.

Эта проблема находит интересное художественное воплощение в произведениях Котэ Джандиэри «Семейная хроника», Кети Мегридзе («Автопортрет»), Лаши Имедашвили («И ты, как все»), Илья Самсонадзе («Счастливый билет»), Зураба Самадашвили («...»).

В повести Котэ Джандиэри «Семейная хроника» члены семьи поддерживают между собой связь с помощью писем, так как для непосредственного общения и разговоров у них никогда нет времени. Повесть состоит из писем, написанных друг другу членами семьи. Но композиционно эти письма так мастерски «вмонтированы» в текст, что «форма» повести как бы «растворяется в самой себе», и на первый план выступает содержание — история жизни одной семьи, духовный, психологический мир каждого из ее членов. Каждодневные семейные конфликты, споры, недоразумения, ссоры, события, эпизоды, сцены развиваются в «Семейной хронике» с таким внутренним динамизмом, что, кажется, повествование с начала же, с первых же страниц несется к финалу. Сильно заряженное художественное пространство рассказа вселяет в нас ощущение тревоги, наполняет предчувствием возможной катастрофы, трагедии. Все члены семьи: бабушка Анна, мать Диана, отец Кристо, сестра Мирца, брат Нико настолько захвачены «бесмысленной объективностью» жизни, что только тогда ощущают тепло бытия и друг друга, когда, запертые в своих комнатах, разобщенные, они вступают в созданное ими же самими «поле напряжения» для очередных конфликтов и истерик. Абсурдность их положения обусловлена отсутствием возможности духовного сосуществования. Живя под одной крышей, они бесконечно далеки друг от друга...

Перед нами наглядно предстает типичная картина нелегкой жизни рядовой современной грузинской семьи. В этой семье никому ни до кого нет дела. Каждый по-своему одинок, погружен в повседневные хлопоты суетной жизни. Все в этой семье бесплодно за исключением грустного дуэта брата и сестры. Они еще не очерствели душой и способны услышать друг друга. Именно на фоне этого дуэта более рельефно проявляется та разобщенность, которая характеризует отношения между родителями и детьми и между самими родителями. Однако в воспроизведенной Котэ Джандиэри жизни грузинской семьи еще нет той радикальной отчужденности ее членов, характерной, к примеру, для героев пьес С. Беккета («Конец игры». «Игра»), которые, правда, писем не пишут, а непосредственно разговаривают друг с другом (сидя на мусорных баках в полутемной комнате), при этом абсолютно не понимая друг друга. Они настолько выродились, что уже не знают, мертвы они или живы, уже не помнят, кем друг другу приходится, что объединяет или объединяло их когда-то.

Судя по повести Котэ Джандиэри, грузинская семья пока еще не дошла до такой патологической дегенерации, но та аб-

сурдная семейная атмосфера, в которой приходится жить Нико, Мирце, Диане, Кристо и Анне, безусловно, чревата ею.

Какой смысл может быть в социальной действительности озлобляющей, разъединяющей, натравливающей друг на друга даже очень близких людей? Какими мало-мальски разумными аргументами можно объяснить столь уродливые отношения между членами одной семьи?!

Действительность, способствующая уничтожению человеческого в человеке, его вырождению, — злая, «сатанинская действительность», поэтому она должна быть радикально изменена.

Но герои «Семейной хроники», которые беспрестанно требуют от других изменения их бессмысленной семейной жизни, сами не способны предпринять ни одного действенного, умного, перспективного шага. После чтения повести остается впечатление, будто социальная действительность, порождающая такие семьи, и эти семьи, состоящие из отчужденных людей, подчиняются некой иррациональной силе, от которой никак не могут освободиться. Сознание этого рождает в них чувство глубочайшей безысходности, оно же толкает Нико на самоубийство (как единственно возможный выход)...

Атмосфера и окружение, в которых живут Нико и Мирца, сформировались за десятки лет до их рождения и воспринимаются ими как неизбежный, непреодолимый рок.

Правда, в финале повести Котэ Джандизери появляется проблеск надежды на перемену к лучшему, но члены семьи и после происшедшей трагедии не знают, как им жить, какие практические шаги предпринять для того, чтобы несчастье больше не повторилось.

Из произведений молодых авторов, представленных в альманахе «Сатаве», явствует, что процесс урбанизации, уклад городской жизни разрушают формировавшуюся на протяжении веков традиционную структуру семьи и заменяют ее неким новым, антигуманным вариантом семьи с разобщенными поколениями, деформированными человеческими отношениями.

Рисуя мрачными красками нестабильность и неблагополучие современных семей, молодые писатели дают почувствовать читателю катастрофичность формально существующих семей с их духовной разобщенностью, катастрофичность, которая представляет угрозу не только для семьи, но и для всего народа. Ведь жизнь каждой семьи видимыми или невидимыми нитями связана со временем, с жизнью народа и, следовательно, с судьбой

нации! В самом деле, каким может быть будущее нации, перспектива ее существования, жизнестойкости, если с каждым днем растет число таких семей, о которых рассказывают молодые люди про заики?!
1999

* * *

Котэ Джандиэри, Ираклию Самсонадзе, Зурабу Самадашвили, Кети Нижарадзе и Лаше Имедашвили интересны не столько человеческая натура, ее сущность, сколько взаимоотношения людей между собой, с окружающим миром, место и положение современного человека в обществе, в социальной действительности. В их произведениях в этом смысле предстает довольно мрачная и безрадостная картина.

Люди фактически уже не говорят друг с другом. Даже самым близким нечего (имеется в виду существенное) сказать друг другу. Поэтому они молчат! Но это не пустое, «бесмысленное» молчание, с определенной точки зрения это весьма красноречивое молчание, которое означает: люди стали далекими, недоступными, «потерянными» друг для друга и для самих себя. Они не слышат друг друга не только, когда молчат, но и тогда, когда беседуют. По существу, их общение — это «шумное молчание», «речь немых». Своеобразную художественную реализацию этого «шумного молчания», «беседующих немых» представляют собой произведения «Счастливый билет» Ираклия Самсонадзе, «Круг» Зураба Самадашвили, «И ты, как все» Лаши Имедашвили...

* * *

Для героя грузинской литературы семидесятых, в особенности же шестидесятых годов, вне семьи, вне родного дома не существовало ни спокойствия, ни тишины, ни пристанища. Для него дом, квартира — то «маленькое царство», та своя «территория», «жизненное пространство», которым он оградил себя от внешнего мира, позаботясь тем самым о своей индивидуальной безопасности и независимости. Но со временем в литературе сперва семидесятых, а затем восьмидесятых годов понятие семьи теряет свое традиционное антропологическое и онтологическое значение. Улица, шум, хаос внешнего мира врываются в быт семьи литературного героя восьмидесятых годов. Это вынуждает его запреться в собственной комнате и замкнуться в себе (как видим это в произведениях Ираклия Самсонадзе и Котэ Джандиэри), или вышвыривает его «вон», в социум (вспомним упомянутые произведения и «Круг» Зураба Самадашвили). «Комната», «дом», «се-

мья» для современного литературного героя (современного человека) уже не могут выполнить роли пристанища, надежного убежища, фундаментальной человеческой опоры, что еще более обостряет и усугубляет его чувство «духовного одиночества», «покинутости», «трансцендентной бездомности». Он повсюду — в семье и вне семьи — воспринимается «временным гостем», «скитальцем», «вечным странником». Этот момент присутствует во всех рассказах молодых авторов, но наиболее отчетливо звучит он в произведениях Зураба Самадашвили и Лаши Имедашвили.

Как известно, раньше в творчестве грузинских писателей художественный образ «дома», «квартиры», «семьи» дополнительно имел различные символические или синонимические значения: дом как семейный очаг, дом как место «отдохновения души», дом как «память о прошлом», дом как «родительский дом» или дом предков, дом как «родная деревня», дом как «страна», как «родина», как «земля» и т. д. Во всех случаях «родной дом», «семья», «квартира» представляли собой то пространство, которое объединяло под одной крышей любящих родственников, близких людей. Но в творчестве молодых писателей, как это явствует из представленной в альманахе «Сатаве» прозы, понятие «дом» зачастую теряет эту многоплановость и для живущего в нем является не то что родным уголком и надежным убежищем, но чуждой и «вражеской средой»...

* * *

Проблема взаимоотношений между отцами и детьми в творчестве молодых авторов приобрела исключительно актуальное значение. Одной из основных потребностей подростка и человека вообще, одной из главнейших опор его бытия, его уверенности, твердости и безопасности является родительская любовь. В названных нами прозаических произведениях часть молодых персонажей уже не связывает с родителями ни прочная духовная связь, ни глубокая любовь. Своих матерей они просто любят или жалеют. С отцами же находятся в противоречивых антагонистических отношениях. Более того, порой они, как Гек Марка Твена и Жана-Поля Сартра, желают даже смерти своим отцам, или наоборот, отцы желают смерти детям («И ты, как все» Лаши Имедашвили, «Круг» Зураба Самадашвили). В творчестве молодых бледные силуэты отцов лишь изредка мелькают в поле зрения детей. Хотя отцы физически присутствуют в жизни детей, духовно они, по существу, разобщены, бесконечно далеки друг от друга. Здесь «антагонистическая зависимость» детей от отцов мо-

жет быть объяснена не столько биологически, фрейдистским «эдиповым комплексом», сколько социальной причиной — дети винят собственных отцов в том, что им приходится жить в этой подсознательно неприемлемой ими, лживой действительности.

«Слабость», «беспомощность» современного молодого человека обусловлены именно отсутствием прочной внутренней связи с отцом, с отцом не только как родителем, но и, в первую очередь, как с покровительствующей силой.

* * *

Сознательная жизнь главной героини повести Кети Нижарадзе «Автопортрет» Ланы Узнадзе начинается в тринадцатилетнем возрасте, когда ее душа выделилась из внешнего мира, среды и она познала собственное «я», а вместе с ним чувство «одинопства» и «покинутости». Лана постоянно оплакивает счастливое время своей детской безгрешности и беспечности. Как здесь не вспомнить полные боли слова известной чеховской героини: «О, мое детство, о, моя чистота!» Блаженные годы детства, когда Лана жила по ту сторону добра и зла, кажутся ей, уставшей от социальных и духовных противоречий, эмпирического существования и бытовых забот, головокружительного ритма повседневной жизни, сказочными годами. Она скорбит о том, что детство стало бесконечно далеким и недостижимым, что навсегда ушло прекрасное время, когда еще не была нарушена связь ее души с окружающими людьми, с природой, родителями, близкими, когда еще не возникали губительная саморефлексия и критическое отношение к действительности и была гармония души и тела, составлявшая некогда основу ее безгрешного детского существования:

Что-то новое, непонятное начиналось в моей жизни...

Куда ушло мое детство? Мне всего четырнадцать лет, а я уже оплакиваю его, зову, взываю к нему, ищу, как неожиданно оно бросило меня...

Детство бросило меня, но я неизменно вспоминаю его с нежностью, смешанной с болью...

Я и в самом деле не знаю, куда ушло мое детство, детство моих ровесников и вообще куда уходит детство...

Иногда мне очень хочется стать маленькой... Детство было каким-то единым, нераздельным...

Для Ланы болезнен, драматичен переход от света и божественного тепла детства, этого «земного рая», в холодную, прозаическую действительность. В четырнадцать лет на хрупкие плечи Ла-

ны ложится груз духовного одиночества. Пребывая еще в мире детства, она познает тяжесть новых грехов и ошибок... Душа ее все плотнее закрывается от божественного света, освещавшего ее детство, и оно вместе с душевной наполненностью навсегда исчезает. Но чего не может реальная действительность, жизнь, то подвластно искусству! И Лана с помощью слов и красок начинает реставрировать ушедшее детство, пытается проникнуть в уже закрытое, имманентное пространство прошлого, оживить исчезнувшее, мимолетное, преходящее, вновь превратить его в осязаемую реальность, вернуть блаженное чувство детства и полноты бытия.

Достоинство повести Кети Нижарадзе в том, что она показывает психологию ребенка, подростка не «извне», увиденной не глазами взрослого, а «изнутри», воспринятой, пережитой и осмысленной подростком же. К. Нижарадзе удается убедить нас (и это несомненно свидетельствует о ее таланте), что эти дневниковые записи начаты девочкой в тринадцать лет и закончены в двадцать три года. Мы знакомимся с внутренним миром Ланы, с ее биографией именно с помощью дневников, знакомимся в процессе ее становления, роста, развития.

Как следует из дневника Ланы, самое большое удовольствие доставляет ей творческий процесс. Именно в это время в процессе творчества происходит восстановление ее расстроенного сознания, пробуждение ее души, раздираемой противоречиями, мятущейся, потерянной в повседневной суете, возвращение на время чувства полноты бытия: «В это время я забываю обо всем. И об одиночестве, и о печали, и о том, что не могу разобраться в самой себе. Я знаю только одно: я рисую...» «Постепенно я поняла, что хочу написать автопортрет. Если мне это удастся, может быть, я избавлюсь от своего одиночества». Но в остальные дни, когда она не занята рисованием, Лану вновь мучает чувство одиночества, покинутости, опустошенности и отчаяния. Поэтому всю свою жизнь она пытается превратить в единый непрерывный творческий акт: пишет, рисует, читает, но убедившись, что это невозможно, впадает в отчаяние, губительное для нее.

Не только в «Автопортрете», но в целом в творчестве молодых писателей, пришедших в литературу в восьмидесятые годы, прощание с детством, взросление зачастую болезненно переживается героем: детство для него не просто один из подготовительных возрастных этапов человека, но самостоятельная, замкнутая в себе значительнейшая ценность. Поэтому в их произведениях чем больше персонаж ощущает тяготы старшего возраста,

тем сильнее его стремление к миру детства, к «переселению» в детство...

В произведениях прозаиков, представленных в «Сатава» всегда показано, как жестоко и грубо социальная действительность с присущими ей пороками и недостатками врывается в детский мир, но, познакомившись с молодыми героями, с их внутренним миром и окружением, мы легко можем представить себе это. И вот дети, деградировавшие под влиянием родителей, учителей и угрюмой, серой городской среды, постепенно становятся жестокими, безжалостными, злобными как по отношению к старшим, так и по отношению к сверстникам...

Каждая эпоха по-своему понимала трагическое, но есть нечто, являющееся общим для всех эпох — под трагическим неизменно подразумевалась проблема невозместимой потери. Такой невосполнимой потерей для главной героини «Автопортрета» являются школьные годы, проводимые фактически впустую и бесплодно. Лану Узнадзе мучает сознание того, что самое прекрасное время ее жизни — детство — безрадостно протекает в ограниченном пространстве школы и дома. Взаимоотношения между учениками и учителями в «Автопортрете» враждебные, напряженные, школа здесь — учебное заведение, в котором не учителя существуют для учеников, а ученики — для учителей. Поскольку педагог является проводником принятых, узаконенных взрослыми системы обучения, принципов и мировоззрения, постольку сатира и критика молодого автора, направленная против учителей, направлена и против системы обучения и методики, более того, против всего общества, ибо каково общество, такова и школа. Сегодня каждый из нас знает, в какой плачевной ситуации, в каком тупиковом положении оказались наше общество и наша школа. Выяснилось, что в наших школах учеба не «свет», а «тьма». Согласно последним научным исследованиям в союзном масштабе, почти у половины советских школьников наблюдаются психические отклонения от нормы (статья «Школа и будущее», «Литературная газета», сентябрь 1987 года). На фоне этой жуткой официальной статистики атмосфера, царящая в школе, описанной в «Автопортрете», пожалуй, не кажется слишком мрачной и неправдоподобной...

* * *

Одна из особенностей творчества молодых грузинских писателей восьмидесятых годов в том, что в их произведениях почти нет ощущения родства с природой, которое, скажем, было ес-

гественным и органичным для «шестидесятников», но уже сходящим на нет и почти чуждым для «семидесятников». У молодых авторов (в первую очередь имеются в виду прозаики, представленные в «Сатаве»), чье детство, в отличие от детства большинства писателей предшествующего поколения, полностью прошло в городской среде, в условиях созданной людьми «второй», «искусственной природы», в окружении городского пейзажа, асфальта, блоков, безжизненных серых строений, безвкусных интерьеров и безликих машин, почти или полностью атрофировано чувство «естественной природы». Городская среда с присущей ей холодностью, безликостью, угрюмостью, безрадостностью и неэстетичностью нашла яркое выражение в «Счастливом билете» Ираклия Самсонадзе.

«Поблизости от дома напротив — мусорная свалка...» «За пятиэтажными корпусами стоят два восьмиэтажных дома и высокий подъемный кран. Еще дальше — мрачные горы, как нестираемые чернильные пятна». «Это старинное с высокими дверьми, длинным коридором, в свое время отремонтированное, но незаметно разрушающееся здание с современным лифтом...» «Гиа и Миша сидят в рабочей комнате. В углу и без того маленькой и душной комнаты зачем-то без всякой нужды поставлен старинный пустой шкаф...» «Большие города укрываются от разверстой пасти заводов серыми, в пятнах, простынями, почти опрокидывая и без того неровно торчащие телеантенны на крышах».

Нас уже не может удивить исповедь человека, выросшего в окружении подобной «искусственной природы»: «Я, как родившийся в городе человек, не понимала природу» («Автопортрет»), и не удивляет, что детям непонятно, неясно стремление родителей уехать в субботу-воскресенье на дачу, их тяга к тому крошечному участку земли, который они сами иронически называют «родовым поместьем».

Одну из существенных причин реального духовного обнищания и вырождения современного человека молодые авторы видят как раз в этой фатальной, роковой разобщенности с природой. Воспитанные и выросшие в городской среде дети проводят свое детство в основном в изолированном пространстве школы, дома и машины. У них уже нет естественного чувства живой почвы, на которой растут хлеб и деревья. Сегодня, в контексте восьмидесятых годов новое, дополнительное семантическое значение приобретают слова Галактиона, прозвучавшие в свое время с трагической интонацией: «Если я босиком не прошелся по росистой траве, — что же тогда родина?!». Дети из произведений

молодых авторов воспринимают мир природы не непосредственно, а опосредованно, через книги, причем не как нечто цельное и единое, но как классифицированное, анатомированное, разделенное на роды, группы и виды, раздробленное; их души, заключенные между стенами школы и дома, питаются, в основном, «интеллектуальной пищей» — словами, понятиями, книгами; о нездоровом влиянии этого процесса на ребенка мы знаем и из примеров из мировой литературы, вспомним прежде всего образ Жана-Поля из автобиографического романа Сартра «Слова», или маленького Ганно из «Будденброков», или Тонио Крегера из «Тонио Крегера» Томаса Манна... В произведениях, опубликованных в «Сатаве», героям только с годами, в зрелом возрасте, да и то в основном в процессе творчества, удается вырваться из созданного в городской среде искусственного мира и соприкоснуться непосредственно с землей, с живой природой.

«Здесь, за городом, рисуя с натуры, я поняла, что земля нуждается в любви. В любви людей. Нельзя не полюбить землю, если хоть раз коснуться ее, пропитанной дождем и теплым весенним ветром, послушной и покорной, нельзя остаться равнодушной к горячему летнему дню, когда услышишь шорох листьев, поднятый прохладным вечерним ветерком, к удивительным ночам, щебету птиц и отдаленному беззлобному лаю собак и крику петухов и... А потом, утром — к восходу большого доброго солнца.

Всего этого в городе не испытываешь, это невозможно.

Природа — тот же бог. И я этого бога не любила.

Неужели надо было умереть отцу, чтобы я поняла, что земля — не просто земля, она всегда примет тебя, вернет надежду...» («Автопортрет» Кети Нижарадзе).

* * *

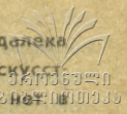
Здесь же хочу остановиться на одной весьма примечательной тенденции, проявившейся в творчестве наших молодых авторов и в свое время игравшей важную роль в творчестве приверженцев «нового романа» (А. Роб-Грийе, Натали Саррот, Клод Симон, Филипп Соллерс...). Как известно, эти романисты в своих художественных произведениях выступают не только как художники, писатели, но и как критики, теоретики литературы, искусствоведы; они постоянно рассуждают о литературе, о творческом процессе, технике письма, культуре, прочитанных книгах и их авторах, о живописных полотнах, музыкальных произведениях, используя таким

образом в качестве предмета художественного изображения не столько реальную действительность, эмпирическую жизнь, сколько саму литературу, культуру, творческий процесс... (Здесь нельзя не вспомнить «Десницу великого мастера» Константиноэ Гамсахурдиа и «Праздник, который всегда с тобой» Хемингуэя). Как я уже сказал, эта тенденция нашла свое специфическое типологическое выражение и в творчестве молодых грузинских писателей. Возьмем, к примеру, «Автопортрет» Кети Нижарадзе, в котором значительное место занимает передача творческого процесса, особенно эссенцистско-литературных интерпретаций прочитанных главной героиней, Ланой, художественных произведений, эстетических переживаний и впечатлений.

Все это говорит о том, что молодые авторы ищут новые формы, новые художественно-образительные средства и модусы для обогащения индивидуальной творческой палитры, для адекватного выражения собственного духовного мира. Но усиление этой тенденции в современной грузинской литературе, помимо наличия чисто художественных интересов, наверное, можно объяснить еще и тем, что сегодня действительность не дает писателям возвышенный, романтический материал, не вдохновляет их, не радует положительными эмоциями, и они все чаще пытаются найти все это в детских впечатлениях и воспоминаниях или в культурных духовно-интеллектуальных и литературных ценностях..

В повести Кети Нижарадзе встречаются многочисленные литературные реминисценции, намеки, параллели, образы, символы, метафоры, цитаты, перифразы из художественных произведений различных писателей. Они появляются и фиксируются в рассказе в том ракурсе, в каком лирический персонаж воспринимает, переживает и выражает реальный и духовный мир. Но культурно-литературный материал, вносимый молодым автором в художественную ткань собственного произведения, не всегда творчески осмыслен или органически, естественно вплетен в текст, в результате чего такие места порой оставляют впечатление эклектики и вторичности. Излишняя, на наш взгляд, пространная, в две страницы, выписка из известного произведения, хотя и здесь целеустановка автора понятна: сделать мысли, переживания, настроения литературного героя большого писателя своеобразным рупором собственного настроения и таким способом приблизить нас к героине, которая живет в выдуманном ею самой «художественном» мире.

Для Ланы Узнадзе искусство и жизнь в искусстве на определенном этапе ее существования превращаются в самоцель и убе-

жище, но к концу своих дневниковых записей она уже недалеко от той истины, что не человек должен существовать для искусства, а искусство — для человека, что, как говорил Ван Гог, в мире ничего более художественного, чем человеческая любовь.

Внесение литературно-культурной «информации» в художественное произведение, тенденция сделать литературу одним из главных предметов изображения могут вызвать у некоторых из нас чувство резкого протеста и неудовлетворения, лично я ничего против этой тенденции не имею, поскольку в ней мне видится не «книжная мудрость», которая, по определению Лессинга, «только высушивает мозг», или не т. н. «литературщина», но адекватное выражение еще одной особенности нашей жизни, нашего времени, неизбежный итог и отражение той роли, которую играют литература, культура в жизни современного человека, в особенности же художника (который более интенсивно живет в литературно-культурном мире, нежели в реальной, эмпирической действительности)...

В конце «Автопортрета» возникает совершенно новая, до того не свойственная этому рассказу интонация:

Я еще молода, но мне кажется, я живу уже давно...

Необычайно большую радость дарит мне мысль о том, что впереди — дорога к большой жизни!..

Через страдание — к вере! — вот как можно коротко сформулировать прожитую до этого дня жизнь лирической героини «Автопортрета». Впрочем, она пока еще бесконечно далека от Бога, от веры, но она уже знает, что единственный путь к спасению и избавлению именно в вере!..

* * *

В рассказе Лаши Имедашвили «И ты, как все» реальная действительность предстает в еще более мрачных красках. Его главный герой — тоже молодой человек. Он отчужден как от внешнего мира, так и от самого себя, т. е. самоотчужден. Если согласиться с определением абсурда, данным Сартром, положение парня в этом мире абсурдно, так как «абсурдность» в первую очередь предполагает именно отчуждение от мира и самого себя.

«Несчастное сознание» юноши противопоставлено всем и всему, так как все и все, в свою очередь, противостоит ему. В процессе чтения рассказа Лаши Имедашвили и знакомства с его главным героем невозможно не вспомнить Мерсо из «Постороннего Камю». Герой Имедашвили, как и Мерсо, — «посторонний», он также любит жизнь и в то же время думает, что у него нет пер-

спектив в будущем. И для него Бог мертв, и стало быть, всё дозволено. В рассказе «И ты, как все» такая же, как и в рассказе «Холодная», мертвая и холодная городская атмосфера, как бесплодие».

Литературные параллели и ассоциации с «Посторонним», возникающие при чтении рассказа Л. Имедашвили, вовсе не означают, что молодой автор — эпигон. Влияние Камю на Лашу Имедашвили, если оно существует, а я думаю, что существует, не поверхностное, оно ушло глубоко в структуру его произведения, творчески осмыслено и переработано.

Главный герой рассказа, молодой человек, живет голько в двух временных измерениях. На это недвусмысленно указывается в начале же рассказа: «Время действия: сегодня и вчера». Парень считает, что у него нет завтрашнего дня. Поэтому он никуда не спешит. Его никто не узнает. Одни забыли его, другие бросили, а иные проклинали. Ему кажется, что то, что было, может быть, и не было, может быть, прошлое его и не существовало, а только привиделось ему («Как будто снюсь кому-то... я, как тот сон, который на другой день и не вспомнишь», — говорит Ануки своей подруге Лике). Парень из рассказа Лаши Имедашвили тоскует по детству — «времени, когда у него было все, времени, в котором все были рядом...» В рассказе действие как бы остановлено, все находится в статике. Если у парня нет будущего, нет завтрашнего дня, значит, нет и развития. В этом статичном художественном мире, который сознательно и убедительно создает Лаша Имедашвили, всякий смысл теряет известное высказывание Гераклита: «Все течет, все изменяется». «Число никого не интересовало. Тем более месяц, не говоря уже о дне. Ничего не менялось. Разве что в комнате — интерьер. И то на это решались самые смелые. Вот и все. Большого город ни за что не допустил бы».

Единственное, что живет, действует в этом художественном мире — город! Он персонифицирован автором. Город воспринимается более реальным, живым существом, нежели люди, нежели парень в этом городе, поскольку у города есть «источник жизни» — он питается за счет людей, отдельных индивидуальностей, личностей, лишая их свободы и человеческого естества. Цель города — отнять и у парня собственное лицо, собственные мысли и сделать его, подобно другим, выразителем штампованных, стереотипных, всеобщих мыслей и взглядов:

«Город любил судачить. Зло, несправедливо судачить. Недостойному улыбался, прижимал к груди. Достойного бросал, пово-

рачивался к нему спиной, перемывал ему косточки. Город был чуток к переменам. Даже к малейшим». «...Какой-то осколок прежнего. А осколок видит все по-другому. Порой даже и не видит, и не воспринимает. Ничто уже не раздражало его, ничто не удивляло. Все вокруг ему казалось серым и безликим. Он стал инертным. Словом, совсем другим человеком». Но парень решает спасти себя, «родиться заново», вернуться к самому себе, освободиться от тирании лекарства, работы, среды, от рабства... Через весь рассказ лейтмотивом проходит внутренний бунт, протест против пустого, алогичного, фальшивого, филистерского городского общества как враждебного окружения, которому ничего не стоит пожертвовать невинным человеком. «Они ни за что могут прикончить человека. Волки». «Оно (поколение) безлико, без отличительных черт». «Люди без черт» — типичные «продукты» негуманного, неверного семейного и школьного воспитания. Лаша Имедашвили рисует жестокий, безжалостный, беспощадный мир, в котором даже отец предаёт сына. Вспомним, как отец обманом приводит сына в милицию и заставляет арестовать его... С годами в заключении у парня еще больше усиливается чувство «душевной бесприютности», «покинутости», «безысходности». Предательство отца вызывает в нашем воображении своего рода художественное обобщение: сын так же бесприютен, «беспризорен» и брошен отцом, как город (мир) — Богом (большим отцом). Лаша Имедашвили показывает нам, как человек умирает для себя, когда «исчезает» для всего остального мира.

Мотивы драматических взаимоотношений между отцом и сыном, их взаимоотноуждения, одиночества и поисков избавления от одиночества пронизывают произведение Зураба Самадашвили («Круг»): «Я очень одинок». «Все одиноки, мой Гурджи, у каждого своя беда». «Но разве, — усмехаюсь я, — вместе не легче?» — «Два одиночества вместе — еще большее одиночество». «Разведусь, и не будет большого одиночества».

Вот один из характерных диалогов из беседы главного героя повести Гурджи с Важой. В «Круге» изображен мир, покинутый любовью, мир, в котором сердца людей свободны от любви друг к другу, и, несмотря на то, что они стремятся друг к другу, дабы избавиться от мучительного чувства одиночества, всякого рода взаимоотношения, кроме истинной любви, принимают грубые, вульгарные, низменные, подчас патологические формы. Там, где нет любви, нет и истины, и поэтому выведенные в «Круге» персонажи, сошедшие с пути истины, ходят по кругу, находятся в круге. В круге же жизнь хаотична и прозякача. И они

не вырвутся из этого сатанинского пространства, пока в их жизнь не войдет настоящая любовь, пока в них не восторжествует духовное... Мир, изображенный в «Круге», равно как и в остальных произведениях «Сатаве», и людей, живущих в этом мире, можно охарактеризовать следующим образом (думаю, это будет точная характеристика): безбожные, порочные и грешные, ходят они по кругу («плохой бесконечности»), ибо таковы пути их греховные (Августин).

«Автохарактеристику» концепции рассказа можно вывести из слов Мераба, одного из персонажей «Круга»:

«Мы загнипнотизированы. Все — галлюцинация. Ничего не существует. Для мышления нам нужна реальность». «Все смешалось друг с другом. Повсюду хаос. Границ и меры нет». «Каждая страна в том положении, в каком находится ее интеллигенция». «Все утратило цену».

Повесть Зураба Самадашвили сложна и по форме, и по содержанию. Причем, как мне кажется, автор сознательно усложнил ее. «Круг» — произведение, в котором не только с помощью содержания, но и формы делается попытка передать впечатление «круга», замкнутости и, исходя из нее, — хаоса, попытка, как показалось мне, искусственно усложнившая повесть. Из содержания, раскрытие которого составляло цель автора, естественно не вытекает форма так же, как, в свою очередь, форма не переходит беспрепятственно в содержание. В ряде случаев появляется ощущение явного несоответствия формы и содержания. Этим недостатком грешит и повесть Кети Нижарадзе, но ее выручает почти экзотическая, обнаженная искренность, придающая определенную свежесть, наивность, естественность неровному в художественном отношении произведению. Впрочем, надо отметить, что Зурабу Самадашвили пришлось осваивать более сложный материал. На этот раз, как говорил Овидий, материал подавил художника. В целом впечатление от повести этого талантливого молодого писателя дает гарантию того, что в будущем он представит на суд читателя произведение, еще более достойное внимания.

* * *

В произведениях начинающих авторов действуют персонажи — их ровесники. Основной источник неврозов, душевной боли героев, с моей точки зрения, — внутренняя пустота. Даже у тех персонажей, которые просвещены, интеллектуальны, умеют мыслить, в душах — пусто, вакуум, пустыня. Они утратили жизнерадостность, вдохновение, непринужденность, ощущение жизни как

праздника, стремление к лучшему будущему, к движению «вперед», энтузиазм активного действия и отдались всеобъемлющей, безысходной скуке, своего рода метафизической грусти и печали. Печаль же, как известно, самое «трезвое» и в то же время самое суровое настроение: в печали мы довольно четко определяем наше место в мире — наше реальное, истинное положение, нашу «заброшенность», бесплодность, «душевную неустроенность», наш ужас перед смертью, возможным небытием, когда отсутствуют фундаментальные высочайшие устои. Все это мастерски изображено в повести Ираклия Самсонадзе «Счастливый билет». Можно сказать, тоска, скука — главные герои этого рассказа. Тоска и скука здесь повсюду и — в душах героев, и в семьях, и на улицах, и на кладбищах, и на работе... Персонажи ничем не могут победить тоску и скуку, главной причиной которых является именно внутренняя опустошенность, не могут освободиться от них, хотя прибегают для этого к разным средствам — алкоголь, наркотики, секс, путешествия... Все это приносит им лишь временное облегчение, которое вскоре опять сменяется скукой и тоской. Ни Гия, ни Лика, ни Ануки («Счастливый билет») не нашли того единственного, спасительного «духовного лекарства», которое помогло бы им устоять против страшной болезни — опустошенности (по признанию одного из героев, они «бесконечно далеки от Бога» и в этом причина их несчастья). В однообразной жизни Гии возникает «стена», на которую он часто смотрит, лежа в своей комнате, находясь в плену грустных мыслей и скуки. Этот пассаж периодически повторяется в произведении, так что стена в восприятии читателя предстает уже не просто обыкновенной стеной Гиинной комнаты, но и как образ преграды, замкнутости и безвыходности, которую Гия подсознательно чувствует, понимая, что никогда не одолеет эту преграду, за которой нет прогресса, движения, созидания... Большинство персонажей повести Ираклия Самсонадзе плывут по течению без каких-либо душевных страданий, поисков своего места в жизни, драм, они не выбирают своей дороги, а следуют по той, что предлагает сама жизнь. Они проводят свои дни спокойно, без волнений и тревог, вполне удовлетворенные той формой существования, которую стремятся избежать, «преодолеть» Гия, Ануки и Лика. Чугала, Ванико, Арчил и им подобные идеально приспособлены к условиям жизни, которой живут, ничего противоестественного в том, что полностью погрязли в повседневности они не видят. Для них не существует трагического несоответствия между мечтой и действительностью, которое мучает Гию, Ануки и Лику. Порой

они даже завидуют Гие, который находится в глубоком внутреннем противоречии с социальной средой, не удовлетворен своей судьбой, впрочем Гико противостояние действительности не перерастает в активный протест, его бунт абстрактен, он выражается только на словах. Гия, подобно остальным главным героям уже рассмотренных нами произведений, не борется за «преодоление» судьбы, преобразование социальной среды (эта борьба с самого начала кажется ему обреченной, зряшной, бесперспективной), а предпочитает ей духовную изоляцию, «внутреннюю эмиграцию». Таким образом он пытается подняться над неприемлемой для него действительностью, но не достигает цели, так как и в состоянии изоляции не находит удовлетворения и душевного покоя. Трагедия его жизни именно в этой невозможности возвыситься над повседневностью, над собственной судьбой, над действительностью. Как и остальные молодые авторы, Ираклий Самсонадзе выражает в своем произведении вечные стремления и неудовлетворенные желания современного человека...

* * *

В финале рассказа Лаши Имедашвили «И ты, как все» парень продолжает путь. С мучениями идет по лабиринту... Вместе с парнем, — без всякого наставника, покровителя, проводника, опоры — одиноко бредет по лабиринту целое поколение: герои «Счастливого билета» Ираклия Самсонадзе, «Круга» Зураба Самадашвили, «Автопортрета» Кети Нижарадзе, «Семейной хроники» Котэ Джандиэри. Круг, стена, лабиринт для молодых авторов — пессимистический символ нашего мира. Но от себя замечу, что лабиринт в то же время — оптимистический образ, символ веры в самого себя, в возможность выхода из жизненного тупика. Поскольку у лабиринта есть двери, значит, есть выход, а стало быть и будущее, существует понятие «впереди», существует надежда, что когда-нибудь можно будет выбраться из него. Так в творчестве молодых преодолевается безнадежность, бесперспективность существования, и к двум временным измерениям жизни их героев — настоящему и прошедшему — добавляется третье — будущее, наряду с «сегодня» и «вчера» рисуется «завтра», занимается «будущий день»...

Надо отметить, что вошедшие в «Сатаве» произведения молодых авторов создавались в период «кризиса», «застоя», «духовной и социальной коррозии» нашего общества (М. С. Горбачев). К чести молодых следует сказать, что, подобно писателям

старшего и среднего поколения, они в своих произведениях смело, бескомпромиссно отобразили кризисную «коррозийную» ситуацию жизни общества как в духовной, так и в социально-общественной сфере (здесь я не стану останавливаться на том, с какой остротой вскрыто в творчестве молодых исключительно тяжелое социально-экономическое положение интеллигенции, — это тема отдельной статьи)...

Каковы вкратце (если «подытожить») действительность, обстоятельства, в которых живут литературные персонажи восьмидесятых годов, и какова их судьба, положение в этой действительности?

Наиболее точным ее определением будет в данном случае не «возвышенная», не «героическая» и не «поэтическая», а (по терминологии Гегеля) «прозаическая» действительность; положение же современного человека в этой прозаической действительности — кризисное, проблематичное. Главный признак «прозаической» действительности — одиночество и тотальная отчужденность человека от всех и от всего (от Бога, природы, предков, родителей, авторитетов, идеалов, будущего, активности, действия и т. д.)... Современная действительность внутренне глубоко катастрофична и потенциально несет в себе возможность кризиса, обесценивания идеального, возвышенного, романтического, поэтического, более того, возможность гибели всего этого!

Духовная жизнь и прозаическая действительность находятся в полном несоответствии друг с другом. В этой действительности все меньше места остается для красоты, которую несет искусство. Культ голой пользы, утилитаризма, гедонизма и прагматизма, господство «мещанских» интересов над высокими запросами духа — вот реальное выражение кризиса нашего общества. Сегодня человек все больше и больше отдаляется от «духовных сфер» жизни, которые призваны выражать именно прекрасное, возвышенное, поэтическое, так как в реальности он не видит ни возвышенного, ни романтического. Прозаическую жизнь, ее абсурдность молодые прозаики, да и вообще большинство современных писателей, изображают с помощью того же абсурда, прозаической интонации, кризисного сознания, при этом не только читатели, но и они сами, не могут освободиться от ощущения «абсурда», «прозаичности» и «кризиса», не могут преодолеть его хотя бы творчески. Такая литература идет вслед за современной ей жизнью, изображая ее сурово реалистически, как бы снимая ее точную литературную «кардиограмму». Однако задача литературы — не только следовать за жизнью и фиксировать собы-

тия, но и опережать ее хотя бы на шаг. (Она должна попытаться найти в прозаической действительности идеальное, прозаическое, непрозаическое содержание, сохранить его и развить). Справиться с этой задачей смогут только такая поэзия, такая проза, вообще такое искусство, которое связано с Божественной силой, о которой Илья Чавчавадзе писал: «Моя роль предначертана небом, а растит меня народ, я, мирской, говорю с Всевышним, Богом, чтобы повести за собой народ». Назначение поэта, писателя — вести за собой народ, нацию, указывать верную дорогу к истинной жизни. Но, помимо этого, в стихотворении Ильи важен еще один момент, на котором, насколько мне известно, не останавливались исследователи, тогда как этот момент — весьма существенный (в стихотворении выражена творческая действенная программа не только самого Ильи Чавчавадзе, но и всех истинных писателей): из подтекста стихотворения Ильи ясно, что повести нацию, народ сможет только тот творец, который говорит с Богом, который связан с ним непосредственной, «интимной», внутренней связью; в противном случае, т. е. вне связи с Богом, его произведения будут такими же земными, обыкновенными, как и тот народ, который он должен повести за собой. Писатель только тогда становится выразителем истины (которая скрыта, неизвестна обыкновенным смертным, народу), только тогда в состоянии утешить его, когда он является посредником между Богом и народом, медиумом божественной истины!

Творчеству молодых, как и почти всей сегодняшней грузинской литературе, насколько мне известно, не достает именно этой связи с божественной, трансцендентной силой. Возможно, этим, в первую очередь, объясняется тот факт, что современная литература утратила ту «божественность», «религиозность», «духовность», ту «таинственность», без которых для меня лично невозможно представить истинную литературу, истинное искусство, без которых она не сможет возвыситься над повседневной жизнью, над читателем, не сможет идти впереди него хотя бы на шаг...

* * *

Как мы убедились, реальная жизнь не предлагает героям молодых авторов ничего возвышенного, романтического. В их восприятии жизнь часто предстает голой, пустой, бесплодной пустыней. Эти персонажи разобщены, отчуждены не только друг от друга, но и от труда, своего дела, профессии. Они не могут самореализоваться и самоутвердиться даже в своей трудовой

деятельности, поскольку труд их несвободный, нетворческий, принудительный (многие герои страдают оттого, что не знают, куда деть свою энергию...). И хотя они испытывают сильную потребность преодолеть фрагментарность, расчлененность, бесцельность и бесперспективность собственного бытия, его скуку и меланхолию, осуществить это, как мы уже отмечали выше, в реальной, практической жизни не могут и потому и пытаются компенсировать неудовлетворенные свои желания иллюзиями. Алкоголь, пьянство, секс, непрерывная болтовня, сплетни, хныканье, мечты и пр. помогают им в создании иллюзорной действительности, выходу в иной пласт жизни, где, освободившись от рабской зависимости от вещей и явлений, от однообразного конвейерного ритма повседневности, они попадают в мир призрачной свободы. Потеря трезвого, реалистического сознания, «беспамятство» превращаются для них в «праздник существования». В этом «празднике» беспамьятства, достигнутом пьянством, психодислептическими «озарениями» и подобными средствами, они, кроме чувства освобожденности, получают спонтанно-стихийную возможность реализовать нереализованные в реальной жизни энергию, потенцию, страсти, что приносит им определенное утешение и облегчение. Но это «беспамятство», этот «уход» из повседневности, это «облегчение» — явление временное, иллюзорное, и протрезвление, возвращение вновь в реальную жизнь, к реалистическому сознанию, с каждым разом кажущееся все более невыносимым и катастрофичным — жестоко и губительно. Так что ни один персонаж из рассмотренных нами произведений не сумел по-настоящему самоутвердиться, самореализоваться, ибо в их распоряжении были суррогаты истинной жизни и истинных духовных ценностей.

Даже мечты их нельзя назвать мечтами! Мечта не раскрывает перед ними непостижимых голубых далей. В их мире и идеалы, и мечты, и небо — серого цвета, они банальны. А что может более красноречиво свидетельствовать о деградации человека, его личности как не банальность и приземленность мечты и идеалов?!

* * *

Можно говорить об определенном типологическом сходстве молодых прозаиков и с точки зрения стилистики. Изображая мир «отчужденности», они и стилистически пытаются «зафиксировать» атмосферу отчужденности и разобщения. Их произведения по преимуществу строятся из коротких и «сухих», «отчужденных» друг от друга и «замкнутых в себе» предложений. Повествова-

ние, состоящее из одинаково коротких, однообразных предложений, чаще всего надоедает своей монотонностью, утомляет, тем самым авторы пытаются вызвать у читателя отрицательное отношение к воспроизводимой в произведении действительности, отрицательную реакцию, подобную той, которую она вызывает у самого героя.

Как мы отмечали выше, действительность, в которой живут уже знакомые нам герои, прозаична. Естественно, и речь, язык людей, живущих в условиях прозаической действительности, не может быть возвышенной и поэтичной. Язык, речь, как известно, — «практическое сознание» человека, выразитель его души, естества, характера. И молодые авторы активно используют это свойство речи для показа характера и натуры героев. Путем индивидуализации речи героев, с помощью жаргона, вульгаризмов, грубых выражений и т. д. они показывают не только особенности мышления, стремления и интересы героя, но и тот социальный слой, к которому он принадлежит и который представляет. Однако, естественно, не следует отождествлять вульгарную, жаргонную речь героя с речью автора, что, кстати, нередко допускает примитивное, неразвитое эстетическое сознание (сами авторы весьма критично относятся к такой речи героев). Включение в арсенал художественно-языковых выразительных средств жаргонизмов и вульгаризмов можно только приветствовать, если, конечно, оно мотивировано и обусловлено характером героя, если это сделано на высоком эстетическом уровне, если они художественно переработаны и осмыслены, что, естественно, не всегда удается молодым авторам, подчас не соблюдающим художественную меру в использовании жаргонизмов и вульгаризмов и потому не достигающим в этом отношении художественно-эстетического эффекта.

Хочу остановить внимание на еще одном типологическом сходстве произведений, представленных в альманахе авторов. Тексты их произведений условно можно назвать «вопросниками», которые ставят перед читателем множество актуальных вопросов и приглашают к активному сотворчеству и соразмышлению. Но читатель, пожелай он получить ответы на эти вопросы, тщетно будет искать их в самих текстах, так как ответы на эти вопросы неизвестны не только героям, но и самим авторам рассказов. Бытие, жизнь, мир представляются молодым авторам и их персонажам как великая тайна, великая загадка, как вопрос, на который они пока не нашли ответа (На свете нет ни одного человека, — заявляет один из героев «Автопортрета», — который

мог бы ответить на твои вопросы, а если бы даже и ответил, то — такую ерунду, что уже лучше было бы не спрашивать... «Это были вопросы, рожденные моим «я» и таким состоянием души... которое может погубить тебя, если не получит ответа, не найдет выхода»).

Таким образом, для молодых авторов и их героев проблематично существование целого мира и человека в этом мире...

Персонажи рассмотренных нами произведений в определенном смысле близки к создавшим их авторам. Молодые писатели как бы «объективизируют» себя в собственных героях. Эти персонажи — художественные образы, вобравшие в себя черты поколения, точнее, художественные образы, олицетворяющие ту интеллигентную среду, к которой принадлежат сами авторы. И на мой взгляд, их жизненные позиции во многом сходны.

Объединяет и уподобляет героев всех произведений ущербность морали и отсутствие активной жизненной позиции. Это в первую очередь проявляется в их раздвоении.

С одной стороны, их (имеются в виду, главным образом, центральные герои) характеризует напряженная, интенсивная духовная жизнь, непрерывные раздумья, острая неудовлетворенность существующей действительностью, внутренний бунт и чувство протеста, нонконформизм, проявляющийся в основном в мыслях, в каждодневных разговорах и в бунтарско-истерических выпадах; с другой стороны, — абсолютное внешнее бездействие, безынициативность, пассивность. Духовно, умственно активные, непримиримые, бескомпромиссные, принципиальные и внутренне мятежные, в обыденной жизни они бездеятельны, не способны к борьбе, отстранены, пребывают во «внутренней эмиграции», замкнуты и практически являются настоящими конформистами. Эти герои в основном живут тихой, неприметной жизнью. Сконцентрированные полностью на собственном «эго», они не вмешиваются в чью бы то ни было судьбу. Позиция литературных героев «молчаливого» поколения (с художественной точки зрения, они скорее «антигерои»), созданных молодыми авторами, равно как и позиция персонажей старшего поколения, ни во что не вмешивающихся, стоящих в стороне, напоминает позицию Понтия Пилата (недаром говорится: «Кто умывает руки, тот умывает их в крови!»). Этих героев объединяет друг с другом неприятие активного участия в общественно-социальной жизни, отрицание любой социальной активности, поскольку они считают, что социальную активность проявляют только карьеристы, что активное участие в общественной жизни невозможно без потери человеческого

достоинства хотя бы в определенной «дозе». Поэтому часть персонжей молодых авторов либо вообще отказывается от любого вида служебной и общественно-социальной деятельности, либо подчеркнуто, демонстративно не участвуют в ней (т. н. «снобизм невмешательства»). Запершись в «башне из слоновой кости», они с высокомерием наблюдают за социально-общественной деятельностью, за людьми, принимающими в ней участие. Таким образом они, на первый взгляд, как бы выражают протест против низменной социальной реальности, но своим невмешательством, игнорированием практического, действительного участия в жизни невольно способствуют активизации «сил зла», полностью снимая с себя ответственность и обвиняя во всех грехах обстоятельства, действительность, «других» людей, но только не себя. Для них виновники зла — «другие» (время, эпоха, семья, школа, родители, учителя и т. д.). Им близко и понятно мироощущение Кафки: меня ломают обстоятельства, и непостижимо бальзаковский: я подчиняю себе обстоятельства. Герои молодых авторов еще очень далеки от высокого «морального сознания» и чувства «моральной ответственности», которое обрел Дмитрий Карамазов, отказавшись обвинять в собственных неурядицах и неустроенности мира обстоятельства и других людей. Тогда он и познал очистительную муку в первую очередь за вину перед самим собой, а потом перед всеми остальными за все зло, существующее в окружающей его действительности и во всем мире. Разве не с этого момента начинается в его душе «рождение» «нового человека» и его путь к идеалам Христа?!

Никто из поколения «отцов» не является для молодых героев образцом для подражания, положительным примером, моральным авторитетом и объектом поклонения. И если у кого-то все же есть такой идеал, то он либо уже отошел в мир иной (вспомним, что значит для девятнадцатилетнего Гуджи — героя повести Заала Самадашвили — умерший дед, его «большой тезка», какой это ориентир в жизни мальчика, какой идеал человечности, мужества, достоинства и нравственности, которому Гуджа пытается следовать как в повседневном быту, так и в экстремальных жизненных ситуациях... Такой же идеал для Ланы Узнадзе — безвременно погибший писатель Гурам Картвелишвили), либо живет в чужой далекой стране. Главная причина этого в том, что, как я уже говорил, «дети» воспринимают «отцов» как активных или пассивных («не вмешивающихся») участников той фальши, той лжи, которая стала основой окружающей их действительности.

Теперь понятно, почему в творчестве молодых авторов нет

достоинного «положительного литературного героя», недостаток в котором остро переживает современная грузинская литература (согласно концепции молодых прозаиков, читаемой между строками их произведений, появление такого героя невозможно в нашей дегероизированной, прозаической, кризисной реальности, так как эта последняя не то чтобы не рождает героев, напротив — способствует их уничтожению и нивелировке). Наша действительность и в самом деле прозаическая, дегероизированная и кризисная, но даже в условиях такой кризисной, нездоровой действительности, которой сегодня официально дана суровая оценка, жили и трудились настоящие люди, достойные личности как старшего, так и молодого поколения, не павшие ни духовно, ни морально, ни граждански, ни творчески, не покривившие совестью, они в любых — и в обыкновенных, и в экстремальных ситуациях, на «экзаменах жизни» — служили примером истины, достоинства, справедливости, патриотизма, гражданственности, гуманизма. Такие люди и сегодня живут среди нас, среди наших отцов и матерей. Они достойно, можно сказать, героически борются, работают, страдают...

Необходимо расширить писательский, творческий горизонт, увидеть этих людей, изучить их жизнь, попытаться пробудить в самих себе присущие им лучшие чувства (разумеется, если они есть у нас хотя бы в зародыше) и преобразовать реальные образы в образы художественные, в литературных героев, сделать их деятельными нравственными ориентирами, «духовными маяками», которые в мрачной и абсурдной, прозаической действительности укажут людям дорогу из мрака — к вере, истине, действию, к «стране обетованной».

* * *

Потенциальные возможности молодого литературного поколения станут еще более очевидны, если мы учтем, что в первом номере альманаха не приняли участия некоторые уже хорошо известные литературной общественности талантливые «восьмидесятники»...

Добавлю, что большая часть представителей самого этого поколения до сих пор не верила, что в грузинской литературе уже реально существует новое литературное поколение — «восьмидесятники» (термин этот условен и употребляется нами в том же значении, что и «шестидесятники», «семидесятники», как рабочий литературный термин для ориентации в обширном современном литературном процессе).

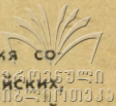
1953-40
812-111033

И все же, есть ли у нас новое литературное поколение?

Да, есть — талантливое, образованное, эрудированное, которое, опираясь на достижения культуры, а не только на собственный талант и интуицию, жизненный опыт и вдохновение, продолжает достойно развивать поднятые предшествующими литературными поколениями — «шестидесятниками», и особенно «семидесятниками», проблемы, темы и мотивы. Пусть их своеобразным художественным «исследованиям», творческим переработкам, смелому художественному анализу действительности еще не хватает глубины, масштабности, мастерства, многосторонности социального критицизма, который отличал писателей предшествующего поколения — нельзя не учитывать, что они еще очень молоды, а это имеет особенное значение (ибо, чтобы писать прозу и критику, наряду с талантом и вдохновением необходимы большой жизненный опыт, способность к рефлексии, интеллект, эрудиция, определенное философское мышление). Кроме того, они, естественно, еще не успели создать обширной литературной продукции...

Поэты в альманахе «Сатаве» представлены по количественному принципу. Всего двадцать шесть поэтов. На мой взгляд, это остаточное явление практики прошлых лет, в результате которого талантливые поэты наряду с неталантливыми были представлены всего несколькими стихотворениями. Поэтому я не возьму на себя смелость разбирать творчество, каким бы талантливым и интересным он ни показался мне, каждого поэта в отдельности. (При критической оценке молодых авторов всегда нужна осторожность, тем более, если мы знакомимся с ними впервые, да еще к тому же всего лишь по нескольким стихотворениям).

Одним словом, представление молодых поэтов по количественному принципу мне кажется серьезным недостатком альманаха «Сатаве». Это поставило их в неравное положение по отношению к их ровесникам — прозаикам и отнюдь не способствовало выявлению новых имен в грузинской поэзии. Однако недостаток этот, к счастью, легко устраним. Надо учесть, что наш альманах — первая попытка представить творчество молодых, и он не претендует на совершенство. Хотелось бы, чтобы для следующих номеров редактор и редколлегия из нескольких десятков молодых поэтов придирчиво отобрали, скажем, 5—6 наиболее интересных, талантливых имен и предложили нам обширную публикацию их стихов...

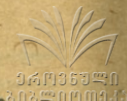

Героиня «Автопортрета» в основном читает произведения современных американских, французских, немецких, английских, японских, одним словом, зарубежных (негрузинских) писателей. Преимущественно именно их творчество формирует героиню интеллектуально-мировоззренчески и духовно. Тут впору задуматься, почему молодые больше увлечены зарубежной литературой, почему именно современные американские и европейские писатели адекватно выражают дух и мироощущение нашей современной молодежи?!

Но ошибается тот, кто думает, что современная грузинская литература играет в творчестве молодых писателей незначительную роль. Наоборот, я думаю, они связаны с родной литературой более глубокой, внутренне органической связью. Дело в том, что родная литература глубоко освоена, творчески переработана молодыми писателями и составляет неотъемлемую часть их души, чего нельзя сказать о литературе зарубежной. Поэтому влияние зарубежных писателей на творчество молодых преимущественно поверхностное, более заметное глазу, что создает иллюзию, будто западную литературу они знают лучше родной. (Впрочем, это вполне естественный момент в процессе творческой эволюции молодых писателей). Ясно одно — большинство представленных в альманахе авторов отличает поверхностное знание древнегрузинской духовной литературы и вообще национального классического наследия, на что, в первую очередь, указывает бедный, непластичный язык их художественных произведений...

Я не стремился дать адекватной интерпретации тех произведений, о которых мы вели подробный разговор, поскольку невозможно интерпретировать произведение более адекватно, чем это делает оно само. (В таком случае я должен был переписать его слово в слово). Любое произведение в определенном смысле — это вопрос, открытая система, позволяющая каждому читателю, каждому критику вносить в нее свое «содержание», свои ответы. «Наполняя» произведение своим содержанием, своими мыслями, мы, в свою очередь, отталкиваемся от той формы, которую предлагает то или иное произведение, говорим не только и не столько о том, что есть в произведении, но о том, чего нет или что в нем могло быть, чего не видно на поверхности и что мы можем «открыть» для себя (вспомним в связи с этим взгляды Р. Барта, М. Хайдеггера). Хотя во всех случаях цель критики одна — как можно ближе подойти к конкретному художественному произведению...

Содержание журнала

„Литературная Грузия“ за 1989 год

Проза

- АДЕИШВИЛИ А. Рассказы. II, 82.
АВАЛИАНИ Л. Смерть и рождение косули. XI, 3.
Жертва своего пристрастия. XI, 46.
АХВЛЕДИАНИ С. Два этюда. X, 119.
БЕТАНЭЛИ Д. Виденное и пережитое. VII, 139.
БУАЛО-НАРСЕЖАК. Среди мертвых. V, 76; VI, 88; VII, 120.
ГВЕЛЕСИАНИ Л. Из переписки фронтовых друзей. XII, 126.
ГУЛИА Г. Аравийская повесть. II, 98; III, 78.
ДЖАНДИЭРИ К. Семейная хроника. XII, 89.
ДЖАПАРИДЗЕ Р. Кривой Миха. III, 35.
ДОЧАНАШВИЛИ Г. Порозы и вместе. VI, 22.
КАКАБАДЗЕ К. Поразмыслив об одиночестве. XII, 140.
КАЛАДЗЕ А. Возвращение. IV, 130.
КАЛАНДИЯ З. Жертва. II, 8.
КАРЧХАДЗЕ Д. Юпитер сожалеет. IX, 8.
КОВИДЗЕ Р. Приключения Бакара Андзавели. VIII, 122; IX, 100; X, 6.
ЛОМОУРИ И. Рассказы. VIII, 105.
МАГЛАПЕРИДЗЕ Т. Солс для осени. VII, 6.
МИШВЕЛАДЗЕ Р. Новеллы. XI, 68.
НИЖАРАДЗЕ К. Автопортрет. XII, 4.

- ОСИНСКИЙ В. Фантазия. V, 57.
ПАЙЧАДЗЕ С. Где-то на обочине... IV, 3.
ПОЦХВЕРИЯ Г. Рассказы. XII, 154.
РОБАКИДЗЕ Г. Енгед. III, 3.
САМАДАШВИЛИ З. Как песня, хрипло напетая под гитару. XII, 73.
САМХАРАУЛИ С. Рассказы. X, 51.
ТАБАТАДЗЕ К. Рассказы. VIII, 38.
ХАИНДРАВА Л. Вася Савченко. I, 104.
ЧАЛАУРИ Т. Угрюмый незнакомец. IV, 115.
ЧЕЛИДЗЕ В. Исторические хроники Грузии. I, 14.
ЧХЕИДЗЕ О. Рассказы. VIII, 5.
ШАТАИДЗЕ Н. Рассказы. V, 12.
ШЕНГЕЛАЯ Д. Тбилиси. I, 8.

Записки актрисы

- САКВАРЕЛИДЗЕ К. Воспоминания. XI, 131.

Поэзия

- АРАБУЛИ Б. IX, 97.
АСАЕВ Р. IX, 95.
АСТАХОВ Н. I, 100.
БААЗОВ Г. X, 47.
БАКРАДЗЕ Н. VIII, 120.
БАКРАДЗЕ Э. XII, 152.
БЕДОШВИЛИ Л. XII, 137.
БЕРУЛАВА Х. VII, 3.
БУАЧИДЗЕ А. XII, 166.
БУРКИАШВИЛИ Т. XII, 133.
ГАБУРИ А. XII, 170.

ГАПРИНДАШВИЛИ В. XI
66.
ГОГИЧАШВИЛИ Н. XII,
88.
ГРИГОЛАШВИЛИ Г. XII,
150.
ГУГУШВИЛИ Б. XII, 151.
ДЖАКЕЛИ Л. XII, 170.
ДЖАНГУЛАШВИЛИ Т.
VII, 37.
ДЖАПАРАШВИЛИ Л. III,
33.
ДЖУЛУХИДЗЕ Г. VIII, 117.
КАВТАРАДЗЕ Ш. IV, 127.
КАЛАНДАДЗЕ Б. XII, 82.
КАХИДЗЕ М. III, 31.
КВЛИВИДЗЕ М. IX, 3.
КОБЕРИДЗЕ М. XII, 139.
КОРИНТЭЛИ К. IX, 5.
КУДИМОВА М. X, 50.
МАЧАВАРИАНИ М. V, 6.
МЕПИСАШВИЛИ Г. XII,
136.
МИКЕЛАДЗЕ М. XII, 87.
НИЖАРАДЗЕ Э. VIII, 32.
НИШНИАНИДЗЕ Ш. II, 3.
ОКРОПИРИДЗЕ С. IX, 146.
ОНАНЫ Г. X, 124.
ОРАГВЕЛИДЗЕ Г. V, 54.
ОТАРАШВИЛИ В. XII, 83.
ПОАХИШВИЛИ М. X, 3.
ПХОВЕЛИ Д. IV, 112.
СОПРОМАДЗЕ Н. XII, 82.
СТУРУА Л. VIII, 3.
ТАКИДЗЕ Д. XII, 153.
ТОИДЗЕ М. XII, 169.
ФЛОРЕНСКИЙ П. III, 70.
ХАРАНАУЛИ Б. VII, 80.
ХАРЧИЛАВА В. II, 79.
ЦААВА Д. V, 49.
ЧАРКВИАНИ И. XII, 133.
ЧИЛАДЗЕ О. I, 96.
ШАБАТАШВИЛИ Н. XII,
152.
ШАЛВАШВИЛИ М. XII,
167.

Критика и литературоведение

ВАСАДЗЕ Т. Разрушение
живого мифа. X, 128.
ГАМЕЗАРДАШВИЛИ З. Где
вы, герои нашего време-
ни? X, 141.

ГАЧЕЧИЛАДЗЕ М. Хрони-
ка одной «полемики»
200.
МАГАРОТТО Л. Влияние
Ницше на раннее творчест-
во Григола Робакидзе. IX,
148.
МИЧДИАШВИЛИ А. В ла-
биринте... XII, 194.
СИГУА С. «Похищение лу-
ны» — документ эпохи.
VIII, 169.
ЦАНАВА А. Символика
«цепи» в новеллах Реваса
Мипшвеладзе. X, 187.

К трагическим событиям 9 апреля в Тбилиси

ДЕКЛАРАЦИЯ ЕДИНЕНИЯ
и скорби представителей
народов земли Грузинской.
VI, 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ химико-ток-
сикологической подкомис-
сии комиссии Верховного
Совета ГССР по рассле-
дованию обстоятельств,
имевших место 9 апреля
1989 г. в г. Тбилиси. VI,
5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ медицинской
подкомиссии. VI, 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ следствен-
ной подкомиссии о закон-
ности введения комендан-
тского часа в г. Тбилиси
9 апреля 1989 г. VI, 16.

ИЗ ПОЧТЫ Союза писате-
лей Грузии. V, 154.

К ТРАГИЧЕСКИМ СОБЫ-
ТИЯМ... IV, 173, 224; V,
203.

ЧИЛАДЗЕ О. Я осуждаю же-
стокость. V, 3.

Трибуна писателя

АМИРЭДЖИБИ Ч. Точка
зрения. X, 163.

ГАЦЕРЕЛИА А. Монолог из
диалога. I, 151.

С писателем Г. ГЕГЕШИДЗЕ
беседует журналист

А. ГВЕЛЕСИАНИ. Истина
есть победа. VI, 124.
ЧИЛАДЗЕ О. Монолог из
диалога. IV, 145.

26 мая — день восстано-
вления грузинской государ-
ственности

АВАЛИШВИЛИ З. Незави-
симость Грузии в между-
народной политике 1918—
1921 гг. Вступительное
слово Камиллы Коринтэ-
ли. VI, 153.

Акт независимости Грузии.
VI, 190.

Публицистика

ДЖАПАРИДЗЕ Р. Родина
или «привычный пейзаж»?
I, 196.

ЕЛИГУЛАШВИЛИ М., ХА-
ЛАТЯН Н. Вечная мерз-
лота. XII, 171.

КУПАРАДЗЕ И., ЕЛИГУ-
ЛАШВИЛИ М. Это было
со мной... II, 192.

МИМИНОШВИЛИ Р. Интер-
национальное без нацио-
нального, или «интер»
без функций. V, 158.

НОДИА Г. Нация и демо-
кратия. II, 149.

СУЛАКВЕЛИДЗЕ Л. Мед-
лить нельзя! III, 190.

ХАИНДРАВА Л. Некото-
рые мысли по поводу
современной «сталиниа-
ны». I, 125.

Наши публикации

АБАШИДЗЕ К. Позорная
война. Публикация, под-
готовка текста, вводное
слово и примечания Геор-
гия Абашидзе. IX, 161.

ГОГЕБАШВИЛИ И. Поли-
тиканство в Абхазии. Всту-
пительное слово, перевод
и примечания Камиллы
Коринтэли. IX, 175.

КАКАБАДЗЕ Д. Пария
(1920-23 годы). IV, 174.

РОБАКИДЗЕ Г. Письма Ан-
дрею Белому. Ованес Све-
тозарный — статья. VI,
192.

ХЕЛАЯ А. «Я исполнил свой
долг...» Вступительное сло-
во Акакия Миндиашвили.
VI, 199.

Личность и время

БАРАМИДЗЕ Р. Столп гру-
зинской филологии. X,
155.

БУАЧИДЗЕ Г. Через 41°
VII, 168.

МИМИНОШВИЛИ Р. «Дол-
жник». X, 162.

СУЛАБЕРИДЗЕ Ю. Служе-
ние идеалам демократии.
IX, 196.

Валериану Гаприндашвили —
100 лет

ХЕТЕРЕЛИ Ц. Мысли о те-
атре. I, 186.

ЧАВЧАВАДЗЕ-ТОРАДЗЕ М.
«И имя нам — любовь».
I, 177.

ЧЕРЕДНИЧЕНКО В. Анализ
одного стихотворения. I,
191.

К 175-летию со дня рождения
Михаила Юрьевича
Лермонтова

АХВЕРДЯЧ Р. «Мцыри» и
Имеретинское восстание
1819—1820 годов. XI, 167.

Проблемы экологии

ШИШКАНОВ С. Выход —
в экологически безотход-
ной цепи. VII, 196.

Писатель и история

НАТРОШВИЛИ Т. Аполо-
гия позабытого героя. III,
138.

Колонка редактора

Иду с незапамятных времен.
I, 3.

Из истории христианства
в Грузии

ЦИХИСТАВИ Н. «...Чтобы
все люди спаслись и при-
шли к уразумению исти-
ны...» IX, 206.

Искусство

МИРОНОВ Г. Бессмертная
свирель Дато. VII, 185.
ТОРАДЗЕ Г. Рожденная
для скрипки. II, 215.
УРУШАДЗЕ П. После гас-
ролей. IX, 214.

Рецензии

БУЯНОВ М. Возвращение к
стабильности. III, 157.
КОБЕРИДЗЕ К. Неизвест-
ный, которым мы гордим-
ся. III, 164.
КОШУТ С., ДЖОРБЕНА-
ДЗЕ Н. От истоков словес-
ности — до наших дней.
IX, 221.
ПРОСТОСЕРДОВ В. Возвра-
щение к стиху. II, 219.
ТОПУРИДЗЕ Э. Нити, ко-
торые не рвутся. VIII,
181.
ФАЛИЛЕЕВА А. «Путеше-
ственный» роман Дюма.
VII, 211.
ЭБАНОИДЗЕ А. Островок
надежды. III, 167.

Страницы истории

БААЗОВА Л. Грузинские
евреи: уникальность явле-
ния и опыт истории. VI,
137.
МЕНТЕШАШВИЛИ А., СУ-
РГУЛАДЗЕ А. Только
факты и документы. XI,
143.
ТУСКИЯ Б. Пусть прошлое
придет к нам из будуще-
го. IV, 166.
ХАЦКЕВИЧ В. 1789-й год.
Уроки будущего?.. IX, 183.

Вопросы философии

ЗАХАРЬИН Б., ПЯТИ-
ГОРСКИЙ А. Философ-

ские идеи Махатмы Ган-
ди. Вводная статья М.
Мамардашвили. X, 179.

Документы, письма,
воспоминания

БАХТАДЗЕ И., ДИМИТРИ-
АДИ Н. «Грузинские»
страницы. IV, 211.
ДВА ДОГОВОРА с двумя
односторонними коммен-
тариями. VIII, 187.
ДОЛИДЗЕ Л. «Всех богатств
добытых лучше добыва-
нье доброй славы». X,
212.
КИКНАДЗЕ В. Кавказ, вдох-
новитель муз. III, 188.
КРАВАЛЬ Л. Тифлисский
визит. X, 205.
«НАСТАЛО ВРЕМЯ РАС-
СКАЗАТЬ...» — воспомин-
ания Наты Чхеидзе о
Карло Чхеидзе. Вступле-
ние и запись Е. Браилов-
ской.
РЕЧИ КАРЛО ЧХЕИДЗЕ в
Государственной думе. Пу-
бликация Наты Чхеидзе.
X, 195.
ПИМЕНОВ Р. Памяти Си-
мона. X, 199.
РОССОХА Л. Друг Кобзар-
я и Жеваховых. IV, 221.
«ТОЛЬКО ОДНА НАУКА
РАДУЕТ МЕНЯ...» (Пись-
ма Г. Церетели к И. Джа-
вахишвили). VIII, 205.
ЦУЛУКИДЗЕ Т. «Долгих
лет нескончаемой ночи
страшной памятью сердце
полно». III, 175.
ЧИЛАЯ С. Мысли, навеян-
ные подаренной книгой.
II, 208.
ЯШВИЛИ Л. Светлой памя-
ти дирижера. II, 202.

Литературные
взаимосвязи

БАРАМИДЗЕ Л. «Строитель
храма вечности» и Иа-
самани. XI, 221.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ, Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА, Марк ЗЛАТКИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь), Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Георгий ЧАРКВИАНИ (заместитель главного редактора), Серги ЧИЛАЯ.

Технический редактор И. Зурабашвили
Корректор Т. Бадриашвили

Сдано в набор 14.11.89 г. Подписано к печати 20.12.89 г. УЭ 08948. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Печать высокая. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 6.250. Заказ 2469. Цена 65 коп.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию» обязательна.

При обнаружении полиграфического брака просим обращаться в типографию Издательства ЦК КП Грузии, по вопросам доставки журнала — в «Союзпечать».

Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5.

Телефоны: Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного редактора — 93-13-57, ответственный секретарь — 93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и 93-65-19.

Ордена Трудового Красного Знамени типография Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 კ.

26-89

89-775

ИНДЕКС 76117

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

ყოველკვირული ლიტერატურულ-მხატვრული და
საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი
„ლიტერატურნაია ვრუზია“
(რუსულ ენაზე)

საქართველოს მწერალთა კავშირის ორგანო
გამოდის 1957 წლის ივნისიდან

